

᠒

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

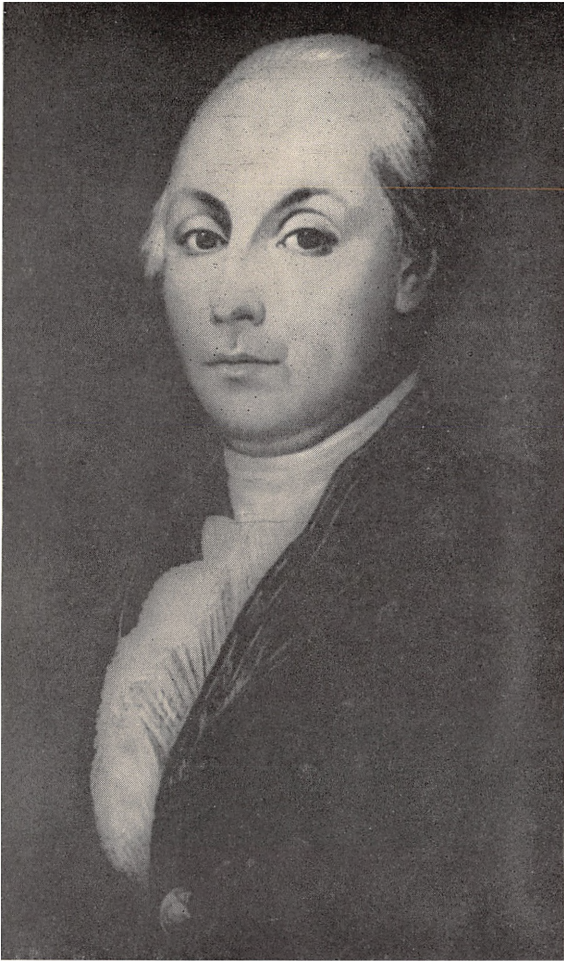
А. Н. РАДИЩЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
В. А. Запорова*

Поэтическое творчество А. Н. Радищева (1749—1802) сыграло значительную роль в истории литературы. Автор оды «Вольность», первого произведения русской революционной поэзии, обладал большим лирическим дарованием. Для него как поэта характерно глубокое философское осмысление явлений прошлого и современности, предвидение будущего, страстная публицистичность, мастерское владение техникой стиха, поиски новых изобразительных средств. В настоящее издание включены все дошедшие до нас стихотворения Радищева. Текст ряда произведений уточнен.

© Издательство «Советский писатель», 1975

ПОЭЗИЯ А. Н. РАДИЩЕВА

В статье «О национальной гордости великороссов» (1914) В. И. Ленин писал: «Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насильям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилья вызывали отпор из нашей среды, из среды великоросов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика».¹

Именем Радищева открывается история русского революционного движения. Радищев первым осознал коренные противоречия самодержавно-крепостнической России и стал на сторону угнетенного народа. Как зачинатель русской революционной поэзии он выступил в оде «Вольность», как мыслитель-революционер он предстает и в «Житии Федора Васильевича Ушакова», и в «Письме к другу, жительствовавшему в Тобольске», и в других сочинениях. Однако с наибольшей силой ненависть писателя к самодержавию и крепостничеству выразилась в «Путешествии из Петербурга в Москву» — произведении, которое раз и навсегда определило место Радищева в истории русского революционного движения и в истории русской литературы. «Путешествие» вобрало в себя весь разнообразный жизненный опыт писателя, отразило понстине энциклопедический характер его знаний и интересов, подытожило тридцатилетние наблюдения

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, с. 107.

и размышления над самыми разными сторонами российской действительности, событиями мировой и русской истории.

В свою очередь «Путешествие» было в идеологическом и литературном отношении подготовлено художественной прозой и особенно поэзией Радищева. В годы же, последовавшие за изданием «Путешествия», по ряду причин — как общелитературных, так и биографических — поэзия вообще выходит в творчестве писателя-революционера на первый план.

1

Александр Николаевич Радищев родился 20 (31) августа 1749 года. Как и большинство его сверстников, начатки образования он получил в домашних условиях — сначала в деревне, а затем в Москве, в доме дальнего родственника, где его учили профессора и учителя Московского университета. Однако в конце 1762 года Радищев в возрасте тринадцати лет начал службу при дворе в качестве паж.

28 июня 1762 года в результате дворцового переворота на престол вступила Екатерина II. Свергнув с престола своего мужа Петра III, новая императрица публично, в обнародованных манифестах, осудила его как государя-деспота и противопоставила низложенному царю себя — просвещенную государыню. Тем самым Екатерина сразу же охарактеризовала свое правление как просвещенную монархию, отличную от государств с деспотическим строем. С первых манифестов Екатерина II заговорила языком указов Петра I, — и это было далеко не случайно, как и насаждавшееся ею демонстративное поклонение Петру, культ Петра: ведь для всей прогрессивной русской общественной мысли, философии, литературы (Кантемир, Ломоносов, Сумароков и др.) Петр I был идеалом просвещенного монарха.

Однако практическая деятельность Екатерины расходилась с широкообещательными декларациями. Отнюдь не стремлением к «общему благу», а желанием обеспечить себе поддержку ближайшего окружения и широких дворянских кругов объяснялись изливавшиеся потоками награды, чины, раздача земель с крепостными, денежные пожалования. С начала правления Екатерина искала опору в среднем дворянстве, а чтобы «опора престола» была прочной, следовало привести в повиновение крестьянство. Бунты же крестьян — крепостных, приписных, монастырских — не прекращались. Отсюда возникала необходимость активизации государственного аппарата, призванного

оберегать интересы привилегированного класса. Ряд изданных в 1760-е годы указов окончательно лишил крепостных крестьян всяких, даже формальных, юридических прав. «Крестьянин в законе мертв», — с негодованием восклицал Радищев в «Путешествии», и такое положение было закреплено в русском законодательстве в первые годы екатерининского царствования.

О первых программных манифестах Екатерины Радищев узнал из печати: они не только были опубликованы в качестве приложений к обеим русским газетам — «Санктпетербургским» и «Московским ведомостям», но и многократно переизданы. О дальнейшей деятельности императрицы и правительства, о жизни двора он мог судить по собственным впечатлениям.

Во время торжеств в Москве, связанных с коронацией Екатерины II, Радищев 25 ноября 1762 года был «пожалован в пажи». зачислен в Пажеский корпус. В июне 1763 года юный Радищев вместе со всем двором прибыл в Петербург.¹

Главная цель создания Пажеского корпуса заключалась в том, чтобы, неся службу при дворе, пажи имели возможность получать образование и воспитание.

Инструкцией 1759 года было предусмотрено обучение многим наукам, однако русский язык упоминался в этой инструкции лишь в связи с обязанностью пажей переводить французские комедии, ставившиеся в придворном театре.² Кроме того, пажи должны были делать из театральных пьес «экстракты», то есть составлять либретто, краткое изложение содержания, и представлять их в Придворную контору для поднесения императрице и наследнику Павлу. Под «экстрактом» одной из немногих сохранившихся до нашего времени программ на французском языке стоит подпись Александра Радищева (составлена, по-видимому, в октябре 1765 года).

В 1765 году академик Г. Ф. Миллер разработал новый план обучения пажей, в котором число подлежащих преподаванию наук

¹ В подавляющем большинстве работ о Радищеве сообщается, что он приехал в Петербург вместе с двором после коронации в январе 1764 года. Источником этой даты является труд В. В. Мияковского «Годы учения А. Н. Радищева» («Голос минувшего», 1914, № 3, с. 8). Однако подробное описание въезда Екатерины в Петербург 28 июня 1763 года опубликовано в «Санктпетербургских» и «Московских ведомостях». См.: Л. И. Кулакова и др., «Радищев в Петербурге», Л. (находится в производстве). В этой же книге см. более подробное обоснование ряда фактов, приводимых в настоящем издании без развернутой аргументации, например сведения об авторстве «Отрывка путешествия в *** И *** Т ***» и др.

² ЦГИАЛ, ф. 466, оп. 1, д. 93, лл. 214—219 об.

было резко увеличено. Особое значение для будущей судьбы Радищева имело введение в учебный план юриспруденции и русского языка, причем в области русского языка Миллер предлагал, помимо грамматики, ознакомить учащихся с образцами произведений лучших писателей и ломоносовской теорией «трех штилей». ¹

За годы пребывания в Пажеском корпусе Радищев получил основы разнообразных знаний. Здесь он сблизился с А. М. Кутузовым, А. К. Рубановским, П. И. Челищевым, С. Н. Яновым, познакомился с Д. И. Фонвизиным, брат которого был товарищем Радищева по корпусу. Здесь приобщился к просветительской философии и литературе, знакомство с которыми было своего рода признаком светской образованности. «Как ни много времени уходило на придворные церемонии, балы и маскарады, — верно отметил Я. Л. Барсков, — для успеха в «обществе» требовалось в шестидесятых годах знакомство не с последней парижской модой на костюм или прическу, а с новейшими произведениями литературы, науки, искусства» ²

Вместе с тем Радищев имел возможность наблюдать постоянную борьбу между придворными группировками, между отдельными лицами за возможно более высокие места в дворцовой иерархии, за влияние на императрицу. В этой борьбе не брезговали никакими средствами, иной раз и кровавыми. Оценивая дворцовые нравы с просветительских позиций, великий драматург Д. И. Фонвизин вынес приговор всей системе екатерининского самодержавия в «Недоросле».

Еще резче дворцовые нравы были охарактеризованы в фонвизинской «Всеобщей придворной грамматике» — произведении, которое при жизни писателя опубликовано не было, но разошлось в огромном количестве списков. На одну из рукописей (может быть, прочитанную у самого Фонвизина) сослался Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». Хотя издание «Стародума» было запрещено цензурой, Радищев, как явствует из главы «Завидово», бесспорно читал сочинение выдающегося просветителя, близкого ему по критической настроенности и повлиявшего на него как писателя. Радищев в разных произведениях неоднократно использовал мотивы и образы «Недоросля».

Круг жизненных наблюдений Радищева в годы пребывания в Пажеском корпусе не ограничивался дворцовыми впечатлениями.

¹ См.: М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 1, СПб., 1881, с. 543—544.

² «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», М.—Л., 1935, с. 70—71.

Видел он и «бурлаков» — приходивших из деревень на заработки в Петербург крестьян, наблюдал жизнь крепостных деревень, расположенных в «низких и болотных местах» Ямбургского уезда Петербургской губернии, когда со своим другом, пажом Андреем Рубановским, ездил в Онстпель, имение В. К. Рубановского, на дочери которого Радищев впоследствии женился.

В середине 60-х годов особенно остро встал вопрос о необходимости приведения в порядок российского законодательства. Последний общерусский свод законов — Уложение — был принят еще в XVII веке, в царствование Алексея Михайловича.

Для разработки нового свода законов Екатерина решила созвать Комиссию по составлению нового Уложения, в которую должны были войти выборные представители от различных сословий (кроме крепостного крестьянства), местностей, национальных меньшинств. Нужны были и квалифицированные юристы, люди с хорошим европейским образованием.

В числе других наук пажам преподавали начала юриспруденции, латинский и немецкий языки, и потому, когда встал вопрос о том, кого отправлять в Лейпциг для получения юридического образования, императрица остановила свой выбор прежде всего на пажах. В конце сентября 1766 года вместе с друзьями отправился в Лейпцигский университет Радищев ¹

За годы пребывания в Лейпциге (1767—1771) помимо юридических наук Радищев занимался естествознанием, химией, медициной и т. п. Особую роль в формировании его мировоззрения сыграли сочинения французских философов-просветителей — Вольтера, Монтескье, Руссо, Мабли, Гольбаха, особенно Гельвеция, по книге которого «Об уме», по словам Радищева, он и его товарищи «мыслить научались». По немецким газетам и рассказам проезжавших через Лейпциг соотечественников, по доходившим в Германию номерам русских журналов Радищев следил за горячими дебатами в Комиссии по составлению нового Уложения, где наиболее ярые споры шли по крестьянскому вопросу. После завершения работы Комиссии крестьянская проблема стала предметом бурной полемики между сатирическими журналами Н. И. Новикова «Трутень», Ф. А. Эмина «Адская почта», с одной стороны, и официозным еженедельником «Всякая всячина» — с другой.

Первый по времени появления журнал «Всякая всячина» по характеру публикуемых материалов был недвусмысленно проправи-

¹ Этот период подробно освещен в кн.: А. И. Старцев, Университетские годы Радищева, М., 1956.

тельственным. В нем делались попытки объяснить провал Комиссии, оправдать существование крепостного права, взять под защиту «подьячих», то есть чиновников — взяточников, крючкотворов, казнокрадов, убедить все сословия быть довольными своим положением и не стремиться изменить его. Основной задачей журнала было увести литературу от острых социальных проблем, свести сатиру к зубоскальству и к насмешкам над мелкими бытовыми недостатками. Словом, охранительный характер «Всякой всячины» был для современников ясен, наиболее же пронизательные понимали, что журнал этот по существу не сатирический, а «политический» (по определению Ф. А. Эмина).

Прогрессивная просветительская журналистика — журналы Новикова и Эмина, а также «Смесь» неизвестного издателя¹ — вступила со «Всякой всячиной» в крайне резкую полемику, прежде всего по вопросу о характере сатиры, какой она должна быть — по тогдашней терминологии: сатирой «на лица» или сатирой «на пороки». В ходе общественно-литературной борьбы выяснилось, что под сатирой «на лица» подразумевается право на критику конкретных социальных пороков российской действительности, причем важнейшими объектами сатиры были злоупотребления крепостным правом, обличение дворян-крепостников, защита человеческого достоинства крестьян и т. д. Так как во многих произведениях сатирических журналов сатиры в обычном понимании не было, но было гневное обличение, сарказм, в пылу полемики Эмин сформулировал более точный термин, назвав сатириков «критическими писателями». «Всякая всячина» же ратовала за сатиру «на пороки» — причем чаще всего на общечеловеческие недостатки (этим словом она в конце концов даже заменила само слово «пороки»), к социальным язвам России не имевшим отношения.

В споре с сатириками «Всякая всячина» (а негласно — сама императрица всероссийская) потерпела поражение, и в дело вмешалась цензура. «Трутьень» 1770 года мало похож на журнал предыдущего года, хотя на его страницы и в 1770 году время от времени проскальзывали острые материалы. Однако Новиков продолжал свою поистине героическую борьбу еще почти пять лет, но как издатель сатирических журналов — в одиночестве: Ф. А. Эмин неожиданно умер в апреле 1770 года; по некоторым данным, он был доведен до самоубийства. В том же 1770 году Новиков попытался издавать журнал «Пустомеля», но в свет вышло только два номера.

¹ Относительно издателя «Смеси» существует несколько гипотез, однако ни одна из них пока достаточно не обоснована.

Затем последовали «Живописец» (1772—1773) и «Кошелек» (1774) — журналы просветительского содержания, вначале резко обличительные, а затем (видимо, из-за жестокой цензуры) весьма умеренные.

Общественно-литературная деятельность Эмина и Новикова являлась существенным фактором в формировании литературных взглядов Радищева. Все его творчество по существу было практической реализацией права на критику не только социальных пороков но и всей русской социально-политической системы, — права, отвоеванного в жестокой борьбе просветительской журналистикой 1769—1774 годов.

По возвращении в Россию в 1771 году Радищев был назначен протоколистом в Сенат — высшее административное учреждение страны, «хранилище законов», по определению Екатерины II. Но роль пассивного регистратора в этом «хранилище» Радищева привлекала мало, и в 1773 году он перешел на должность обер-аудитора (юридического советника) штаба Финляндской дивизии в Петербурге. К этому времени относится начало литературной деятельности Радищева. Вскоре после приезда на родину он познакомился с Новиковым лично. В 1772 году в журнале Новикова «Живописец» был анонимно опубликован «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***». Автором произведения, имевшего ярко выраженный антикрепостнический характер, как свидетельствует П. А. Радищев, был его отец.¹ В 1771—1773 годах он перевел ряд произведений. Наиболее интересен изданный Новиковым в 1773 году перевод книги Г. Мабли «Размышления о греческой истории» с примечаниями Радищева.

В 1773—1775 годах Россия была буквально потрясена крестьянским восстанием под водительством Е. И. Пугачева. Насколько позволяют судить многочисленные упоминания об этом событии в сочинениях Радищева, содержащие и общую оценку восстания, и упоминания о конкретных эпизодах, будущий автор «Путешествия» пристально следил за ходом восстания. А занимая по должностной иерархии второе место в штабе дивизии, Радищев имел доступ к некоторым секретным правительственным документам, к указам Военной коллегии и был осведомлен о ходе восстания и его подавлении намного лучше большинства современников. Жестокая расправа с восставшими не могла не возмутить Радищева до глубины души, и он ушел с военной службы, мотивировав прошение об отставке семейными обстоятельствами — женитьбой.

¹ См.: «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями», М.—Л., 1959, с. 105, и примечание 1 на с. 7.

В 1775—1777 годах Радищев находился в отставке, а затем вновь вернулся на службу, на этот раз — в Коммерц-коллегию. С 1780 года он — помощник управляющего, с 1790 года — управляющий крупнейшей в России Петербургской таможней; одновременно Радищев принимал участие в деятельности Комиссии о коммерции, был членом казенной палаты Петербургского губернского правления и т. д.¹

А вне службы этот видный чиновник чрезвычайно много занимается философией, историей, юриспруденцией и другими науками, но особенно — литературой. Просветительские воззрения Радищева на исторический процесс обусловили огромный интерес его к проблемам воспитания, а в результате разработки этих проблем в различных аспектах Радищев явился основоположником русской революционной педагогики этики и эстетики. Особую роль в истории он придавал слову (в широком смысле — литературе, поэзии, ораторскому искусству). Активной, преобразующей, творящей силе слова посвящены незаконченная аллегорическая оратория «Творение мира» (ок. 1779—1782), «Слово о Ломоносове» (1780—1788) и др. О роли примера, значении выдающейся личности в истории Радищев писал в том же «Слове о Ломоносове», «Письме к другу, жительствовавшему в Тобольске» (1782). Обобщением исторических и политических концепций Радищева стала ода «Вольность» (ок. 1783) — первое произведение русской революционной поэзии.

Учение об активном человеке, о праве угнетаемых на восстание и о роли в нем выдающейся личности, вождя составили философско-политическую основу «Жития Федора Васильевича Ушакова» (1788, опубликовано 1789), сюжетом которого является биография друга юности Радищева и рассказ о бунте русских студентов в Лейпциге. Показ зависимости человека от среды (прежде всего — от политических и социальных условий, в которых он живет), изображение формирования характера под воздействием обстоятельств сделали Радищева основоположником реалистического метода в русской прозе.

С середины 80-х годов Радищев работал над итоговым произведением — «Путешествием из Петербурга в Москву», в которое ввел ряд сочинений, написанных ранее («Творение мира», «Вольность»,² «Слово о Ломоносове» и др.). Завершив первую редакцию произве-

¹ Наиболее подробно этот период биографии Радищева освещен в кн.: А. И. Старцев. Радищев в годы «Путешествия», М., 1960.

² О роли и судьбе этих произведений в составе «Путешествия» подробнее см. в примечаниях 2 и 4 к настоящему изданию.

дения в середине 1788 года, Радищев дополнял и расширял книгу до апреля 1790 года. Приобретя печатный стан, он завел домашнюю типографию, в которой напечатал в начале 1790 года «Письмо к другу...», а в конце мая — «Путешествие».

Уже через три недели после появления книги началось следствие. Им фактически руководила сама Екатерина II, по словам которой Радищев — «бунтовщик хуже Пугачева». 30 июня 1790 года писатель был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Суд приговорил его к смертной казни, которую императрица заменила лишением чинов и дворянства и ссылкой в Илимский острог в Сибирь.

Трудно переоценить зрелость мыслителя понимавшего неизбежность и отдаленность коренных перемен в жизни России. Еще труднее переоценить мужество человека. Отца четырех детей, младшему из которых не исполнилось и семи лет (жена писателя Анна Васильевна умерла в 1783 году), сознательно идущего навстречу почти верной гибели. В написанном в Илимске трактате «О человеке...», сопоставив воздействие смелой мысли с искрой, от которой разгорается пожар, Радищев добавил: «Но нужны обстоятельства, нужно их поборство, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготовление отъемлет все препоны»¹

При Павле I в 1797 году Радищев был переведен в ссылку под надзором полиции в одно из имений отца — село Немцово Калужской губернии.

Ни следствие, ни суд, ни ссылка не сломили писателя. Вскоре по прибытии в Илимск он начал работу (15 января 1792 года) над своим крупнейшим философским сочинением — трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии». В годы ссылки Радищев создал ряд экономических и исторических трудов, поэтических произведений, начал писать статью «Памятник дактилохоренческому витязю», заложившую основы научного стиховедения в России.

После воцарения Александра I Радищев был «прощен» и определен на службу в Комиссию составления законов. В юридических работах и законодательных проектах 1801—1802 годов Радищев проводил прежние идеи, требуя уничтожения крепостного права, сословных привилегий и т. д. Возникла угроза новой ссылки, и писатель-революционер, реализуя просветительскую идею о праве человека на

¹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 2, М.—Л., 1941, с. 129. В дальнейшем при ссылках на это издание том и страница указываются в тексте.

самоубийство как форме протеста, отравился. Скончался он в ночь 611 на 12 февраля 1802 года.

Самоубийство Радищева отнюдь не было результатом некоего «духовного краха». Достаточно вспомнить лишь одно из неоднократных рассуждений о самоубийстве, встречающихся в его сочинениях. В главе «Крестыцы» отец, провожающий сыновей на службу, говорит им: «...Се мое вам завещание. Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земле не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, — тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри» (т. I, с. 295).

В глазах просветителя Радищева самоубийство — последнее свидетельство величия человеческого духа, «венец блаженства» чело- века-борца, предпочитающего смерть — жизни под ярмом.

2

Основные черты философской системы и социально-политической концепции Радищева сформировались в лейпцигский период жизни — в период интенсивного творческого освоения лучших достижений европейской, прежде всего французской, просветительской мысли, и в особенности идей Гельвеция. Хотя посвященный философии трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии» написан много лет спустя, в ссылке, концепция в целом была сформулирована значительно раньше и нашла отражение в различных прозаических и поэтических произведениях Радищева.

Европейское, и прежде всего французское, Просвещение как широкое идейное течение было связано с борьбой буржуазии против феодальных устоев, монархического, самодержавного произвола, сословного неравенства, крепостного права (в тех странах, где оно существовало) и всех его порождений в экономической, социальной и юридической областях. Резко критикуя религиозные суеверия, схоластическую псевдонауку, моральный догматизм, просветители стремились объяснить явления природы и общества с точки зрения «здорового смысла» «нормального», «естественного человека», на чем основывались общепросветительские концепции «естественного права», «общественного договора», «разумного эгоизма». Однако при разработке положительных программ просветители расходились между собой. Большинство из них считало важнейшими факторами прогресса общества просвещение (за исключением Руссо и его после-

дователей), воспитание, человеческий разум «Ученне о повои морали и о царстве разума, несмотря на субъективную убежденность просветителей в том, что их проекты несут счастье всему человечеству, на самом деле служило лишь конкретным целям буржуазной революции, было «...не чем иным, как идеализированным царством буржуазии...» (Энгельс Ф., см.: Маркс К и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17). Вместе с тем просветительская социальная утопия сыграла прогрессивную роль. Она несла идеалы свободы равенства и счастья народов, которые опережали свой век»¹

Особенности русского Просвещения определялись спецификой исторического процесса России, где первый этап освободительного движения был дворянским. В связи с этим у русских просветителей значительно слабее выражены элементы буржуазной идеологии, но гораздо острее — борьба со злоупотреблениями, порождаемыми крепостным правом, со сложившимися формами самодержавия и его системой фаворитизма.

Основной философский вопрос Радищев-просветитель решал материалистически. «Бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе», — утверждал он. Горячо отстаивая идею беспредельной познаваемости мира, Радищев полагал, что познание осуществляется через чувственное восприятие, опыт и разум. При этом он подчеркивал, что, хотя существуют эти три разных вида «силы познания», сама она «едина и неразделима». Главные свойства материи — бытие, движение, пространство и время. Природа образует вечный круговорот, который заключается в том, что присущее материи движение дает начало всякому явлению, вызывает в нем изменения и наконец разрушает его. Говоря о непрерывной эволюции как результате борьбы противоположностей, доказывая, что «будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем и состояния противоположные суть следствия, одно другого неминуемые», Радищев подходил к диалектике (т. 2, с. 49, 60, 73—74, 77 и др.).

Переноса законы природы на историю, Радищев рассматривал исторический процесс как развитие по спирали, в котором эпохи регресса («заблуждения», «рабства») сменяются эпохами прогресса («истины», «вольности»). Из этого разделявшегося многими европейскими просветителями представления Радищев вполне самостоятельно сделал вывод о неизбежности революций. К тому же выводу вел и радищевская трактовка «естественного закона» — главного закона человеческой жизни. «Человек, происходя на свет, есть равен во

¹ «Советская историческая энциклопедия», т. 11, М., 1968, стлб. 626.

всем другому. Немошен, наг, алчущ, жаждуш; первое откуда его стремление или естественная есть обязанность искати своего пропитания и сохранения: первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природоу право никогда истребиться не может, потому что основано на необходимой нужде» (т. 3, с. 10). Из идеи «естественного равенства» людей и «естественной обязанности» «искати своего сохранения» следует вывод: «Если я кого ударю тот и меня ударить может». И далее: угнетаемые крепостные имеют полное право убить «зверского помещика», народ не только имеет право, но и обязан ликвидировать самодержавие (т. 1 с. 234. 278 360)

Разделяя и развивая концепции Гельвеция об «интересе» и «пользе», «разумном эгоизме» как силе, движущей людьми, Радищев полагал, что эгоистические «страсти» людей в прошлом приводили к краху «вольности» и торжеству нового порабощения. Однако если люди познают гибельность эгоистических «страстей» и сумеют их обуздать, то в будущем революция «вольность» могут восторжествовать окончательно.

К борьбе за осуществление своих идеалов Радищев считал необходимым привлечь все возможные средства, в том числе искусство и поэзию. Они могут сыграть тем большую роль, что в основе всех искусств лежит неотъемлемое свойство человека — «соучастование» и связанная с ним чувствительность «Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится. . . Сие соучастование человеку толико существенно, что на нем основал он свое увеселение, к немалой чести изобретению разума человеческого служащее» (т. 2, с. 54—55). В определении истоков искусства Радищев, как и все просветители XVIII века, исходит из представления о «естественном человеке», о человеке «вообще». Но раскрывается понятие «соучастование» Радищевым так, что оно вновь подводит к мысли о человеке как существе активном, создающем, а главное — общественном. Человек бесполезный «во единиче», черпает силу в общении с другими людьми и кровно заинтересован в их судьбе. На этой заинтересованности и строится искусство, в частности поэзия, открывающая человеку мир чувств и мыслей других людей.

Пределы литературы неограниченны, как неограниченны способности человеческого воображения. Предметом поэзии является «беспредельность мечтаний и возможности» (т. 1, с. 388). Эта радищевская формула означает: поэтического вдохновения достойны и весь мир материальной природы, мир конкретно-чувственный, и все, что человек постигает посредством разума, абстрактного мышления. Широчайший диапазон поэтического охвата действительности ломал

рамки, в которые заключали литературу классицизм, сентиментализм, официальная эстетика. Первой попыткой реализации радищевской мысли о поэзии, которая должна изображать и воплощать все, явилось поэтическое творчество самого Радищева.

Любовь и смерть, дружба и страдания одинокого человека, древняя история человечества в целом, различных народов в отдельности и социальная утопия «царства свободы», гимн человеческому разуму и яростный пафос обличения всех и всяческих религий, суеверий, мистицизма, идеализма, прославление науки и насмешка над лже-наукой, прелесть «краснопеовой овсянки на смородинном кусточке» и мерзость «сторучна исполина» — самодержавия, шутивное, но точное описание доменного процесса и круговорот в природе и обществе, характеры исторических деятелей и теория народной революции — вот лишь часть тем, охваченных взглядом поэта-мыслителя.

Подлинный поэт, утверждал Радищев, открывает согражданам «разнообразные стези на познании»; никчемна поэзия без мысли — «тощий без мыслей источник словесности» (т. 1, с. 388). И чем глубже помогает познать жизнь во всем ее многообразии творчество писателя, тем сильнее его влияние на современников и потомков. Сила воспитательного воздействия литературы определяется прежде всего ее познавательной способностью, тем, насколько она помогает людям почувствовать и познать истину. А причиной несчастий человечества, считал Радищев, как и другие просветители, является заблуждение, незнание истины.

На темноте народа, на вековом обмане, на невежестве, заблуждениях и суевериях, распространяемых религией (для России это значит — православной церковью), держится самодержавие.

Покрывши разум темнотою...
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел...
Сей был и есть и будет вечный
Источник лют рабства оков.

(«Вольность»)

Но именно потому, что самодержавие и церковь, желая вечно держать народ в оковах рабства, страшатся истины, она должна стать оружием в руках писателей. Истина учит ненавидеть «словеса ласкательства, ядовитые пары издыхающие». «Истина есть высшее для нас божество» — таково кредо самого Радищева (т. 1, с. 253, 390). Выявить же и утвердить истину — совсем не просто, ибо на пути

ее познания по-разному, но в равной мере стоят и пропагандисты официальной идеологии, и православная церковь, и масоны, и сторонники различных идеалистических учений. Все они олицетворяют «полет невежества», мешают людям направить внимание на действительные источники их страданий, сеют заблуждения, ниспускаются в «туманы предрассудков и суеверия», гоняются «за мечтаниями» (т. 1, с. 261).

Истинная же правда состоит в том, что «красота мира», «прекрасный в мире порядок», согласно которому свободные люди могут и должны жить в обществе, помогая друг другу, уродуется рабством и крепостничеством. Подлинная правда заключается в том, что две трети русских граждан находятся в состоянии узаконенного рабства, лишены гражданских и человеческих прав. Истина в том, что самодержавие и крепостничество есть «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй» и только уничтожение их освободит человечество.¹ Раскрытию этих идей посвящено все творчество Радищева, но прежде всего — «Путешествие из Петербурга в Москву».

Существует ли возможность показать людям истину, заставить человека взирать «прямо» «на окружающие его предметы»? На этот вопрос в посвящении «А.М.К.», открывающем «Путешествие», Радищев отвечает: «Я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодетельности себе подобных. — Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь» (т. 1, с. 227). Так с первых слов посвящения читатель должен понять, что перед ним произведение революционное и открыто агитационное, причем автор его исходит из мысли, что высшее счастье человека заключается в активном действии на благо себе подобных, — мысли, открывающей новую, революционную эпоху в истории этики.

Свободная форма повествования, которую давал жанр путешествия, позволила Радищеву реалистически изобразить самые разные стороны жизни страны, различные сословия, рассмотреть политические, социальные, юридические, экономические, исторические, этические

¹ См.: Л. И. Кулакова, Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века, Л., 1968, с. 288—297. Подробнее о философских, социально-политических, эстетических взглядах Радищева см.: Г. А. Гук овский, Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, Л., 1938; Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, М., 1956; Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII века, 4-е изд., М., 1960; Л. И. Кулакова, В. А. Западов, А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий, Л., 1974, и др.

ские, эстетические, бытовые и другие проблемы русской действительности. Г. А. Гуковский писал: «„Путешествие из Петербурга в Москву“ — это книга о крепостнической России. Ее герой — не отдельный человек, и ее построение не зиждется на частном событии. Ее герой — родина, величественная, но угнетенная, и повествуется в ней о жизни всей страны и всего народа». И далее: «Каждая глава-тема — это одна из сторон единого процесса жизни родины».¹

Все главы до «Спасской Полести» объединяет сквозная тема всеобщего беззакония и бесправия народа. Беззаконие царит на всех ступенях общества: вопреки законам, по прихоти действуют чиновники, помещики, суд, наместник, ближайшие помощники государя. Более того, существующие российские законы не обеспечивают прав, присущих человеку «от природы»: «личной сохранности», «личной вольности», «собственности» — и даже способствуют отъятию жизни и собственности. Может быть, все дело в том, что престол занимает монарх-деспот, и положение изменится с воцарением «просвещенного монарха»? Ведь с идеей «просвещенной монархии» связывали надежды многие европейские просветители и все русские — за исключением Я. Б. Княжнина последних лет жизни и А. Н. Радищева, у которого никогда никаких иллюзий на этот счет не было. В «Спасской Полести», в первой части «сна», являющегося кульминацией темы самодержавия, оперируя действительными фактами царствования Екатерины II, Радищев создает образ государя, обладающего всеми основными чертами, которые, согласно теории «просвещенного абсолютизма», должен иметь «просвещенный монарх» (чем и отличается «Путешествие» от многочисленных произведений, обличающих дурных государей, царей-тиранов, деспотов). Тем сильнее звучит разоблачение вопиющих беззаконий во второй части «сна»: раз подобное может твориться при «просвещенном» государе, значит, не годится вся система единодержавного правления, сам принцип монархии.

В следующем цикле глав писатель вскрывает иллюзорность взглядов тех, кто видел способы коренного преобразования действительности в частных улучшениях, мерах, реформах, показывает бесперспективность стихийных крестьянских бунтов («Зайцово») и восстаний типа Пугачевского («Хотиллов»). В конечном счете Радищев подводит читателя к выводу, что единственное средство изменения действительности — коренная ломка политических и социальных отношений, разрушение самодержавно-крепостнического строя путем

¹ Г. А. Гуковский, А. Н. Радищев. — В кн.: «История русской литературы», т. 4, М.—Л., 1947, с. 534.

народной революции («Медное», «Тверь», «Городня»). Особую роль в идейном содержании книги играет ода «Вольность», в которой Радищев детально обосновал право народа на революционное насилие.

Народная революция, естественный итог самой тяжести порабощения, по Радищеву, — это сознательная ломка всей системы самодержавия и крепостничества, движение, направляемое революционной теорией. Революция явится первым шагом на пути превращения России в республику, где власть будет принадлежать народу, земля — крестьянам, где будет существовать полное равенство. Концепция Радищева была утопической, но она отражала чаяния пострадавшего крепостного крестьянства, крестьянскую «идею равенства», которую В. И. Ленин назвал самой революционной идеей «в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности».¹

Однако Радищев отлично сознает, что революция — дело грядущего. «Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие» (т. I, с. 368—369). В настоящем же существует самодержавно-крепостническая действительность. Но будущее не безнадежно, и поручкой тому потенциальные творческие силы русского человека, столь могучие, что они прорываются даже в сковывающих условиях самодержавия («Слово о Ломоносове»).

Писатель завершил и выпустил «Путешествие» «как раз в дни, когда бушевало во Франции революционное пламя». Напомнив об этом в речи на открытии памятника Радищеву в Петрограде 22 сентября 1918 года, А. В. Луначарский подчеркивал: «...революция звала его своим гремящим голосом, и — верный сын и ученик ее — он ответил...»

Екатерина была права, когда она всполошилась. Екатерина была права, признав Радищева мятежником. Он был им, и в том его немеркнущая слава.

Нет, то был не только гуманист, потрясенный зверствами крепостного права... то был революционер с головы до ног, в сердце своем носивший эхо мятежного и победоносного Парижа. Не от милости царей ждал он спасения, а «от самого излишества угнетения», т. е. от восстания. В своей яркой книге, которую и сейчас читаешь с волнением, он не только, то бичуя, то рыдая, то издеваясь, рисует нам мрак помещиц и чиновничьей России, он замахивается

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 16, с. 213.

выше, он прямо грозит самодержавию, он зовет к борьбе с ним всяким оружием и радуется плахе для царей». ¹

Размышляя над ожидающей его самой судьбой, в момент окончания работы над «Путешествием», в 1790 году, в корректуру уже набранного текста «Слова о Ломоносове», завершающего книгу, Радищев ввел вопрос: «Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие, для того что не могли избавить человечества из оков и пленения?» Отвечая на этот вопрос, Радищев сравнил действие слова и разума с библейским мифом о создании мира: «Первый мах в творении всемогущим был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом» (т. 1, с. 391—392).

«Первым махом» в русском революционном «творении» было поэтическое слово Радищева — и это очень четко сформулировал сам автор «Вольности», сказав о себе:

Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал.

3

Один из персонажей «Путешествия», «новомодный стихотворец», неудовлетворенный состоянием современного русского стихосложения, говорит о себе: «Я и сам. . . заразительному последовал примеру и сочинял стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток одной из них, все прочие сгорели в огне» («Тверь»). Этот «остаток» — фрагменты оды «Вольность». Поскольку «новомодный стихотворец» является и сочинителем «Слова о Ломоносове», то есть выступает в роли своеобразного «alter ego» (другого «я») автора «Путешествия», можно сделать вывод, что за словами об уничтоженных одах, подобных «Вольности», скрыто автобиографическое признание.

Все достоверно принадлежащие перу Радищева стихотворения, сочиненные до 1790 года, исчисляются всего лишь четырьмя произведениями. Но даже жанровый диапазон их — песня, оратория, эпитафия, ода — свидетельствует о широких интересах Радищева в области поэзии. Зрелая стиховая техника является дополнительным

¹ А. В. Луначарский, Радищев — пророк и мученик революции. Цит. по сб.: «Радищев в русской критике», М., 1952, с. 75.

свидетельством того, что творческий опыт поэта отнюдь не исчерпывался четырьмя стихотворениями разных жанров.

Вместе с тем есть нечто общее, что объединяет совершенно различные по проблематике и жанру произведения первого периода поэтического творчества Радищева, — это сугубая традиционность формы, полное отсутствие какого-либо новаторства в стихосложении. А по крайней мере к середине 1788 года, когда завершалась работа над ранней редакцией «Путешествия», Радищев начал наступление на самые основы силлабо-тонической системы стихосложения, — наступление пока еще чисто теоретическое, но тем не менее крайне решительное. О сути этого наступления пойдет речь позднее, а сейчас важно заметить, что неудовлетворенность традиционностью собственного творчества в конце 80-х годов, по-видимому, явилась одной из причин, которые заставили взыскательного художника отказаться от части ранее написанного.

Для того чтобы понять и особенности формы произведений Радищева первого периода творчества, и неудовлетворенность поэта, и новаторский смысл требований, выдвинутых им в области стихосложения, следует хотя бы вкратце охарактеризовать отношение к стиху в русской поэзии классицизма и раннего сентиментализма.

Одним из важнейших вопросов для любого литературного направления, метода, стиля является вопрос о соотношении содержания и формы, но каждое направление решает эту проблему по-своему. Характерной особенностью классицизма являлся принцип механического соответствия формы содержанию. В процессе становления русского классицистического метода сложилась строгая система жанров, каждый из которых был связан не только с определенным содержанием (в широком значении слова, которое включало в себя идейно-тематическую проблематику, эмоциональный строй произведения, его образную систему и т. п.), но и с прочно закрепленной формой, жестко регламентировавшей употребление размера (и метра), больше того — даже типа ритма этого размера, разновидности строфы, вида рифмовки, преимущественного употребления тех или иных звуков (букв) и их сочетаний, причем считалось, что каждый звук обладает самостоятельной смысловой значимостью, и т. д.

Практическая реализация принципа механического соответствия формы содержанию привела к тому, что отдельные размеры оказались связанными с определенными жанрами и группами жанров. Своего рода «универсальным» размером оказался шестистопный ямб, которым писали эпические и героические, дидактические и описательные поэмы, трагедии, большинство элегий, эклог, идиллий, эпистолы,

а также комедии и шуточные поэмы (в последнем случае использование «высокого» размера при «низком» содержании создавало дополнительный комический эффект). Четырехстопный ямб как размер высокой лирики был связан главным образом с «высокой» одой — торжественной, похвальной, «победной» и т. п., а в трагическом плане — с сатирическими жанрами; реже этот размер использовался в оде анакреонтической, которая обычно писалась, как и другие произведения «легких» жанров, четырехстопным хореем и трехстопным ямбом. В песнях в подавляющем большинстве случаев доминировал хорей, трехстопный ямб и разностопные строфы ямбические или хореические. Гораздо реже обращались поэты к анапесту и дактилю, который был связан преимущественно с древней, античной тематикой.

Некоторые жанры, главным образом музыкально-драматические, обладали особой структурой — полиметрической; в зависимости от содержания отдельные фрагменты сочинялись тем или иным размером. Первым обратился к полиметрии Сумароков, который использовал различные метры и размеры в либретто опер и балета, причем если обычные арии он писал четырехстопным хореем, то более драматические, выделяющиеся, сочинял трехстопным ямбом, а для наиболее трагических ситуаций использовал амфибрахий. В не предназначенных для пения фрагментах текста опер и балета, а также в драме «Пустынный» Сумароков применял шестистопный и вольный ямб.¹

В 1770-е годы полиметрия распространилась на жанр кантат — музыкально-драматических произведений светского содержания, где чередовались пение солиста или солистов с хором, а также на оды. Такого рода полиметрические произведения сочинял В. П. Петров, который, по свидетельству Евгения Болховитниова, был «первый творец вольных од и песней лирических разного рода в виде кантат».² Примеру Петрова последовали другие русские поэты, в том числе Державин еще в ранний период творчества (до 1779 года).

Уже из этого краткого обзора можно видеть, что наибольшее количество жанров (и наибольшее число произведений) было связано с разными ямбическими размерами; в гораздо меньшей степени применялся хорей, трехстопные же размеры использовались весьма редко.

¹ Подробнее см.: Т. Н. Ливанова, Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, т. 1, М., 1952, с. 73, 82—89.

² Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 7, СПб., 1872, с. 618.

Самое раннее из дошедших до нас произведений Радищева вполне традиционно и по форме и по содержанию. Это типичный светский романс — любовная песня, в которой изливаются «терзания» и «мученья» безнадежно влюбленного человека, угрожающего «жестокой» самоубийством на ее глазах. Гиперболизированные метафоры, долженствующие изображать силу противоречивых «страстей» («Ужасный в сердце ад», «Твой взгляд Для сердца лютый яд» и пр.), неизбежные «ах», образы-штампы и условность лексических оборотов («Меч остр во грудь воизится» и др.) — все это весьма распространено в любовных песнях-романсах 60—70-х годов, получивших особенную популярность в связи со становлением нового литературного направления — сентиментализма и в то же время теснейшим образом соприкасающихся с любовной песней классицистического типа (впрочем, некоторые исследователи указывали на влияние сентиментальных идей даже на песни Сумарокова, который, в отличие от Буало, в своей «Эпистоле о стихотворстве» подробнейшим образом охарактеризовал песню как жанр и создал многочисленные прекрасные образцы песен, тонко изображая любовное чувство с его переходами-переливами от надежды к отчаянью, противоречивость борющихся в душе влюбленного человека чувств — «борение страстей»). Форма радищевской «Песни» также весьма традиционна, но следует отметить высокую стиховую культуру поэта, искусно перемежающего стихи трехстопного ямба со стихами, состоящими из одной (3 и 7-й стих каждой строфы) и двух стоп (8-й). Изошренная рифмовка (по схеме аБааББаа), мастерское варьирование 7—8-го стихов, повторяющих мысль и в то же время не совпадающих с 3—4-м стихами, нарастающее движение, напряженность «сюжета» песни — все это характеризует Радищева как поэта, не только усвоившего оригинальную русскую теорию песни, но и попытавшегося внести свой вклад в развитие этого жанра (впрочем, в рамках существующей традиции).

Вполне традиционна и форма «Творения мира» — произведения, предназначавшегося для исполнения солистами и хором в сопровождении музыки. Для кантат, музыкально-драматических сочинений того же типа, но со светским содержанием, как уже говорилось, была свойственна полиметричность — и в этом смысле Радищев не отступал от традиции, хотя «Творение мира» в основе сюжета имеет библейский миф, а следовательно, согласно теории, представляет собой не кантату, а ораторию. Радищев попытался создать едва ли не первое русское произведение этого жанра, бывшего весьма популярным в конце 70—80-х годов. Сам Радищев познакомился с орато-

риями лучших европейских композиторов еще в Лейпциге, а в России оратории можно было услышать по великим постам в католической церкви (сохранился ряд свидетельств русских людей, православных по официальному вероисповеданию, о том, что они посещали католический храм в Петербурге только ради того, чтобы послушать оратории). А с 1774 года и в особенности с 1779 года, когда французский музыкант и композитор Пезибль во время великого поста организовал и осуществил постановку ряда публичных исполнений лучших ораторий в светских концертных залах Петербурга, русские ценители музыки получили возможность слушать произведения этого жанра вне стен католической церкви.

Но если сам жанр и его форма (прежде всего полиметричность) были уже вполне знакомы русскому слушателю, то содержание радищевской оратории имело беспрецедентный, беспримерный характер. Положив в основу сюжета произведения миф о сотворении мира богом при помощи слова, Радищев в аллегорической форме попытался воплотить мысль о творческой роли революционного слова, предшествующего революционному действию, творению нового мира. Мысль о том, какую роль в преобразовании мира может сыграть слово — поэзия, литература в частности, — одна из наиболее занимавших писателя-революционера идей, и потому она в дальнейшем в том или ином виде войдет и в «Вольность», и в «Путешествие», и в трактат «О человеке. . .», и в «Песнь историческую», и в «Осьмнадцатое столетие».

Трудно сказать, почему Радищев не завершил «Творения мира». Возможно, что причиной, прервавшей работу над произведением, было самоубийство Пезибля, а может быть — цензурные соображения: ведь сочинения, затрагивавшие религиозную проблематику, должны были пройти цензуру Синода. Так или иначе, но глубоко новаторское по замыслу, по идее «песнословие» осталось незавершенным. И хотя Радищев ввел его в ранние редакции «Путешествия», он при переработке изъясил «Творение мира» из главы «Тверь» вообще, введя одновременно в книгу «Слово о Ломоносове» — такой же гимн всемогуществу мысли и слова — но не бога, а человека.

В 1783 году церковные власти запретили Радищеву поместить на памятнике умершей жены поэта Анны Васильевны сочиненную им «Эпитафию», «потому что в ней выражается недостаточная уверенность в бессмертии души»,¹ по словам П. А. Радищева. «Недостаточная уверенность» — выражение, пожалуй, не очень точное. В «Эпитафии» в гораздо большей степени, чем позволяла христианская

¹ «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями», с. 58.

религия, выражена языческая, античная уверенность в посмертном соединении любящих душ.

Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду, —

такого рода мысли — это вариации вечной темы Орфея и Эвридики А в 1781 году вновь прозвучала в публичном исполнении мелодрама Я. Б. Княжнина «Орфей». Трудно сказать, как — невольно или сознательно — возникла у Радищева реминисценция из княжнинского «Орфея», но в том, что он мелодраму слышал, сомневаться не приходится: интерес и любовь Радищева к музыке общеизвестны, а как установлено ныне, он даже вступил в петербургский Музыкальный клуб.

Подлинно новаторским произведением по содержанию, первым словом русской революционной поэзии явилась ода «Вольность», написанная около 1783 года.

В основе сюжета «Вольности» лежат общепросветительские теории естественного равенства людей, естественного права и общественного договора, переосмысленные Радищевым в революционном духе. В сущности, «зародыш» будущей концепции оды заложен в радищевском примечании к слову «самодержавство», включенном в перевод «Размышлений о греческой истории» Мабли. Как и другие просветители, Мабли разделял единоедержавную форму правления на два типа: монархию (или просвещенную монархию, отличие которой состоит в том, что власть одного правителя ограничена твердыми законами, зиждущимися на естественном праве и общественном договоре, либо же является какой-либо из форм конституционной монархии) и деспотизм — ничем не ограниченную форму единоедержавия. Переведя слово «деспотизм» как «самодержавство», Радищев отсылает читателя к обширному примечанию, разъясняющему это понятие:

«Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы она употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом *безмолвный* договор. Если он

нарушен, то и мы освобождаемся от нашей *обязанности*. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. *Государь есть первый гражданин народного общества*» (т. 2, с. 282).

Детальная разработка этой теории в революционном духе и составляет сюжет оды Радищева. «Дар небес благословенный, Источник всех великих дел», вольность родилась вместе с человеком. Человек в «естественном состоянии» не знает никаких ограничений; закон, по которому он живет, — его собственная воля, желания. Но ради своей пользы, ради собственной выгоды люди объединяются в гражданские общества, добровольно отказываясь от неограниченных желаний и возлагая на себя обязанность соблюдать определенные законы, зиждущиеся на естественном праве. В народе возникает «обща власть» — «соборный всех властей удел», — способствующая процветанию первых гражданских обществ, законы которых равно распространяются на всех граждан, равно беспристрастны к любому члену общества. Но появляется «чудовище ужасно» — религия, а с ней рабство и деспотизм; общество приходит в упадок, ибо религия сковывает человеческий рассудок, царская власть подавляет волю.

Так продолжается до тех пор, пока не появляется «мститель» — человек, осознавший неестественность угнетения, совместно («союзно») осуществляемого религией и царской властью:

Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

И вслед за свободным словом «возникнет рать повсюду брашна», восставший народ, пользуясь природным правом мщения, судит царя как гражданина, нарушившего общественный договор. Народ — создатель всех благ земных, всех богатств государства, и царь, возомнивший, что истинный «господь» он, а не народ, — «преступник, изо всех первейший», достойный казни. А вместе с казнью венчанного преступника «светильник истины» низвергает религию, и на основе естественного «закона природы» возникнет царство свободы. «Дух свободы» велик и созидателен, наступает всеобщее процветание, захватывающее все области жизни — науку, искусства, хозяйство, организацию «ратн свободы», семейную жизнь.

Но людям свойственны страсти, они пробуждают жажду власти, — и вновь возникает религия, раздоры приводят к гражданской войне, на новой основе возникает «мучительство», деспотизм. «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из воль-

ности рабство... На что сему дивиться, и человек родится на то, чтобы умереть...» Но значит ли это, что положение безвыходно, что нет спасения, что деспотизм будет воскресать неизменно, всегда, повсеместно?

Нет, отвечает Радищев, положение не безнадежно, но люди должны осознать, что свобода — «дар благой природы», начертанный в человеческих сердцах извечно. Обуздав «страсти», люди смогут установить царство свободы, но зависит это от самих людей — и только от них самих.

Говоря о проблеме самодержавия, о русском государстве, Радищев вступает в полемику с теорией Руссо, которую разделяли многие просветители (Юсти и др.). Руссо полагал, что республиканская форма правления может существовать только в небольших по размеру государствах, а для стран, занимающих большие территории, неизбежна единоподержавная форма правления. Размышляя о будущем отечества, Радищев предлагает иную концепцию грядущего России — еще очень далекого грядущего, но неизбежного. Сейчас самодержавие чрезвычайно сильно, и деспотическая Россия еще долго будет укрепляться, захватывая все новые и новые территории. Но в этом расширении государства как раз и заложены семена неизбежной революции. Чем обширнее будет территория России, тем слабее влияние центральной власти, тем больше будет ослабевать самодержавие. И наступит время, когда в огне гражданской войны громадное государство развалится на части, которые объединятся в добровольный союз республик и раздавят самодержавие:

Из недр развалины огромной...
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом.

Но время это еще не пришло, «не приспе еще година», власть еще долго будет усиливаться, будет давить всякое свободное слово. И тем не менее «приндет вожделенно время», когда наступит день свободы, день революции — «день, избраннейший всех дней», который поэт сравнивает с первым днем творения мира, но мира нового, мира свободного.

Однако «Вольность», произведение без всякого преувеличения принципиально новаторское для всей русской поэзии, как и другие стихотворения Радищева первого периода творчества, весьма тра-

диционно по форме вообще и особенно по стиху и строфике. Еще Ломоносов провозгласил четырехстопный ямб, которым сочинена «Вольность», наилучшим размером для од. В творчестве Ломоносова и Сумарокова сложился одически-публицистический тип ритма четырехстопного ямба, отчетливо выраженный у Радищева. Примененная Радищевым десятистишная строфа с рифмовкой АБАБВВГДДГ — излюбленная строфа Ломоносова и наиболее распространенный тип строфы у русских одописцев. Наконец, в области рифмы Радищев следует в русле «русской» школы функционально значимой рифмовки: если в произведениях средних жанров у него рифмы исключительно точные, то в «Вольности» он широко применяет все типы неточных рифм. Есть у него характерные для од усеченные рифмы: «славы» — «обветшавый», «ехидны» — «миловидный» и др.; встречаются рифмы с разными заударными гласными («совершенства» — «блаженство») и различными по твердости согласными («творит» — «утвердить»). Но особенно много у него ассонансов разных типов: «венчанно» — «хладнонравно», «вознесши» — «севши», «наемник» — «пленник», «в едино» — «мимо», «скверность» — «отменность», «позорной» — «сродной» и т. д. Пожалуй, именно обилие ассонансов, наряду с чрезвычайно интенсивной неточной рифмовкой вообще, говорят, что как поэт Радищев учел творческий опыт Державина.¹ О том же свидетельствует и резко выраженное в «Вольности» стремление к созданию индивидуально выразительных тропов и отказ от стандартных (столь характерных для «Песни»).

В жанровом же отношении «Вольность» гораздо сильнее связана с поэзией классицизма, чем с творчеством Державина. Это ода-трактат, всесторонне рассматривающая определенную тему, подобно некоторым одам Сумарокова, нравоучительным одам Хераскова, оде В. Майкова «Война» и т. д. Но в идеологическом плане Радищев ближе стоит к традициям поэзии французского гражданского классицизма (например, Жан-Батист Руссо) и в особенности революционного классицизма (Экушар Лебрен, Мари-Жозеф Шенье, затем Руже де Лиль). Примечательно, однако, что радищевская «Вольность» хронологически предшествует большинству произведений французских революционных классицистов, а это означает, что, включаясь в европейское революционно-поэтическое движение, русская поэзия развивалась своим путем — аналогичным европейскому (прежде всего французскому), но не подражательным.

¹ Подробнее см.: В. А. Запатов, Державин и русская рифма XVIII в. — В сб.: «XVIII век. Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века», Л., 1969.

Спустя пять лет после создания «Вольности» Радищев включил сокращенную до 28 строф редакцию ее в «Путешествие». В изданной книге сплошного текста оды не осталось, объем ее по числу стихотворных строк даже уменьшился, но путем лаконичного пересказа автор ввел все основные элементы своей концепции.

Примечательно, однако, что при всех колебаниях по вопросу, в каком объеме включать оду в книгу, писатель неизменно сохранял следовавший за 1-й строфой оды прозаический абзац. В нем сам Радищев устами персонажа «Путешествия» разъяснял принципиальные основы своего отношения к звуковому строю стиха. Комментируя стих «Во свет рабства тьму претвори», «повомодный стихотворец», выражающий отношение самого автора «Вольности» к проблемам стихосложения, заявляет: «Он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы Т и ради сонтия частого согласных букв: «бства тьму претв» — на десять согласных три гласных, а на русском языке толико же можно писать сладостно, как и на италианском... Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия...» (т. 1, с. 354).

В этих словах Радищев отстаивает возможность использования приема «трудного стиха». «Трудный стих» может создаваться двумя способами: сознательным скоплением согласных, затрудняющим произношение данного стиха (произносительно трудный стих), либо усиленным использованием внеметрических («сверхсхемных») ударений и спондеев, что также делает стих особенно выразительным в произношении на фоне стихов «нормального» ритмического строя (ритмически трудный стих). Радищев в «Вольности» очень часто употребляет обе разновидности «трудного стиха», обычно совмещая их:

Вот что есть в обществе закон...
 Омыть свой стыд уж всяк спешит.
 Меч остр, я зрю, везде сверкает...
 Чугунный скиптр обвил цветами...

и мн. др.

Отстаивая принципы своей поэтики, Радищев не скрывает, с кем он полемизирует: это — сторонники «сладостного» стиха, то есть сентименталисты. Дальнейшие же рассуждения «новомодного стихотворца», выражающие взгляды автора «Путешествия», направлены против поэтики классицизма, причем выступает Радищев с по-

зиций предромантических и с этой точки зрения критикует и свою «Вольность».

Анализ конкретной поэтики русской поэзии позволяет говорить о том, что в России сентиментализм и предромантизм были различными направлениями, хотя в ряде пунктов весьма близкими. Оба направления выдвинули на первый план человеческую личность, оба с большим вниманием отнеслись к чувствам частного человека.

Однако предромантизм резко отличается и от сентиментализма,¹ и от классицизма — как с точки зрения идейной, так в особенности со стороны поэтики. В творчестве предромантиков на первый план выдвигается человеческая индивидуальность и окружающий ее объективно-реальный, конкретно-чувственный мир; отвергнув теорию «подражания образцам» и принцип единого «изящного вкуса», предромантики пришли к романтической концепции гениальности, вдохновения как источника поэтического творчества. А отсюда неизбежно вытекало новое поэтическое видение мира; идея ценности личности, внимание к этическим проблемам, вопросам морали частного человека и общества; частная жизнь частного человека и связанная с этим полнейшая ломка сложившейся жанровой и образной систем; отказ от нормативности как классицистической, так и сентиментальной вообще, и «правил» в частности; образ автора, органически входящий в произведения; попытки создания индивидуальных характеристик людей; обилие конкретных намеков; внимание к бытовым деталям, воплощение быта в живописно-пластических образах; смелое сочетание прозаизмов и просторечия с высокой архаизированной лексикой; идущие в одном направлении эксперименты в области метрики, строфики, рифмовки; наконец, пристальный интерес к проблеме национального содержания и национальной формы, то есть признание того, что в разные эпохи и у людей разных национальностей существовали различные «вкусы», — иначе говоря, отказ от критерия «изящного вкуса», единого для всех времен и народов.

В формировании идеологии предромантизма наибольшую роль в Европе сыграли Руссо, Юнг и в особенности Гердер, в русской же поэзии — так называемый львовский кружок, куда непосредственно входили Н. А. Львов, М. Н. Муравьев, Г. Р. Державин, Ф. В. Капнист, И. И. Хемницер; близки к кружку были Я. Б. Хвостов и Д. И. Фонвизин. Давно уже известно о знакомстве Радищева с Фон-

¹ О поэтике сентиментализма см.: В. А. Запатов, Державин и русская рифма XVIII в., указ. изд., с. 74—75; Ю. М. Лотман, Поэзия Карамзина. — В кн. Н. М. Карамзин, Полное собрание стихотворений («Библиотека поэта», Большая серия), Л., 1966, с. 24—52.

визинным и Капнистом, о сложных отношениях с Державинным; ныне начали открываться материалы, свидетельствующие о его близости к Княжнину и Львову. Вопрос о контактах Радищева с львовским кружком особенно интересен потому, что творчество Н. А. Львова 1790-х годов по существу было реализацией радищевских теоретических требований, а сам Радищев после 1795 года развивает в своей поэзии то, что начал на практике осуществлять Львов.

Предромантизм выдвинул как центральные — проблемы историзма, философии истории, зависимости национального характера от истории и т. д. Решить эти проблемы в полной мере смог только реализм, но великим шагом, который сделали предромантики, была сама постановка этих проблем в философии и литературе. Поэты-предромантики разных стран Европы с особой остротой поставили вопрос о национальных формах поэзии, о национальных системах стихосложения, обращаясь за помощью к фольклору как источнику, во-первых, специфически национальных ритмов, во-вторых, свойственных только данному народу средств художественной выразительности, арсеналу образов, роднику древней мифологии и т. д.

Первым в России эти проблемы — и притом крайне остро — выдвинул именно Радищев в «Путешествии» (особенно в главах «Подберезье», «Новгород», «Торжок», «Тверь», куда включена «Вольность», «Слово о Ломоносове»). В рассуждениях «новомодного стихотворца» в «Твери» содержится резкая критика современного русского стихосложения. Сбросив с русской поэзии «несродное» ей «полукафтанье» (то есть подрясник, духовное облачение) польской силлабики, Ломоносов и Сумароков, а за ними Херасков, Костров, Петров и другие поэты надели на нее оковы рифмованной силлабо-тоники — немецкие по характеру размеров, французские по требованию обязательной рифмовки. А русская поэзия должна иметь свою форму, специфически национальную, имеющую корни в народном стихосложении, фольклоре.

Радищеву было суждено первым поставить эту проблему в теории, но решать ее, реализовать в художественной практике начал не он. Немедленно по выходе в свет «Путешествия» писатель был насильственно изъят из литературы.

Уже зимой 1790 года опыты по созданию новых метрических форм начал Н. А. Львов.

Радищев резко восставал против засилья ямбов в русском стихе — и свою поэму-сказку «Зима» Львов пишет хореем, прокладывая тем самым дорогу сказкам Пушкина, Ершова и т. д. А в 1793 году он публикует свой перевод «Песни норвежского витязя Гаральда Храброго», подчеркнув в заглавии произведения, что оно «переложено

на русский язык образом древнего стихотворения». «Образ древнего стихотворения», то есть стихосложения, введенный в «высокую» поэзию впервые именно Львовым (опыты Муравьева оставались неопубликованными), — это специфически переосмысленный тонический принцип народного творчества, народной песни и былины прежде всего.

В основу «народного», «национального» «русского стиха» тонического строя положена система равного количества сильных ударений — ударений, которые могут быть подчеркнуты лишь при особой напевной манере чтения, когда ударения слабые (а их может быть любое количество, но в каждом стихе должно быть равное число слогов вообще и определенное число слогов между сильными ударениями) как бы скрадываются, не учитываются в общем строе тонического стиха:

Корабли мои объехали Сицилию,
И тогда-то были славны, были громки мы.
Нагруженный мой черный корабль дружиною
Быстро плавал по синю морю, как я хотел. . .

Это стихи тринадцатисложные, с тремя сильными ударениями на третьем, седьмом и одиннадцатом слогах (трехударник 3—7—11), и ритмично прочитать, например, четвертый процитированный стих можно лишь резко ослабив, «проглотив» ударения на словах «морю», «как», «хотел».

В неоконченной поэме «Добрыня» Львов применил различные типы тонического двухударника, демонстрируя поэтам-современникам богатые возможности «национальной» тонической системы, противопоставляя ее «заморской» силлабо-тонике:

Не бессудьте, пожалуйста,
Люди добрые, русский строй.
.
И глагол славян обильнейший,
Звучный, сильный, плавный, значущий,
Чтоб в заморскую рамку втискаться,
Принужден ежом жаться, корчиться. . .

Эти стихи написаны тремя формами двухударного тонического стиха: двухударником 3—6, двухударником 3—7, двухударником 3—8. Опыт Львова немедленно был подхвачен Карамзиным (неоконченная поэма «Илья Муромец»), а затем многими поэтами конца XVIII—XIX столетий: Херасковым, Капнистом, Востоковым, Давыдовым, Кольцовым, Красовым, Некрасовым и другими.

«Песнь Гаральда Храброго» до Радищева, очевидно, не дошла, и на протяжении первых лет ссылки он по-прежнему обращается к силлабо-тоническим размерам. Каждое из новых произведений по-своему интересно и замечательно, хотя и традиционно по форме.

Еще по дороге в Илимск, в Тобольске, когда не минуло и полугода со дня вынесения приговора, ссыльный «преступник» пишет небольшое стихотворение, в котором утверждает свое право на гордое имя «человек», заявляет о верности прежним идеалам:

Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Как и всякого человека, Радищева могут временно захватить печаль и горе, особенно потому, что он «лишен друзей и чад», окружен «претящей властью отвсюду». Но снова его воодушевляет мысль: «Душа моя во мне, я тот же, что я был». Однако медитативный характер произведения в целом накладывает на стихотворение «Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится...» элегически-трагедийный оттенок, что находит выражение в резко нисходящем ритме шестистопного ямба.¹

По-видимому, в конце 1795 года до Илимска дошла вторая книга альманаха Карамзина «Аглая», где напечатана его «богатырская сказка» «Илья Муромец», сочиненная «совершенно русской мерой» — тем самым «русским стихом», пропагандистом которого был Львов. Уже в начале «сказки» поэт-сентименталист поместил свое творческое кредо:

Ах! не всё нам горькой истиной
мучить томные сердца свои!
Ах! не всё нам реки слезные
лить о бедствиях существенных!
На минуту позабудемся
в чародействе красных вымыслов!

Эта декларация не могла не привлечь внимание писателя, чья душа «страданиями человечества уязвлена стала», кто решился высказать «горькие истины» о бедствиях своих сограждан, лишенных элементарных человеческих прав. И карамзинскому «чародейству красных вымыслов» Радищев решил противопоставить реальную

¹ См.: В. А. Запатов, Русский стих XVIII — начала XIX века (Ритмика), Л., 1974, с. 30—31, 35.

историю человечества, причем этот замысел должен был воплотиться в цикле идейно-тематически связанных между собой **произведений**.

Первая поэма этого цикла — «Песнь историческая» — обстоятельный рассказ поэта о древнейшей истории от библейского «баснословия» до фактического крушения Римской империи. Основанная на тщательном изучении источников, насыщенная колоссальным количеством фактов и имен, поэма Радищева — меньше всего бесстрастное историческое повествование. Скорее это — лирическая «песнь» о древнейшей истории человечества, лирическая потому, что все произведение от начала до конца пронизано личными эмоциями поэта, который лаконичными отточенными формулировками подчеркивает свои симпатии и антипатии. А убеждения Радищева были весьма устойчивыми и очень определенными, причем с признанными историческими репутациями, с общепринятым мнением он никогда не считался.

Так, например, хорошо известно, каким ореолом на протяжении столетий были окружены имена великих поэтов Древнего Рима — Вергилия и Горация. Но еще в «Житии Ушакова» Радищев дал им убийственно саркастические лапидарные характеристики: «льстец Августов и лизорук Меценатов» (т. 1, с. 179). А в «Песни исторической» поэт не только сохранил, но и усилил их отрицательную характеристику. Гораций и Вергилий уже даже не просто «льстецы», а «льстецы наемные». И после их имен следует крайне эмоциональная публицистическая тирада недвусмысленно политического характера, имеющая прямое отношение к римским поэтам, но также — и к многим современникам Радищева:

О умы, умы изящны,
Та ли участь мусс, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев?

В большинстве случаев радищевские характеристики исторических деятелей, полководцев, правителей далеко не однопланы, не однолинейны. В этой связи уместно вспомнить, что как прозаик он умел создавать лаконичные, но весьма емкие и сложные психологические портреты персонажей («Житие Ушакова», «Путешествие»). Опыт прозаика-реалиста в этом плане явно сказался в «Песни исторической», произведении в целом предромантическом и по общей концепции, и по поэтике. Так, длинный перечень заслуг и положи-

тельных свойств личности Лукулла, который был «воин храбрый и вождь мудрый», «гражданин среди разврата», «судия всегда правдивый» и т. п., — завершается скептически-трезво:

Он бы мог стать всех превыше,
Кесаря или Помпея,
Но иль мало он отважен,
Иль не дерзок, иль почтил он
Мир, покой средь мусс и неги.

Не однолинейны и обрисованные Радищевым властители-тираны. Так, в Марии и Сулле, кровавых диктаторах Рима, поэт подчеркивает пусть мелкие, но человеческие черты. Наоборот, «идеальные» в глазах историков монархи — «отцы народов», — по Радищеву, далеко не идеальны. Веспасиан «явил на троне добродетель», но предшествовавшее двустипшие:

Некогда ласкатель гнусный
Он Нарцисса и Нерона —

столь сильно контрастирует с фразой о «добродетели» Веспасиана, что если не совсем заставляет читателя забыть о последней, то во всяком случае поселяет основательные сомнения относительно качества этой самой «добродетели». Нерва — «был правитель мудр, но слабый». Утверждая врседе бы, что

Навсегда Траян пребудет
Пример светлый всем владыкам, —

Радищев и до этих строк, и после них так много и столь гневно пишет о жертвах «ненста сладострастия» Траяна, о его «возлитиях обильных хмельну Вакху» и т. д., что утверждение о «светлых» качествах этого императора оказывается, по существу, разрушенным. А дальше следует Адриан, который

... хотя сравниться может
В добродетелях Траяну,
Но надменность и жестокость
Были в нем души пороки и т. д.

Словом, из всех «отцов народов» без особых оговорок Радищев пишет разве что о Тиге, Антонине и Марке Аврелии, причем о последнем говорит не столько как о правителе, сколько как о фило-

софе. Но что могут изменить в истории отдельные «добродетельные» монархи? Ведь после Тита на трон вступил «чудовище», «тиран» Домициан, после Марка Аврелия — Коммод. А бросив ретроспективный взгляд на историю человечества от античности до современности, Радищев приходит к совсем неутешительному для сторонников монархии выводу: за шестнадцать столетий, минувших после смерти Марка Аврелия, не появилось ни одного хотя бы отдаленно подобного императору-философу монарха:

Всяка слава и блистанье
Всех царей, владык прешедших
Перед ним суть разве слабый
Блеск светильника, горяща
В полдень ясный, в свете солнца;
Перед ним вся лучезарность
Подвигов в сверканьи славы
Суть лишь мрак, и тьма, и тени.

Замысел не дошедшей до нас полностью поэмы «Бова» доныне вызывает различные истолкования. Так, В. П. Семенников, сосредоточив внимание на формальных признаках («русский размер» и белый стих), причислил «Бову» к шуточным поэмам-сказкам, популярным в конце XVIII в.¹ Иную точку зрения выдвинула Н. Г. Павлова, которая, вскрыв конкретный смысл ряда намеков в тексте «Бовы», отнесла поэму Радищева к одному из видов политической сатиры.² В отличие от Н. Г. Павловой, Л. М. Лотман считает, что «революционность поэмы состоит не в отдельных политических намеках, а в общих принципах, направленных против дворянской литературы и идеологии на определенном ее участке».³ Наиболее аргументированная и убедительная трактовка «Бовы» предложена М. П. Алексеевым, который полагает, что заимствованный Радищевым из популярного романа-сказки сюжет должен был лишь «внешне связать отдельные песни поэмы некоей условной канвой и тем самым «прикрыть» многочисленные содержавшиеся в ней отступле-

¹ См.: В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, М.—Пг., 1923, с. 293.

² См.: Н. Г. Павлова, Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры. — В сб.: «Звенья», 1932, № 1, с. 513—539.

³ Л. М. Лотман, «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки. — «Ученые записки Ленинградского Государственного университета», 1939, № 33, вып. 2, с. 140.

ния, «второй план» повествования, на самом деле являвшийся основным». За внешне комическим сюжетом «Бовы» — «повести богатырской стихами» (ср. у Карамзина — «сказка», у Радищева — «повесть», то есть быль, истинное повествование) — скрывался «другой план развития сюжета, теснейшим образом связанный с основными взглядами Радищева на государство, на русскую историю, на проблемы власти». По-видимому, именно этим обстоятельством была обусловлена «основная причина уничтожения Радищевым этой поэмы»,¹ явно крамольной даже в небольшой сохранившейся части ее.

Не только проблематика, но и стих «Песни исторической» и «Бовы» противопоставлены Карамзину. На первый взгляд, правда, может показаться, что стих радищевских поэм отличается от «Ильи Муромца» лишь характером клаузулы: у Карамзина — нерифмованная дактилическая клаузула, у Радищева — белый женский стих. Однако на самом деле карамзинский и радищевский «русский стих» глубоко различны ритмически. Как можно видеть даже из небольшой цитаты, приведенной выше, карамзинский «русский стих» почти не отличается от хорей (что и вводило неоднократно в заблуждение исследователей, полагавших, что «русский стих» — это нерифмованный хорей с дактилической или женской клаузулой). Радищев резко подчеркивает нехорейческий (лучше даже сказать — антихорейческий) характер своего «русского стиха», вводя огромное количество ударений на четных слогах, в особенности ощутимых в начале строки, на втором слоге. И это отнюдь не ошибки человека, плохо «слышащего» звучащий стих: произведения поэта, написанные «правильными» силлабо-тоническими размерами, — лучшее свидетельство того, что Радищев прекрасно чувствовал ритмику стиха и слово в звучании. Нет, поэт «строит» строки таким образом, что ликвидирует всякую возможность восприятия «русского стиха» как разновидности силлабо-тонического размера. Основной ритмический принцип радищевского «русского стиха» — двухударность, причем в подавляющем большинстве случаев ударения расположены на третьем и седьмом слоге; редчайшие исключения — первый и седьмой. Вот отрывок (с сокращениями) из «Песни исторической»:

Умы шаткие восхитив,
Вождь был тверд умом и сердцем

.....

¹ М. П. Алексеев, К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». — В сб.: «Радищев. Статьи и материалы», Л., 1950, с. 183—185.

Умы пламенны восхитив
Рая лестною картиной,
Он смерть сладкою соделал
.....

Она скиптр правленья держит.
Зри Навуходоносора,
Несяй бурно пламя браней
.....

Глава Кира всплывает
В крови; слышу, глас вещает
.....

От злой казни избавляя,
Убил врана, что терзает
На Кавказе его перси.

Пожалуй, еще более выразительную картину представляет «Бова». «Вступление» к этой поэме насчитывает 203 стиха, и по слогам (а не по стопам!) ударения распределяются так: 48—42—203—10—92—21—203—3. Иначе говоря, третий и седьмой слоги имеют 100% ударений, а первый и второй — почти одинаковы по степени ударности (23,3 и 20,7%). Не потому ли у Радищева такое большое количество ударений на втором слоге, что он специально заботился, дабы читатели не перепутали его «русский строй», «русский стих» с хореем?

Еще в «Путешествии» Радищев высказал мысль о необходимости объективной оценки «Тилемахиды» и деятельности В. К. Третьяковского. Самому Радищеву и принадлежит первая попытка развернутого критического анализа поэмы Третьяковского — статья «Памятник дактилохорейскому витязю». В «Предисловии» к «Памятнику» писатель иронизирует над вульгарно-развлекательным мещанским чтивом, типичным примером которого являлись произведения Коцбу, чрезвычайно популярные в конце столетия. Заключительная часть произведения Радищева, «Апология», содержит развернутую оценку «Тилемахиды» и характеристику Третьяковского как поэта (вкратце сформулированные еще в «Путешествии»), ставит вопрос о русском гекзаметре и реальном — словесно-синтагматическом — ритме стиха (отличающемся от «школьного» скандирования «по стопам»), развивает учение Радищева об «изразительной гармонии», то есть звуковой организации стиха. Насколько далеко опередил Радищев-теоретик свою эпоху, можно судить хотя бы по тому факту, что лишь в конце XIX столетия русское стиховедение снова подошло

к мыслям, высказанным в «Памятнике», а современное советское стиховедение разрабатывает идеи, сформулированные Радищевым.

Использованный в теоретической части произведения прием подачи материала в форме беседы двух лиц (В. П. Семенников полагал, что под «П.» Радищев имел в виду В. С. Подшивалова, издателя журналов и писателя карамзинского толка, а под «Б.» — поэта-предромантика С. С. Боброва;¹ несомненно, однако, что Б. выражает взгляды самого Радищева) был довольно распространен. Так построены, например, «Разговор об орфографии» Третьяковского и трактат о немецком гекзаметре Клопштока, на который ссылается Радищев. Прием введения в прозаическое повествование драматургического диалога, использованный во 2—4-й главах «Памятника», был разработан в сатирическом журнале Фонвизина «Стародум, или Друг честных людей» и применен самим Радищевым в «Путешествии» (концовка «Зайцова»).

Будучи первым русским трактатом по научному стиховедению, «Памятник» вместе с тем является литературно-критической статьей, построенной в весьма специфической форме пародии. В ранних редакциях главы «Тверь» имелась фраза, опущенная в печатном тексте «Путешествия», которая отражала размышления Радищева о причинах неудачи, постигшей Третьяковского при переложении романа Фенелона в героическую поэму: «Если бы он из Фенелонова романа извлек токмо, так сказать, эссенцию, оставив все скучное и поэме неприличное, то и он бы мог иметь подражателей» (т. 1, с. 430). Три главы статьи — 2—4-я — и представляют собой пародию на то в поэме Третьяковского, что Радищев считал «скучным и поэме неприличным».

Радищев ведет повествование в двух планах: стихи или пересказ отрывков из «Телемахиды» сопровождаются комическим истолкованием Фалелея или трагически претворяются в развитии «реального» действия, развернутого в центральных главах «Памятника». И схема поэмы, и ее действующие лица пародийно перевоплощаются Радищевым в эпизодах и персонажах этих глав его произведения. Герою поэмы Телемаку соответствует Фалелей Простяков, младший брат фонвизинского Митрофана (имя «Фалелей» взято из цикла «Письма к Фалалею», опубликованного в 1772 году в журнале Н. И. Новикова «Живописец» и приписываемого большинством историков литературы Фонвизину). Наставник Телемака Ментор пере-

¹ См.: В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, с. 304.

воплощен в дядьку Цымбалду. Евхарите, нимфе богини Калипсо, которая отвращает Телемака от наставлений Ментора, соответствует Лукерья; подземное царство Тартар и его владыка Плутон превращены в кузницу и кузнеца.

Сопоставив «Тилемахиду» с пародией Радищева, Л. В. Пумпянский пришел к убедительному выводу, что Радищев высмеивает преимущественно дидактически-педагогические элементы поэмы Тредиаковского и эпизоды, связанные с «чудесным» (сошествие Телемака в Тартар, «сны»), обходя темы государственно-педагогического характера — принципы управления государством, качества монарха и т. п.¹ Это, несомненно, связано с радищевским пониманием задач и характера героической поэмы как произведения национально-исторического и проблемно-политического.

Поэтической реализацией взглядов Радищева на героическую поэму стали «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам». Сюжет этой последней, оставшейся незаконченной поэмы должны были составить древняя история России, республиканского Новгорода, прославление борьбы свободолюбивых новгородцев и, судя по прозаическому вступлению, других славянских племен с угнетателями и поработителями.

Опять-таки еще в рукописных редакциях «Путешествия» Радищев сочувственно отзывался о предложении французского писателя-энциклопедиста Мармонтеля обратиться при создании эпических произведений к полиметрии.² Первым опытом полиметрической поэмы в русской литературе и явилась последняя радищевская поэма, и этот опыт поэта — «пововодителя в душе» (Пушкин) — оставил глубокий след в истории русской поэтики. Его начинания подхватили Капнист и Катенин, поэты-дскабристы, Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Некрасов, в новом качестве полиметрию развивают почти все поэты XX столетия.

В ряде случаев воздействие радищевских стиховедческих идей и его поэтического опыта шло опосредованным путем. Особую роль в этом сыграл А. Х. Востоков, который продолжил в собственном творчестве искания Радищева в области полиметрии, античной метрики и «русского стиха». В 1812 году он издал «Опыт о русском стихосложении», где обосновывал и развивал стиховедческие идеи Радищева, не называя его имени. Спустя два года в связи с началом ра-

¹ См.: А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 2, с. 394—396.

² Теоретико-литературные статьи Мармонтеля, первоначально напечатанные в «Энциклопедии», в 1787 году были изданы отдельной книгой.

боты Н. И. Гнедича над переводом «Илиады» в «Беседе любителей русского слова» разгорелась полемика о гекзаметре, который отстаивал С. С. Уваров, и «русском стихе», защитником которого выступил В. В. Капнист. Обе стороны цитировали мнение Радищева (обозначив его первой буквой «г. Р.»), высказанное им в «Путешествии». И хотя оба полемиста в пылу спора сузили, а отчасти и исказили представление о позиции Радищева, этот эпизод сыграл свою роль, так как привлек внимание литературных кругов к радищевским идеям в стиховедческой области.

Воздействие наследия Радищева и его поэзии на русское общество, литературу, эстетику последующих периодов чрезвычайно велико.¹ В последний год жизни Радищева его дом посещали молодые литераторы. Один из них, талантливый поэт И. П. Пнин, возглавил демократическое Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, игравшее значительную роль в литературе середины 1800-х годов. В его состав входили поэты С. С. Бобров, И. М. Борн, В. В. Попугаев, сыновья писателя В. А. и Н. А. Радищевы, А. Х. Востоков, в той или иной мере опиравшиеся на опыт Радищева, развивавшие воспринятые от него научно-философские просветительские идеи, разрабатывавшие свободололюбивые тираноборческие мотивы, создававшие пропикнутый гражданским пафосом образ поэта-трибуна. Пушкин, имея в виду «Памятник дактилохоренческому витязю», писал: «Между статьями литературными замечательно его суждение о «Тилемахиде» и о Тредьяковском».² Но какое бы большое значение ни имели труды Радищева для русского стихосложения и стиховедения, оно несопоставимо с той ролью, которую сыграл писатель-революционер в истории русской освободительной мысли и литературы вообще.

Особенно близок Радищев декабристам — ближайшим продолжателям его дела (хотя их дворянская революционность в целом ограниченнее революционного демократизма Радищева). О воздействии его идей на формирование их социально-политических взглядов свидетельствовали многие из них: Н. И. Тургенев, В. И. Штейнгель, Н. М. Муравьев, В. К. Кюхельбекер и др. Философские и политические мысли Радищева входили в публицистические сочинения декабристов, отголоски его поэзии звучали в их стихах. Столь харак-

¹ Подробное освещение этой проблемы см. в кн.: В л. О р л о в, Радищев и русская литература, Л., 1952; В л. О р л о в, Русские просветители 1790—1800-х годов, М., 1953.

² А. С. П у ш к и н, Полное собрание сочинений в 10-ти томах, М.—Л., 1949, т. 7, с. 358.

терная для декабристской публицистики и литературы идеализация вольного Новгорода, новгородского веча была заимствована прямо из «Путешествия» Радищева и «Вадима Новгородского» Княжнина. К этим же источникам восходят основы гражданско-публицистического поэтического стиля литературы декабризма. В предшествовавшее восстанию на Сенатской площади десятилетие «Путешествие» использовалось будущими декабристами как их собственное, современное агитационно-публицистическое сочинение, специально переписывалось и распространялось в десятках списков. Однако в печати само имя Радищева находилось под запретом.

Первым в полный голос сказал о Радищеве А. И. Герцен, который издал в 1858 году в Лондоне «Путешествие из Петербурга в Москву». «...Разумеется, его идеалы были... высоко на небе... но это наши мечты, мечты декабристов», — писал Герцен в предисловии к изданию, определяя первенствующее место Радищева в истории русского революционного движения. А далее Герцен дает замечательно лаконичную, точную и глубокую характеристику народности Радищева и — что еще более важно — указывает на высокую злободневность радищевского «Путешествия» для России конца 1850-х годов: «Он едет по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию — громкий протест против крепостного состояния... И, что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце».¹

Соратник и друг Герцена Н. П. Огарев неоднократно писал о той роли, которую сыграл Радищев в развитии русской освободительной мысли. Н. Г. Чернышевский, создавая свою эстетическую систему, в ряде случаев явно опирался на соответствующие идеи Радищева. «Явлением исключительным» назвал «Путешествие из Петербурга в Москву» Н. А. Добролюбов.

Но сами сочинения Радищева (в первую очередь — «Вольность» и «Путешествие») находились под фактическим цензурным запретом до 1905 года. Однако они распространялись в десятках списков — и с этим не поддающимся контролю мощным потоком правительство ничего не могло поделать. С полным основанием еще в 1822 году А. С. Пушкин в не предназначенном для печати «Послании цензору» утверждал:

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений в 30-ти томах, т. 13, М., 1958, с. 273.

Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали.¹

Соединение в соседних строках имен Радищева и Пушкина по-своему символично (хотя в данном конкретном случае поэт имеет в виду не себя, а дядю — В. Л. Пушкина). На протяжении всей творческой жизни А. С. Пушкин в той или иной мере был связан с наследием Радищева, в большей или меньшей степени учитывал его опыт.

Уже в 1814 году юный Пушкин, работая над сказочно-сатирической поэмой «Бова», прямо указал на связь ее с одноименным произведением своего предшественника:

Петь я тоже вознамерился,
Но сравниюсь ли с Радищевым?..

Опыт того же «Бовы», а в какой-то мере и «Песен древних» Пушкин учел при создании «Руслана и Людмилы», произведения, родившегося на скрещении двух линий русской поэмы — шутячей (ирикомиической, волшеббно-богатырской) и национально-исторической — и гениально завершившего искания нескольких поколений поэтов.

Гражданская лирика молодого Пушкина постоянно соотносится с поэзией Радищева. Она представляет собою осуществление радищевских идейно-художественных принципов. В вольнолюбивой лирике Пушкина нашли развитие обе главные темы Радищева — обличение самодержавия и крепостничества.

«В своем поэтическом манифесте — стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836), в первоначальном его варианте, Пушкин сказал, что видит свою заслугу перед русским народом и свое право на всенародное признание — в том, что пошел вслед за Радищевым:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу...

В ответственной стихотворении, подводя итоги своего писательского пути, Пушкин назвал только одно близкое ему имя, — и это было имя Радищева».²

Пушкин не только сам опирался на опыт великого писателя-революционера, но и желал сохранить его имя для читающей публики

¹ А. С. Пушкин, указ. изд., т. 2, с. 119.

² В. Л. Орлов, Радищев и русская литература, с. 187.

в истории русской литературы. В 1823 году он писал из Кишинева А. А. Бестужеву по поводу его обзора «Взгляд на старую и новую словесность в России», напечатанного в «Полярной звезде»: «...как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно...»¹ И, задумав в 1834 году написать собственный обзор русской литературы, Пушкин ввел в его план имя Радищева. Обзор остался ненаписанным, не попали в печать по цензурным причинам специальные посвященные Радищеву статьи — «Путешествие из Москвы в Петербург» и «Александр Радищев», в которых Пушкин, желая перехитрить цензуру, чтобы получить возможность воскресить имя Радищева в печати, по меткому определению А. И. Герцена, «перехитрил» сам себя. В последней из этих статей, высоко оценивая поэзию Радищева в целом (и особенно «Бову»), Пушкин писал: «В стихах лучшее произведение его есть «Осьмнадцатый век», лирическое стихотворение, писанное древним элегическим размером...»²

«Осьмнадцатое столетие» играет в поэтическом наследии Радищева особую роль.³ Оно интересно и по метрике (здесь, как в «Сафических строфах» и «Оде к другу моему», использованы античные размеры; в данном случае — элегический дистих), но наибольшую ценность это произведение представляет как своего рода поэтический итог. В нем содержится глубокая оценка переломного в истории человечества столетия, данная современником.

Истинное величие XVIII века — «столетья безумна и мудра» — заключается в развитии Просвещения, разрушавшего «многотысячелетны льды заблужденья», открывавшего людям истину, создавшего революционную этику, которая показала, что «веселие неизреченное», высокое счастье человеческое состоит в том, «что возможно всякому соучастником быть во благодетствии себе подобных». Величие века — в том, что он, по Радищеву, открыл эру революций, и хотя они не привели к желанному результату, но показали, что революционный путь развития человечества не только возможен, но и неизбежен.

О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек...
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысячный век...

¹ А. С. Пушкин, указ. изд., т. 10, с. 61.

² Там же, т. 7, с. 358.

³ Подробный анализ см.: Н. Д. Кочеткова, А. Радищев. «Осьмнадцатое столетие». — В сб.: «Поэтический строй русской лирики», Л., 1973, с. 21—37.

Однако Радищев сам верит в силу человеческой мысли и впускает свою уверенность читателю: «Срини, отчаяние! смертный, надейся. . .»

Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает, —

и нам, далеким потомкам, нельзя не склонить головы перед великим писателем-мыслителем, поэтом-революционером, отдавшим жизнь за то, чтобы приблизить желанный час победы — освобождения Человека.

В. Западов

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ПЕСНЯ

Ужасный в сердце ад,
Любовь меня терзает;
Твой взгляд
Для сердца лютой яд,
Веселье исчезает,
Надежда погасает,
Твой взгляд,
Ах, лютой яд.

Несчастный, позабудь...
Ах, если только можно,
Забудь,
Что ты когда-нибудь
Любил ее неложно;
И сердцу ковь возможно,
Забудь
Когда-нибудь.

Нет, я ее люблю,
Любить вовеки буду;
Люблю,
Терзанья все стерплю,
[Ее не позабуду]
И верен ей пребуду;
Терплю,
А всё люблю.

Ах, может быть, пройдет
Терзанье и мученье;
Пройдет,

Когда любви предмет,
Узнав мое терпенье,
Скончав мое мученье,
Придет,
Люби предмет.

Люби моей венец
Хоть будет лишь презренье,
Венец
Сей жизни будь конец;
Скончаю я терпенье,
Прерву мое мученье;
Конец
Мой будь венец.

Ах, как я счастлив был,
Как счастлив я казался;
Я мнил,
В твоей душе я жил,
Любовью наслаждался,
Я ею величался
И мнил,
Что счастлив был.

Всё было как во сне,
Мечта уж миновалась,
Ты мне,
То вижу не во сне,
Жестокая, смеялась,
В любви притворялась
Ко мне,
Как бы во сне.

Моей кончиной злой
Не будешь веселиться,
Рукой
Моей, перед тобой,
Меч остр во грудь вонзится.
Моей кровь претворится
Рукой
Тебе в яд злой.

Первая половина 1770-х годов (?)

2. ТВОРЕНИЕ МИРА

Песнословие

Х о р

Тако предвечная мысль, осеняясь собою
И своего всемогущества во глубине,
Тако вещала, егда все покрытые мглою
Первенственны семена, опочив в тишине,
Действия чужды и жизни восторга лежали,
Времени круга миры когда не измеряли.

Б о г

Един повсюду и предвечен,
Всесилен бог и бесконечен;
Всегда я буду, есмь и был,
10 Един везде вся исполняя,
Себя в себе я заключая,
Днесь всё во мне, во всем я жил.
Но неужель всегда пребуду
Всесилен мыслью, мыслью бог?
И в недрах божества забуду
То, что б начати я возмог?
Или любовь моя блаженна
Во мне пребудет невозжженна,
Безгласна, томна, лишь во мне
20 Всевечно жар ее пылая,
Ужель, бесплодно истлевая,
Пребудет божества во дне?
Расширím себе пределы,
Тьмой умножим божество,
Совершим совета меры,
Да явится вещество.

Х о р

Вострепещи днесь, упругое древле ничто!
Ветхий се деньми грядет во могуществе стройном,
Да сокрушит навсегда смерть во царстве покойном,
30 Всюду да будет жизнь, радость, утехы.

Б о г

Но что

Начнем?

Речем:

Возлюбленное слово,

О первенец меня!

Ты искони готово

Во мне, я ты, ты я.

Тебе я навсегда вручаю

Владычество и власть мою,

В тебе любовь я заключаю,

40 Тобою мир да сотворю.

Исполнь божественны обеты,

Яви твореньем божество,

Исполнь премудрости советы,

Твори жизнь, силу, вещество.

Тобою я прославлюсь,

Бездействия избавлюсь,

Ты то явишь, что я возмог,

А я в себе почию, бог.

Х о р

Мертвые днесь развевайтесь сени,

50 Жизни начало зиждитель дает;

В жизни всегдашней не будет премены,

Мрачна пустыня познает, что свет.

С л о в о

Начнем творить, — что медлю я?

Иль воля вечного бессильна?

Иль мысль его не избыльна?

Иль зрит препону власть моя?

Ч а с т ь х о р а

Нежная любовь тревожит

Бесконечные судьбы,

И гаданье скорби множит

60 Мира будущи беды.

Часть хора

Отверзись, мрачная пучина,
Грядущего пади покров,
Явися, будуща судьбина,
Предел тебе положит бог!

Хор

Се исчезает пред взором всезрящим
Века не суща еще темнота,
Се знаменуют рок словом горящим
Мира грядуща всевечны уста.

Бог

Единым взором всё объемля,
70 Что было, есть и может быть,
Закону моему не внемля —
Во страхе господа ходить,
Я зрю, что тварь не пожелает;
Кичася гордостью, взмечтает,
Что всей она природы царь.
О бренна и немощна тварь!
Почто против отца дерзаешь?
Или, ослушна, быти чаешь
Блаженною сама собой?
80 Я мог бы днесь, предупреждая
И мысль мою переменяя,
Быть твари повелеть иной.
Не ярый слабостей я мститель,
Отец всещедрый и зиждитель:
Любовию к тебе горю.
Чуждаться будешь совершенства,
Но корень твоего блаженства
В тебе нетленен сотворю.

Часть хора

О любовь несказанна,
90 Прежде века избранна,
В тебе жизнь и начало
В мире всё восприяло.

Хор

Взора пространства пустыни все с трепетом вечно
В сретенье радостным ликом грядут,
Бездну безвещия зыблет днесь мочь бесконечна,
Мертвые жизнь семена с нетерпением ждут.

Часть хора

Божественна утроба рдеет,
Клубя в рожденье вещество,
Любовь начально семя греет,
100 Твореньем узришь божество.

Слово

Мысль благая, совершайся,
И превечно исполняйся
Отца мудрости совет,
Да окрепнет в твердь пучина,
Неизмерима равнина,
Где пространство днесь живет.
Оживись, телесно семя,
Приими начало, время,
И движенье, вещество,
110 Твердость телом,
Жизнь движеньем, —
Се вещает божество.

1779—1782 (?)

3. ЭПИТАФИЯ

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить, —
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит, маня,

И ненавистный рок отъял тебя навеки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки.

Тронись, любезная! стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятьях твоих чад;
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утеси тем супруга...

1783

4. ВОЛЬНОСТЬ

Ода

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет твоих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
 Желаньям зрю везде предел;
 Возникла обща власть в народе,
 Соборный всех властей удел.
 Ей общество во всем послушно,
 Повсюду с ней единодушно;
 Для пользы общей нет препон;
 Во власти всех своей зрю долю,
 Свою творю, творя всех волю, —
 Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачныя долины,
 Среди тягченных жатвой нив,
 Где нежны процвитают крины,
 Средь мирных под сеньми олив,
 Паросска мрамора белее,
 Яснейша дня лучей светлее,
 Стоит прозрачный всюду храм;
 Там жертва лжива не курится,
 Там надпись пламенная зрится:
 «Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
 На твердом камени седяй,
 Безжалостно и хладноравно,
 Глухое божество судяй.
 Белее снега во хламиде,
 И в неизменном всегда виде,
 Зерцало, меч, весы пред ним.
 Тут истина стрежет десную,
 Тут правосудие ошую, —
 Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
 Льет радость, трепет вокруг себя,

Равно на все взирает лица,
Ни ненавядя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приязни;
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
Его отчизна там, — гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в брону заблужденья,
Бояться истины велел.
«Закон се божий», — царь вещает;
«Обман святой, — мудрец взывает, —
Народ давить что ты обрел».

9

Сей был, и есть, и будет вечный
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.

Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал?

10

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут:
Одна сковать рассудок тщится,
Другая волю стерть стремится,
На пользу общую, — рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где всё ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там неспоручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшавый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея;

13.

16906

И мы внимаемъ младокоренно,
 Какъ крови нашей алчныйъ жадо,
 Рукаяся всегда безъ старно;
 Въ всея бы дни нашъ свѣтъ едо.
 Вокругъ престола все надменна
 Стоятъ полена преименна;
 Но мстятель, претпешу, грядетъ
 Оубь молжитъ, волвность протеная,
 И се молва отъ праи доцрля
 Ялася, Свободу протеретъ.

14.

Возникнетъ ратъ по всюду бранна,
 Надъ горахъ вѣсхъ вооружитъ,
 Въ црляхъ мушкетеля венганна;
 Омбитъ свои ствѣдъ урѣ всякъ спешитъ.
 Мелъ отуръ а зрю везуръ саернатъ
 Въ разлнчныхъ видахъ смертъ мѣтитъ;
 Надъ гордою главою царя.
 Липуйте сметакъ народы,
 Се право мщѣнное природы;
 На плаху возшло царя.

Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там всё смеется;
Нахмурюсь грозно — всё смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаясь всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет яд.
Вокруг престола все надменна
Стоят колена преклоненна.
Но мститель, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорекая, —
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя!

15

И ночи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел.
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?»

Тебя облек я во порфиру
 Равенство в обществе блюсти,
 Вдовицу призирать и сиру,
 От бед невинность чтоб спасти,
 Отцом ей быть чадолюбивым,
 Но мстителем непримиримым
 Пороку, лже и клевете;
 Заслуги честью награждати,
 Устройством зло предупредить,
 Хранити нравы в чистоте.

Покрыл я море кораблями,
 Устроил пристань в берегах,
 Дабы сокровища торгами
 Текли с избытком в городах;
 Златая жатва чтоб бесслезна
 Была оратаю полезна;
 Он мог вещать бы за сохой:
 «Бразды своей я не наемник,
 На пажитях своих не пленник,
 Я благоденствую тобой».

Своих кровей я без пощады
 Гремящую воздвигнул рать;
 Я медны изваял громады,
 Злодеев внешних чтоб карать;
 Тебе велел повиноваться,
 С тобою к славе устремляться;
 Для пользы всех мне можно всё;
 Земные недра раздираю,
 Металл блестящий извлекаю
 На украшение твое.

Но ты, забыв мне клятву данну,
 Забыв, что я избрал тебя

Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечом мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их не достало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?

21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах:
«Ирой!» — зевав, могли сказать.

22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в едино,

Къ престолу, зря народъ вольный
 Преступникъ власти милою дамой
 » Влащай владыку, милою взысканной,
 » Противъ злата водостать какъ сильной.

40 15

» Тоя обленя во порфире
 » Равенство во обысство блости,
 » Авдвилу придирать и силе,
 » Отъ бздъ навинностьъ тобъспости,
 » Отцель ей бытъ, кадолюбивный,
 » Но мстителель на пришлоильи
 » Порокъ, мжи и клеветя,
 » Заслуги истью награждати
 » Устроитель дню предвуграждати,
 » Хранити нравы во истинѣ.

41 16

» Покрылъ я мре поробилми,
 » Устроилъ перистиан въ брегахъ,
 » Доби сопродилца турвалии
 » Темли съ водитилов въ еуродахъ,
 » Златомъ жатва твоѣ обвалдна,
 » Било оратае тобъмедна,
 » Онъ мловъ влщате бы за сагой
 » Брады свои на наемкино
 » На паженяхъ своихъ на пивникой
 » Я вноадемъ твою павобѣ.

42 17

» Своихъ провай я бедъпощады
 » Трештщую водввикуе рата
 » Я мидны идвативъ гроиде
 » Златнее въ мшиныхъ тобъ
 каратъ;

«...» «...»

Покрыль я море кораблями:
 Далъ способъ къ приобрѣшенію бо-
 гатствъ и благодѣнствія. Желалъ я
 что бы земледѣлецъ небыль плѣнникъ
 на своей нивѣ, и себя бы благосло-
 вляль.

„Своихъ кровей я безъпощады
 „Гремящую воздвигнулъ рать;
 „Я мѣдны изваяль громады,
 „Злодѣевъ внѣшникъ ччтобъ карать.
 „Тебѣ велѣль повиноваться
 „Съ тобою къ славѣ устремляться.
 „Для пользы всѣхъ, мнѣ можно все.
 „Земныя нѣдра раздираю,
 „Металлъ блестящій извлекаю,
 „На украшеніе твое.

„Но ты забывъ мнѣ клятву данну,
 „Забывъ, что я избралъ тебя;
 „Себѣ въ утѣху быть вѣнчанну
 „Возмнилъ, что ты Господь, не я;

Да ни едина преидет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри! умри же ты стократ!»

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспал призра́к, и мглу густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действе распростерт своим;
Не спасшему от бед нас мнимых, —
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод, —
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;

Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

26

Сломив опор духовной власти
И твердой мщениа рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трегубый затмевая
И жезл священный преломляя,
Проклятий молний утушил;
Смеясь мнимого прощенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

27

Как сый всегда в начале века
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг — и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша, древню смесь покоил;
Стихиями он всё устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творит:
Возмог, протекши пустотою,
Зиждительной своей рукою
Светило дневно утвердить.

Так дух свободы, разоряя
 Вознесшейся неволи гнет,
 В градах и селах пролетая,
 К величию он всех зовет,
 Живит, родит и созидает,
 Препоны на пути не знает,
 Вождем мужеством в стезях;
 Нетрепетно с ним разум мыслит
 И слово собственностью числит,
 Невежства что развеет прах.

Под древом, зноем упоенный,
 Господне стадо пастырь пас;
 Вдруг новым светом озаренный,
 Вспряну́в, свободы слышит глас;
 На стадо зверь, он видит, мчится,
 На бой с ним ревностно стремится;
 Нечуждый вождь брежет свое, —
 О стаде сердце не радело,
 Как чуждо было, не жалело;
 Но ныне, ныне ты мое.

Господню волю исполняя,
 До востока солнца на полях
 Скупую ниву раздирая,
 Волы томились на браздах;
 Как мачеха к чуждоутробным
 Исходит с видом всегда злобным,
 Рабам так нива мзду дает.
 Но дух свободы ниву греет,
 Бесслезно поле вмиг тучнеет:
 Себе всяк сеет, себе жнет.

Исполнив круг дневной работы,
 Свободный муж домой спешит;

Невинно сердце, без заботы,
В объятиях супружних спит;
Не господу рукой надменна
Ему для казни подаренна,
Невинных жертв чтоб размножал, —
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежный,
Помощницу себе избрал.

33

Он любит, и любим он ею;
Труды — веселье, пот — роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всещедры боги к простоте.
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что корчит в наготе.

34

Возри на беспредельно поле,
Где стерша зверство рать стоит;
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится, —
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

35

Двулична бога храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,

Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает,
Свободы зрится тут держава, —
Награда тут — едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрязла в тине властна скверность,
Едина личная отменность
Венец возможет восхитить;
Но не пристрастию державну,
Опытностью лишь старцу славу
Его довлеет подарить.

37

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой.
Таков, себе всегда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся,
Мир до края вознесется
И славой новой облечется:
Предмет его суть мы, не я.

38

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенник трясут,
Кинжал вонзить себе в утробу
Народы пагубно влекут;
Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан лиют боязнь;
Рождается несытна власти

Алчба, зиждущая напасти,
Что обществу устроит казнь.

39

Крутятся вихрем громоносным,
Обвиншись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Разя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая —
Се меч, се золото: избирай —
И сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор миловидный,
Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы золотые мзды позорной,
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкою душою, —
Но царь когда бесстрастен был!

Сей был и есть закон природы,
 Неизменяемый никогда,
 Ему подвластны все народы,
 Незримо правит он всегда;
 Мучительство, стряся пределы,
 Отравы полны свои стрелы
 В себя, не ведая, вонзит;
 Равенство казнию восставит;
 Едину власть, валясь, раздавит;
 Обидой право обновит.

Дойдешь до меты совершенства,
 В стезях препоны прескочив,
 В сожитии найдешь блаженство,
 Несчастных жребий облегчив,
 И паче солнца возблистаешь,
 О вольность, вольность, да скончаешь
 Со вечностью ты свой полет:
 Но корень благ твой истощится,
 Свобода в наглость превратится
 И власти под ярмом падет.

Да не дивимся превращенью,
 Которое мы в свете зрим;
 Всеобщему вослед стремленью
 Некосненно стремглав бежим.
 Огонь в связи со влагой спорит,
 Стихия в нас стихию борет,
 Начало тленьем тщится дать;
 Прекраснейше в миру творенье
 В веселии начнет рожденье
 На то, чтоб только умирать.

О! вы, счастливые народы,
 Где случай вольность даровал!

Блюдите дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попорана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем! . .
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшавый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

48

И будет, вслед гремящей славы
Направля бодрственно полет,
На запад, юг и восток державы
Своей ширить предел, но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,

Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое, отечество драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты даешь закон.

49

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве он теряет мощь,
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабевает,
Ползущего глотает ночь.

50

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мнений крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Сдрогаясь внутренно, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце нов даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружба венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом.

Но не приспе еще година,
 Не совершились судьбы;
 Вдали, вдали еще кончина,
 Когда иссякнут все беды!
 Встрещат заклепы тяжкой ночи;
 Упруга власть, собрав все мочи,
 Вскатясь горе, потщится пасть,
 Да грузным махом вся раздавит,
 И стражу к словеси приставит,
 Да будет горшая напасть.

Влача оков несносно бремя,
 В вертепе плача возревет.
 Приидет вожделенно время,
 На небо смертность воззовет;
 Направлена в стезю свободой,
 Десную ополча природой,
 Качнется в дол — и страх пред ней;
 Тогда всех сил властей сложенье
 Развеется в одно мгновенье.
 О день! избраннейший всех дней!

Мне слышится уж глас природы,
 Начальный глас, глас божества;
 Трясутся вечна мрака своды,
 Се миг рожденью вещества.
 Се медленно и в стройном чине
 Грядет зиждитель наедине —
 Рекл. . . яркий свет пустил свой луч
 И, ложный плена скиптр поправши,
 Сгущенную мглу разогнавши,
 Блестящий день родил из туч.

1783 (?)

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
 Я тот же, что и был и буду весь мой век.
 Не скот, не дерево, не раб, но человек!
 Дорогу проложить, где не бывало следу,
 Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
 Чувствительным сердцам и истине я в страх
 В острог Илимский еду.

Начало 1791 (?)

— Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится,
 Почто безвременно печалью дух крушится?
 Ты бедствен не один! Иной среди утех
 Всесчастлив кажется, но знает ли, что смех?
 Улыбка на устах его воссесть не может,
 Змия раскаянья преступно сердце гложет, —
 Властитель мира, царь, он носит в сердце ад.

— Мне пользует ли то? Лишен друзей и чад,
 Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
 Претящей властью отвсюду окруженный,
 На что мне жить, когда мой век стал бесполезен?

— Воспомни прежни дни, когда ты был любезен
 Всем знающим тебя, соотчикам, друзьям,
 Когда во лстящей мгле являлось всё очам,
 Когда во власти был, веселий на престоле;
 Когда рок следовал твоей, казалось, воле,
 Когда один твой взор счастливых сделать мог.

— Блаженством всё сие я почитать не мог.
 Богатство, власть моя лишь зависть умножали;
 В одежде дружества злодеи предстояли;
 Вслед честолюбию забот собранье шло;
 Злодейство правый суд и судию кляло;
 Злоречие, нося бесстрастия личину,
 И непорочнейшим делам моим причину

Коварну, смрадную старалось приписать
И добродетели порочный вид придать.
Благодеянию возмездьем огорченье.

— Среди превратности что ж было в утешенье?

— Душа незлобная и сердце непорочно.

— Скончай же жалобы, подъятые бессрочно.
Или в пороки впал и гнусность возлюбил,
Или чувствительность из сердца истребил?

— Душа моя во мне, я тот же, что я был.

— Дела твои с тобой, душа твоя с тобою.
Престань стенать. Кто мог всеильною рукою
И сердце любяще, и душу нежну дать,
К утехам может тот тебя опять воззвать.
А если твоего сна совесть не тревожит
И память прежних дел печаль твою не множит,
То верь, что всем бедам уж близок стал конец.
Закон незыблемый поставил всеотец,
Чтоб обновление из недр премен рождалось,
Чтоб всё крушением в природе обновлялось,
Чтоб смерть давала жизнь и жизнь давала
смерть, —

То шествие судьбы возможно ли претерть?
На восходящую воззри теперь денницу,
На лучезарную ее зри колесницу:
Из недр густейшей мглы, смертообразна сна,
Возобновленну жизнь земле несет она.

— Се живоносное светило возблистало
И утренни мечты от глаз моих прогнало,
Приятный тихий сон телесность обновил,
И в сердце паки я надежду ощутил.

— Подобно ей печаль в веселье претворится,
Оружьем радости вся горесть низложится,
На крыльях радости умчится скорбь твоя,
Мужайся и будь тверд, с тобой пребуду я.

Начало 1791 (?)

7. МОЛИТВА

Тебя, о боже мой, тебя не признают, —
Тебя, что твари все повсюду возвещают.
Внемли последний глас: я если прегрешил,
Закон я твой искал, в душе тебя любил;
Не колебаясь на вечность я взираю;
Но ты меня родил, и я не понимаю,
Что бог, кем в дни мои блаженства луч сиял,
Когда прервется жизнь, навек меня терзал.

1792 (?)

8. ПЕСНЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Не красна изба углами,
Но красна лишь пирогами.

Пословица

Громы, гряньте, потрясися
Ось земная в основаньи,
Время быстро, ты исчезни, —
Книга вечности разверзлась.
Я не в будущем читаю,
Не пророк я, не волшебник,
Не дельфийская пифия,
Но я время зрю протекше.

Се явился предо мною
10 Муж ума и духа сильна,
Что, народ спасая божий,
Море Чермное претекши,
Во пустыни среди глада,
Среди смерти мог устроить
Народ шаткий, легковерный.
Моисей во имя бога
Чудеса творил; законы
Дал израильску народу.
И по истине, возмогший
20 Управлять толпой народной,
Не быв призван на то ею,

Не имея пред собою
Предрассудка порожденья,
Может, может сказать смело,
Что посланник есть всевышня.
Моисей во имя бога
Жезлом правит, и законы
Среди молний, среди грома
Он со неба получает.
30 Умы шаткие восхитив,
Вождь был тверд умом и сердцем
(Магомет коварством многим
Быть хотел законодавцем,
Умы пламенны восхитив
Рая лестною картиной,
Он смерть сладкою соделал
Во объятых дев небесных;
Ученик его столь храбрый
Воин был непобедимый.
40 Он пошел струею быстрой
На победы, пред собою
Он народам удивленным
Возвестил: се избирайте
Алкоран иль смертоносный
Меч, — и света половина
Пала пред его законом).
Се идет Семирамида,
Она кудри свои черны
Прикрывает златым шлемом;
50 Своим мужеством на брани,
Своим разумом в советах,
Твердостью во время смутно
Всех сердца, умы пленивши,
Она память истребила,
Что убийственной рукою
Она скиптр правленья держит.
Зри Навуходносора,
Несяй бурно пламя браней
В стены нового Салема,
60 Сокрушил их, в прах развеял,
Разорил храм Иеговы,
И повлек он иудеев
В плен, неволю, в преселенье.

Седяй гордо на престоле,
Златом хитро изваянном,
Он зрит образ свой во храмах
Ко богам причтен; курятся
Ароматы драгоценны
В честь ему и днем и ночью.
70 Но се мгла густая зверства
На верх гордый налетает
Царь царей тгряет разум
Он стал скот, в лесах дремучих,
В блатах, дебрях ищет пищи...
Так надменности на троне
Писал суд предвечный в небе.

Троя, Тир, Сидон, Карфага,
Древни хины и индейцы
И неведомы народы
80 Шествуют, покрыты мглою
Неизвестности; но блещет
Во среде столетий мрака
Слава мудрых, яко в туче
Молния в сверканьи светлом.
Зри, воспетые Омиром,
Ахиллес, Парид иль Гектор...
Зри, во пурпурных хламидах
Жители Сидона, Тира,
Алчбой злата устремленны,
90 На крылах несутся ветра
Во страны дальнейши мира.
Зри, потомки их в Карфаге
Накопляют преизбытки
Остроумною торговлей.
Ганнибал, о вождь предивный...
Но зуб времени железный
Сокрушил их град и славу...
Се потомки мудрых брамов,
Узники злодеев наглых,
100 По чреде хранят священной
Свой закон в Езурведаме
Буквой древнего самскрита —
Древней славы их останка
И свидетеля их срама!!..

О Конфуций, о муж дивный,
Твое слово лучезарно
В среде страшной бури, браней,
На развалинах отчизны
Восседало всегда в блеске
110 И чрез целые столетья
Во парении высоком
Возносилось и летало...
Се идет твой современник
Зороастр; он во Персиде
Учреждает поклоненье
Духа жизни во вселенной
И на жертвеннике светлом
Огонь возжег, что пламенеет
Еще ныне в жертву богу.
120 Тако сила духа мудра,
Сохраняясь во потомстве,
Пребывает лучезарна
И живет, живет на вечность.

Се Кир старший, учредитель
Царства древняя Персиды.
Но чему о нем мне верить:
Или повести правдивой,
Иль Рамзею в слоге красном?
Царь царей и царь великий,
130 Погибающий рукою
Томириды; отсеченна
Глава Кира всплывает
В крови; слышу глас вещает:
«Пей, тиран, досыта крови,
Коей в жизни столь был жаждущ!»

Се Эллада в блеске солнца;
Там ирои в лучезарных
Подвигах, будто светила,
На крылах стремятся ветров
140 Похитить руно златое.
Зри, Язон в стране волшебной
Превозмог в Колхиде страхи
Чарований и отравы,

И с руном он у Медеи
Сердце нежное похитил.
Зри, Алкид как сокрушает
Выи дерзких и строптивых;
Разве богу то возможно,
Что он силою десницы
150 Мог исполнить в жизни краткой.
Странственных он избавитель,
Предал смерти Бузирида;
Он дал в снедь коням, обыкшим
Поядать дымящи мяса
Потребленных чужестранцев,
Во Фракии Диомида;
Вепря злого в Эриманте
Обуздать мог вервью лютость;
Стрелой легкою пернатой
160 Он чудовищ тех пернатых,
Что в Стимфалии гнездились,
Сокрушил и предал смерти.
Не возмог никто противен
Быть ему на брани сильной.
В Лерне гидру он стоглаву
Поразил; в лесу Немейском
Льва ужасного исторгнул
Жизнь с дыханием мгновенно,
И во знак своей победы
170 Его кожу он космату
Возложил на тверды плечи.
Медяногу, златорогу,
Легкую в бегу он серну
Мог настичь; и даже бога
В струях живша Архелоя
Он, во образе свирепа
Тельца сильна, он, поправши,
Рог исторг во знак победы.
Победитель он чудовищ,
180 Победитель он гигантов;
Сильна в мышцах он Анфия
Удушил в объятых крепких.
Перед ним кентавры дерзки
Как лист легкий возметались.

И те храбры жены древле,
Ненавистницы супругов,
Амазонки побежденны
И примером Ипполиты,
Своей красныя царицы,
190 Что Алкид Фисею отдал,
Научились жить с мужьями.
Он, предерзка Промифея,
Что с небес похитил пламя,
От злой казни избавляя,
Убил врана, что терзает
На Кавказе его перси;
И, пришед к пределам мира,
Океан где облегают
Шар земной, он столп высокий
200 Силой крепкия десницы
Подавил и вдруг раздвинул.
Две горы тут вознеслися,
Калпе, Абила, подножьем
Двух столпов, где начертанно
Сие дело баснословно,
Се предел, и море с шумом
Покатилося волнами
Во среду земель и весей.
Он, наполнив весь мир славой,
210 Нисшел в царствие Плутона
И привратника тризевна
Обуздал он пса Кервера.
Но, платя он долг природе,
Полубог, ирой, был слабый
Во объятнях Омфалы
Смертный; палицу иройску
Гнусной пряслицей соделал.
Но и в слабостях божествен,
Сын царя миров предвечна,
220 Десять он супруг имевши,
Был отец потомства славна,
Многочисленна; исполнил
Наконец чудесный подвиг,
Быв единою он ночью
Дев пятидесяти юных
Супруг нежный и в срок точно

Пятьдесят сынов родивши.
Подвигов двенадцать дивных
Совершил, себя прославив;
230 Быв ироем в жизни краткой,
Полубог он стал по смерти.

Но, склонясь от баснословных
Подвигов иройских в Грецьи,
Зри, живот как презирает
Кодр в спасение Афинам.
Он не злато, не гремушку
Мздой поставил дел иройских,
Но мечту, мечту любезну,
Образ отчества драгого;
240 В нем жить рай, но с ним разлука
Есть геенна, ад ужасный.
Кодр, сей мыслию исполнен
И предвестию поверя,
Что потеря драгоценной
Вещи для Афин спасенье,
Счел, что драгоценней в мире
Вещи нет, как царь правдивый,
И, себя таким считая,
Смерть вкусил к спасенью царства.
250 Афиняне в знак почтенья
К подвигу толику славному
И считая невозможным
Заменить его на троне,
Имя царско истребили.
Признавая невозможность
Без законов быть правленью,
Афиняне восхотели,
Да Дракон, муж твердый, строгий,
Начертал бы им законы.
260 Но он каждое преступленье,
Маловажно иль велико,
Омывал афинян кровью.
Мало время поступали
По словам его кровавым, —
И Солон законы новы
Предписал тогда Афинам.

Страсти бурны обуздавши,
Он законы дал бессильны
Аттике замысловатой.

270 Зря законов, власть погранну
Властолюбным Пизистратом,
Презрил град он и тирана,
Град оставил, удалился.
Но чему дивиться должно:
Иль законам его слабым,
Иль тому, что он направил
Народ шаткий, остроумный,
На стезю побед и славы,
На рожденье мужей дивных?

280 Се исходит предо мною
И очам моим явился
Муж божественный, муж дивный,
Что, умом своим объявши
Всю народного связь тела,
Умел души всех устроить
К пользе общей и единой,
Подчиняя ум и сердце
Всех отечеству любезну.
О Ликург, твоим законом
290 Ты нагнувши выи горды,
Воспитанием спартанцев
Им отечество соделал
Всего выше и милее.

Времена настали страшны
Для свободы всей Эллады.
Как стада несметны вранов,
Так полки персидски строем
На Элладу налетели;
Но афиняне, спарташе
300 Против их несчетных воев
Ставили мужей лишь славных.
Милтиад, спаситель Грецьи,
Победитель Марафонский,
Жизнь скончал в темнице срамной,
Леонид, царь Спарты смелый,

Иссосав любовь к отчизне
С млеком матери любезной,
Жизнь ему принес на жертву,
И с ним триста юнош храбрых
310 Дни скончали в Фермопилах.
Аристид се правосудный,
Что себе начертавает
Суд изгнанья остракизмом;
Но он зависти знал жало,
Быв соперник Фемистокла.
Победитель славный персов
В Саламине зрит всех греков,
Стекшихся к играм в Олимпе,
Перед ним вдруг восстающих.
320 О, награда паче злата,
Паче всех венцов лавровых!
Но достоин был неложно
Сея чести тот, кто Грецью
Спас победой в Саламине:
Для спасения отчизны
Презрел он вождя надменна
И вознесшему жезл буйно,
Да ударит, отвечает:
«Поражай, но токмо слушай».
330 Се Перикл, кой умел хитро
Взять кормило во Афинах,
И народом, возлюбившим
Своевольность до безумья,
Он по воле своей правил.
Друг Фидия, изваявша
Образ дивной Афинеи,
Друг Аспазии любезной,
Что Сократ (иль добродетель
Воплощенна) в честь вменяет
340 За учителя имети
Себе славну Аспазию;
Он друг был Анаксагора,
Кой, сотрясши предрассудок,
Тяжко бремя мглы священной,
И светильником рассудка
Сонмы всех богов развеяв,
Первый стал среди вселенной,

Он дерзнул ее началу
Дать вину несусеверну.

- 350 Алкиви́ад, муж любезный,
Богат, статен, умен, знатен,
Дарований он великих
И пороков преисполнен.
Добродетелен, но редко,
Разве следуя советам
Друга своего любезна
И учителя Сократа;
В страстях пылок, рдян и буйствен;
Облекаясь он, однакож,
360 В виды, нравы, обыча́и,
Кои нужны на то время,
Чтоб достичь желанной цели, —
Он злой дух и бич Эллады
Был, и пал сраженной жертвой
Любочестья и разврата.

- Но пройдем мы быстрым оком
Ту страну, страну предивну,
Где Ликурговы законы
Царствуют сильнее природы.
370 Там жена не знала страсти
Ко супругу нежну, разве
Он достоин был награды
За свою любовь ко Спарте.
Там мать в радости ликует,
Когда сын ее, сражаясь,
Жертвой пал при Фермопилах.
Ты познал то, о Павсаний,
Что любовь ко Спарте выше
В сердце родшей тебя в Спарте,
380 Нежели к тебе. Развратность
Твоих нравов она прежде
Всех других в тебе накажет.
Ты есть враг Лакедемона;
И се, зри, несет уж камень,
Чем во храм вход заградится,
Где предательна свершится
Твоя жизнь во мщенье Спарты.

Агесíлай, воин мудрый,
Ты достоин еще древней
390 Славы отчества, погасшей
В роскоши, в развратных нравах.
О, сколь мил ты простотою,
Когда, чад своих забава,
Ты, конем жезл сотворивши,
Рыскал с ними на их пользу.

О, Лизандер, о муж славный!
Воин мудрый, ты б достоин
Был отчества любезна,
Если б ты родился прежде.
400 Ты в делах твоих иройских
Не коварством бы вождаем,
Не предатель был бы хитрый,
Почитавший меч свой средством
Быть всегда со всеми правым.

Но разврат, пуска свой корень
Сердца в глубь лакедемóнян,
Испроверг святы уставы,
Что Ликург поставить тщился
На подножии незыбком
410 Простоты и бескорыстья
Воспитанием суровым,
И когда рукою смелой
Юный Агий, взревновавший,
Восхотел к началу древню
Обратить спартански нравы,
То плачевною пал жертвой
Сребролюбия, разврата.

Дух величья, разливаясь
В концы дальние Эллады,
420 Возблистал вдруг между фивян;
Хоть Пиндár своей трубою
Во отечественном граде
Колебал тупые слухи,
Но, взгнездившись во Фивах,
Грубость их во всей Элладе
Отличалась пред другими.

И се два велики мужа,
Лаврами главы венчая,
Возмогли на высшу степень
430 Возвести свою отчизну.
Пелопид, мудрец и воин,
Муж великий, избавитель
Фив от ига, наложенна
Гордой Спартою во счастье.
Но его блестяща слава
Уступала его другу
Эпаминонду, что первым
Цицерон назвал из греков,
Он про коего вещает:
440 Знал всех больше, а глаголал
Меньше всех. Он, высший в Фивах,
Нищ был, злато презирая.
Горду Спарту низлагая,
Победитель пал сраженный,
И, чад вместо, он оставил
Только Левктры, Мантинею.
Се Филипп сплетает узы
Или сети хитротканны,
Где он вольность всей Эллады
450 Уловил и сделал прахом.
Учредитель стройна войска,
Устроением фаланги
Он кровавы приготовил
Узы тяжки полусвету.
О Филипп, тебе возможно
Во ярем нагнуть все выи;
Но кто может Демосфена
Наклонить велику душу?
Тебе тело и труп срамный
460 Демосфенов в корысть будет,
Но не дух его свободный.

Александр, употребляя
Себе в пользу то, что сделал
Филипп хитрый, Филипп мудрый,
Вихрь порывистый понесся,
В бурном духе урагана,

Сокрушая все преграды,
От смиренной Пеллы даже
До берегов счастливых Ганга.
470 Друга своего убийца,
Пал сражен болезнью в пьянстве.
Необъятные корысти
По его достались смерти
Вождям войск его надменным,
И солдаты Александра
Цари стали его смертью.

Хоть по смерти Александра
Воссиял дух древний паки,
И союз ахейн видел
480 Возрождающуюся вольность,
Но то искра была слаба.
Ни Арат не мог восставить
Падшую Эллады вольность,
Ни ты, смертный, столь достойный
Нарещись последним греком,
Филопемён пал, и вольность,
В древней Греции сиявша,
Век потухла невозвратно.

Се сонм светлый мужей славных,
490 Се сенат, се народ римский,
Полк царей и их превыше,
Се властители народов.
Изыдите и предстаньте
Моим взорам обаянным!
Вы краса и удивленье
Человеческого рода,
Вы изящну добродетель
Вознесли на верх возможный;
Но вдруг впали в гнусность, мерзость
500 И затмили злобой, зверством
Все народы нам известны.

Ромул Риму основанье
Дал, устроив свое царство.

Нума нимфу Эгерю
Призывал давать законы
И единый против войска
Стал врагов своих строптивых.
До Тарквиния старались
Все цари пределы Рима
510 Расширять елико можно.
Но Тарквиний скиптр железный
Простер к буйному народу;
Смерть Лукреции воздвигла
На него беды ужасны:
Он был изгнан — и навеки.

Се Брут первый, обогранный
Кровью сына и тиранов,
Положил угольный камень
Зданью римския свободы.
520 Се Коклес, с мечом единый
Спасший Рим и его славу;
Жертва Деций общей пользы,
Ищет смерти он ужасной.
Суеверною любовью
Ко отечеству пылая,
Курций в хлябь земну разверсту
Летит, жизни не жалея,
Для спасения народа.
Зри, се Сцевола, на жертву
530 Принося свою десницу,
В безопасность юна Рима,
Не содрогшись возлагает
На горящи ее угли.
Боль несносна не тревожит
Души твердой и незыбкой.

О Менений бескорыстный!
Пред тобой богатство, злато,
Как лист в осень, увядают,
Постыженны твоим взором.
540 Нищ ты был, седая в сенате,
И по смерти не оставил,
Чем бы заступ мог наемный
Ископать тебе могилу.

Но граждане веледушны,
Чувствием сердец водимы,
Несут в место свое злато,
В честь твою взник столп надгробный!

Броду тяжку прорывая
Силою волов яремных,
550 Цинцинат от шума света
В селе малом обитает.
Но блестяща добродетель
Утаиться не возможет:
Возведен на высшу степень
Он в дни смутные средь Рима,
Своей твердостью и лаской
Рушшийся порядок строит;
Уже взводится в четверты
На первейшее он место;
560 Врагов Рима победивши,
Он нисходит в чин простого
Гражданина; и приемлет
Паки он свое орудье,
Чем взорется его нива.
Столь же ты велик, муж дивный,
Идя вслед сохе на ниве
И бичом скота яремна
Понуждая ко работе,
Велик столь же, как пред войском
570 В прах попрал ты врагов Рима.

О Камиллий, о муж славный,
Столь же дивен и единствен
Ты во счастья благоспешном,
Как в превратностях и в бедстве.
Изгнанный коварством хитрым
(Ах! бывало ль, или будет,
Чтоб изящна добродетель
Не рождала зависть бледну
И была б не ненавистна
580 Злобну гнусному пороку),
Ты, к отечеству любовью
Рдея, строишь во изгнаньи
Помощь Риму во злосчастьи.

И се Бренн, вождь храбрый, смелый
Галлов диких и свирепых,
Победитель римских воев,
Всюду ужас простирает,
Он в бестрепетное сердце
Римлян страха поселяет;
590 Но Рим в бедствах паче счастья
Был велик и тверд и дивен.
Его стены опустели;
Жены, старцы и младенцы
Лишь одни остались в граде
Зреть победу галлов лютых.
Но Камилл жив — и спасенны.
Лишь отсутствен он от Рима,
Паки бедства возродились,
И, наскучивши в осаде,
600 Римляне купить хотели
Мир у галлов весом злата.
Но Камилл внезапно входит
В град, поникший от печали;
Зрит поносное он злато
На весах, и коромысло
(Вес не полн) горé восходит.
Меч извлек, и в легку чашу
Возложивши: «Се, — вещает, —
Чем нам галлам платить должно,
610 А не златом сим поносным».
Одно слово, и дух прежний
Возродился в сердце римлян,
Рим свободен, побежденны
Галлы, — зри, что может слово;
Но се слово мужа тверда,
Как то древле слово жизни
Во творении явилось,
Было слово се Камилла.

Мужи славны, украшенье
620 Вы отечества во Риме;
Вы, к нему любовью рдея,
Всё на жертву приносили,
Самую забыв природу.

Манлий сына осуждает
Вкусить смерть, да подчиненность
В войске будет сохраненна;
Деций, видя робость в войске,
Дав себя в обет подземным
Богам, ринулся с размаху
630 Во врагов, — погиб, но славно,
Бодрость в души влиял римлян
И доставил им победу.
Се твой сын, тебя достойный,
Уподобясь тебе в славе,
То ж творит и погибает.

Се и вы предстали взорам,
О презрители богатства.
О ты, Курий! что вещавший
Ко самнитам, приносящим
640 Злато: «Лучше я желаю
Повелитель быть над теми,
Кто имеет много злата,
Нежели иметь сам злато».
Ах! возможно ль его блеском
Льстить того, кого, пришедши
На прошение, посланцы
Целого народа видят
На деревянном блюде яствы
Поядающа. — Явился
650 Муж, презритель сребра, злата,
Добродетельный Фабриций;
Удивленье врагов Рима,
Ты достойный был воссести
И в том граде и в том сонме,
Где Киней, дивясь, мудрый:
«Рим, — вещает, — есть храм божий,
А сенат — царей собранье».
Пирр, со златом посрамленный,
Не возмогши добродетель
660 Повредить твою, рек тако:
«Нет, удобнее возможно
Совратить с теченья солнце,
Нежели со стези правды,

Добродетели и чести
Совратить тебя, Фабриций».
Кто сей зрится весь покрытый
Ранами, муж строга вида? ..
Регул, зная пытки, муки,
Что его ждут во Карфаге:
670 «Вам война, не мир довлеет,
О сенат, о народ римский!» —
И кровавая пал жертва
Он совета сего мудра.

Но возник тебе на гибель
Ганнибал, сей муж предивный,
Коим Рим едва не свержен
Во полете своей славы,
Если б зависть не претила
Во парении ирою.
680 Фабий медленностью мудрой
Если б бег твой не умерил,
То, поверженный во прахе,
Во развалинах дымился б
Рим, глава земного круга;
Там бы зрелися потомки
Тех мужей, достойных неба,
В поругании злосрамном;
На том месте, где венчались
Славою их предки дивны,
690 Не воссели б в славе, в блеске
На престоле всего мира.

Ганнибал, ирой премудрый,
Что тебе противустанет?
Коль природа не возможет
Во походе твоём дивном
Положить тебе преграды,
Воздвигая верхи льдяны
Выше облак, грома, молний;
Коль струя шумящей Роны,
700 Эридан или потоки,
Звонкошумно ниц звенящи
С верхних Альп на камни строги,
Заградить твой путь не могут,

То Требия, Тразимена
Суть лишь следствия неложны
Твоих мудрых начертаний.
Но се Фабий, скала тверда,
Где твое стремленье буйно
Заградилось и препято.
710 Ах! тобою Рим спасенный
Чуть не зрел свою погибель
В Каннах, как Варрон надменный,
Сей клевет безумный Павла,
Падшего в спасенье Рима
С воинами, что умели
Жизнь скончати за отчизну, —
Безрассудный вождь, возмнивший
Состязаться с Ганнибалом.
Уж молва трубою громкой
720 Возвещает гибель Рима;
Но напасть его спасенье
Устраивает средь развалин;
Он воздвиг свой верх ужасный
Бедства край, всех восторгало
Мужество вновь возродилось;
Рим спасен, и что возможет
Ганнибал един пред Римом?
Его счастье отлетело
Перед юным Сципионом.
730 Победитель Ганнибала
Видел зависть, видел злобу,
Устремленную на славу
Его подвигов всликих;
Обвинен перед народом,
Добродетельный муж, твердый,
Над врагами Рима скажет
Свои славные победы
И, клевет всех в посрамленье:
«Народ римский! — он воскликнет. —
740 В сей, в сей день блаженный, с вами
Победил я Ганнибала;
Отдадим хвалу всевышним», —
И се паки торжествуя,
Всем народом провожаем,

В Капитолию он восходит,
Оставляя площадь римску
С клеветой, в стыде шипящей.

Славы, имени преемник
Сципионов, разрушитель
750 Состязательницы Рима. . .
Ах! се ль слава, се ль иройство? —
Разрушать единым мигом,
Что столетия сôздали!
Вопль и крик и скрежетанье
Умирающих булатом
Победителя во гневе. . .
Пламя, всюду разлиянно,
Как река, сломив оплоты. . .
Плод изящности — в обломках. . .
760 Разума твореньи — в щепках. . .
И грабеж, насильство, наглость,
Все неистовства, все зверства, —
Со бесчувственностью стали
Слышать визг и корчи смерти —
Се иройство, слава! — можно ль
Сердцу, чувствовать обыкшу,
И уму, судить умевшу,
Поступить на таковая?
Нет, рассудок претит мыслить,
770 Что Эмилия сын славный,
Лелья друг и друг Полибья,
И любитель муз Эллады,
Мог решить погибель зверску
Пышной, гордыя Карфаги.
Нет, веленье се неисто
Властолюбия сурова,
Ненасытна духа власти,
Духа сильна, Рим воздвигша,
Из устен что излетело
780 Древня строгого Катона:
«Да разрушится Карфага!»
Но ты паки разрушитель,
Ты Нуманции несчастной.
Иль припев, или прозванье
Над тобой толико сильны,

Что ты сладость ощущаешь
Разрушителем быть только?
Но, алкая сильной власти
Ты диктатора, стал жертвой
790 Властолюбья непомерна.

И се в Риме, удивленном
Своей властью и богатством,
Возникают страсти бурны
И грозят уже паденьем.
Асия, Коринф и греки
Повергают свои выи
Во ярем народа римска.
Но во мзду рабства сим мира
Повелителям надменным
800 С золотом, с серебром, с богатством
Изрыгают в Рим все страсти,
Что затмят в нем добродетель
И созиждут ему гибель.
Грахи, Грахи, украшенье
Матери своя мудрой,
Вы напрасно восхотели
Возродить в превратном Риме
Нравы древни и равенство.
Добродетель не защита
810 Для коварства, буйства, силы.
Пали жертвы вы достойны
Упадающей свободы.
Се возник тот муж суровый,
Ненавистник рода знатна,
Ненавистник наук, знаний,
Храбр и мужествен и дерзок,
Вождь великий, воин смелый
И спаситель Рима, Марий;
Горд, суров, алкая власти,
820 Все пути к ее снисканью
Были благи; но изгнанный
И в побеге, утопая
Близ Минтурны в блате жидком,
Он вещает ко несущу
К нему смерть наемну войну:
«Се, я Марий, коль дерзаешь!»

Но сей взор велика духа,
И велика среди бедствий,
Заградил взнесенно жало,
830 И в убийце своем Марий
Обретает себе друга;
«Странник бедствен, укрываясь,
Конец жизни нося тяжкой,
Зри картину счастья шатка;
Зри величественный образ
Мария победоносна,
Марья первого во Риме
Здесь сидящего (вещает)
На развалинах Карфаги!
840 О стяжатель власти, чести,
Зри там Марья — содрогнися».
Колесо, всегда вертящесь,
Превратилось Фортуны,
Марий паки в Капитольи;
Сердце, бедством изъязвленно,
Стало жестче стали крепкой,
И суровый сей велитель
Рим исполнил смерти, казни.
День румяный воссиявший
850 Освещал потоки дымны
Восструившейся по стогам
Крови римской, — и свершался,
Зря в мерцаньи кровь и гибель.
Но сей варвар ненасытный
Трепетал, вспомя Суллу.
Чтоб забыть тот страх, опасность,
Он предался гнусу пьянству
И в хмелю скончал жизнь срамну.

Се совместник Марьев, Сулла,
860 Се мучитель с сердцем нежным,
Се счастливым нареченный,
Рода знатна и украшен
Дарованьями различны;
Ум словесностью устроен,
В обхожденьи мил и гибок,
Но снедаем алчбой славы
И снедаем властолюбьем;

Храбр, деятелен, вождь мудрый,
Победитель Мифридата.
870 Мифридат, ирой, царь славный,
О пример ты зыбка счастья!
Враг он римлян, ненавистник
Сих тягчателей народов;
С юных лет он чует славу
Противстать струе сей, рвущей
Все оплоты; бодрый разум,
Возвышенны чувства сердца,
Крепость духа, храбрость, смелость,
Мужество, в трудах возросше,
880 Закаленное во славе,
Он дал бег душе отважной,
Властолюбия алкавшей,
На великая возмогшей.
Победитель он Азии,
Победитель он Эллады,
Уступить был принужденный
Счастью Рима, счастью Суллы.
Но иссунул меч кровавый
Паки на погибель Рима,
890 Тридцать лет сопротивлялся
Он грабителям вселенной,
Римлянам: но в тяжки лета,
Зря восставшего Фарнаса,
Сына, наущенна Римом,
Он мечом свою жизнь славну
Ненадежную исторгнул,
Не возмогши ее кончить
Жалом острым яда сильна:
Зане жизнь его, в смятеньи
900 Провождаема, успела
Притупить всю едкость яда.

Мифридата победивши,
Испровергнувши Афины,
Победивши всех ахеян,
Всех союзников и римлян,
Сулла меч свой, обогранный
Кровию доселе чуждой,
Он простер во сердце Рима.

Заградив на жалость сердце,
910 Хладнокровный был убийца:
Всех, ему врагами бывших,
И трепещущие члены
Погубленных граждан Рима.
Его были услажденье.
Нет, ничто не уравнился
Ему в лютоści толикой,
Робеспьер дней наших разве.
Ах, во дни сии ужасны,
Где отец сыновней крови,
920 Где сыны отцовой жаждут,
Господу где раб предатель,
Средь разврата нагла нравов
Может разве самодержец,
Властию венчан всеильной,
Дать устройство, мир — неволи, —
Пусть неволи, но отдохнет
Человечество от тяжких
Ран. Стал Сулла всевелитель,
Учредил благоустройство
930 Во мятежном сердце Рима.
И се муж, кровей столь жаждущ,
Погубитель граждан, войнов,
Грады, селы испровергший,
Наносивший смертны раны
Во сердцах семейств толиких,
Возгнушался своей властью
И дерзнул сойти с престола.
Он конец своя жизни
Провел мирно и в утехах
940 Сладострастья, неги, хмеля.
О властители народов! . .
Или паче, сердца смертных
О загадка, нерешима
Ниже Сфинксу! Будто только
Всевластителю угодно
Было кровию упиться
И возлечь на ложе мирно,
Среди Вакха, мусс и Лелы.
Истина непостижима,

950 Но то истина, что может
Во душе, к люблению нежной
При вождении рассудка,
Привитать и люто зверство.

Где ты, Рим, где ты, отчизна
Простоты, смиренья, чести!
Добродетели опоры,
Потрясенные страстями,
Утопилися в ассийской
Роскоши; но се явленье,
960 Удивления достойно
Всех веков, всея вселенной:
Муж богатства неисчетна,
Пышностию превзошедший,
Роскошью и велелепьем
Всех царей роскошна Востока,
И среди распутства, буйства,
Наглостей, презренья явна
Добродетели, законов,
Возмужался, явил свету
970 Сердце чистое и разум,
Всей изящностью украшен.
Воин храбрый и вождь мудрый,
Гражданин среди разврата;
Ненавистник ухищрений,
Скопов, козней, заговоров;
Не алкая властолюбьем,
Победитель Мифридата
Торжеством шел в Капитольи.
Сердце, руки непорочны,
980 Судия всегда правдивый,
Истина из уст нельстивых
Лукулла роскошна, пышна
Исходила непорочна.
Сын, отец и брат он нежный,
Господь щедрый, друг несчастных,
Он бы мог стать всех превыше,
Кесаря или Помпея,
Но иль мало он отважен,
Иль не дерзок, иль почтил он
990 Мир, покой средь мусс и неги.

Марий, проложив кровавый
Путь ко власти высшей в Риме,
Сулла, воинов купивши,
Показали, что возможно
Силой царствовать в Риме;
Рим, владыко всех народов,
Уж настала та минута,
Что ты выю свою горду
Под ярем насильства склонишь.
1000 Если муж продерзкий, буйный,
Вихрь неистовый страстями,
Смелый ум, отважно сердце,
Сластолюбец, злодей гнусный...
(Зри, ступил, ушел и, в бегстве
Вырвавшись, мечом дерзает...
Но, сражен, он, озираясь,
Грозит взором и скрежещет
Во отмщение зубами) —
Если вольность Катилина
1010 Не возможет испровергнуть,
То, спасенный Цицероном,
В мрежи ты падешь Помпея.
Властолюбец, не терпевший
Себе равного во Риме,
Жажду царствия прикрывши
Добродетельной личиной,
Он умеренности видом
Привлекал сердца и души;
Торжества исторгши почесть,
1020 Еще юн, не хотел больше,
Чтоб его затмил кто в Риме:
Победитель и во власти
В Рим вступает гражданином,
Но он хитростью то будет,
Чего силой не желает.
Его честь и добродетель
На лице токмо сияли,
Но душа была бесстыдна.
Расширитель он пределов
1030 Рима Ассию до сердца,
Он неистово гордился,
Презрил Юлия, вещая:

«Я воздвигну легионы,
Ударяя ногой в землю».
Во Фарсальских он долинах
Испытал превратность счастья,
И предательной десницы
Стал он жертвою плачевной.
Тако зданье, соруженно
1040 Хитростью и расточеньем,
Властию, умом, стрясется
И падет единым махом,
Коль найдет во преткновенье
Буйнее себя и дерзче.

Се возник тот муж предивный,
Удивленье веков поздних,
В юности распутен, жаждущ
Лишь веселья и утехи,
Дорогими ароматы
1050 Нося кудри умащенны
И рача лишь о наряде, —
Сей вознесся, да преломит
Твердый щит свободы Рима,
Но в котором еще Сулла
Марьев многих прорицает.
Юлий встал — и всё поникло.
Ах! что может стать противу,
Когда Юлий в селе малом
Первым быть желает лучше,
1060 Нежели вторым во Риме?
Алчба власти необъятна,
Совождается рассудком
Твердым, быстрым, и глубокий
Ум блестящий, и украшен
Всей учености цветами.
Слово нежно и приятно,
Но и сильно, пылко, стройно,
Убеждать равно удобно
Душу, сердце жены, война.
1070 Предприимчив, смел, отважен,
Жив, деятелен; чудесны
Он намеренья родивши,
Исполнял их устремленно;

Храбр и мужествен в сраженьи,
Мудр, разумен он в советах,
Милосерд, прощать обиды
Он готов всегда злодеям.
Как возможно, чтобы вольность
Устоять могла, шатнувшись,
1080 Против Юлья? Муж чудесный,
Он все качества изящны
Ссредоточил, недостатка
Ни едина не имевши,
Но пороков тьму; рожденный
К управлению, где бы ни был,
Победитель был бы тамо,
Где б случилось вождать войско.
Вольности умыслив гибель,
В достиженьи сея цели
1090 Бдетелен был, трезв, незыблен,
Всегда к брани он готовый,
Рукой дерзкой и обильной
Рассыпал несчетно злато,
Покупал наемны души
И клеветов своих бранных
Делал Крезами, коль нужно.
Путь направля ко престолу,
Преткновений став превыше,
Он себе позволил всё — и,
1100 Свято было ль что, не ведал.

Так, Помпея победивши,
Излиял щедроты всюду
И явился царь премудрый.
Но или неосторожно,
Или гордостью своею
Оскорбив любящих вольность,
Сей вождь славный, муж великий
Пал, сражен друзей рукою,
Пал, ненужная ты жертва
1110 Сокрушенная свободы.
И — неслыханное чудо! —
Тиран мертв, но где свобода?
Во служение поникший
Рима дух парить не может.

А ты, муж красноречивый,
Цицерон; прияв кормило,
Не возмог ты Римом править.
Ах, Катон, почто исторгнул
Жизнь свою ты столь некстате?
1120 Ты бы участь зыбку Рима
Укрепить мог духом твердым.
Стань, сравнись со Цицероном:
Монтескье о вас да судит.
Цицерон — муж качеств дивных,
Но вторым быть, а не первым
Был удобен: ум прекрасный,
Но душа нередко низка.
В Цицероне добродетель
Есть побочность, а в Катоне
1130 Она верх, подпора ж славы.
На себя всегда взор первый
Витий славный обращает,
А Катон себя не видит;
Рим спасти Катон желает,
Зане любит он свободу,
А муж слова сладка хочет
Рим спасти из чванства разве;
И сей муж неосторожный
И тщеславный, ненавидя
1140 Марк Антония, восставил
Юлия в Октавиане.
Но, обманутый младенцем
Почти, пал, опасна жертва
Кровожадных триумвиров.
Тут воскрес, восстал от гроба
Ненасытец граждан крови,
Сулла: меч носился в Риме,
Пожиная всех, кто нѣмил
Иль опасен триумвирам.
1150 Так, валясь везде на части,
Римска вольность исчезала.
Брут и Кассий, побежденны
В Греции, свой меч вонзают
В грудь свою без пользы Риму;
Только слава им осталась
Римляне последни зваться.

Потом, Марка победивши
Октавыян в Акцьи, трусливый,
Царь он стал огромна Рима.
1160 И так сей злодей неистый,
Без законов и без правил,
Хитр, бесстыден, подл и алчен,
Благодарности чужд сердцем,
Сластолюбец и бездельник,
Кровожаждущ, но с насмешкой,
Воевода трус и робкий,
Но возлюбленный войнством,
Рим исполнивши насильства,
Грабежа, бесстыдства, крови
1170 И насытившись надменно
Сладострастием позорным,
Стал превыше он всех в Риме.
Он, в любовь к народу вкравшись,
Льстя его свободы видом
(Ах, достоин ли свободы
Ты, который лишь желаешь
Хлеба, хлеба, игр на цирке?),
Основал престол железный,
Где воссядет злодеянье
1180 И с ним гнусные пороки.
Тако хитрый сей мучитель,
Безмятежным правя царством
Долго, был и щедр и кроток
И, кончину видя близку,
С твердостью вещал стоящим:
«Се конец игры, плещите!»
Но потомство не обманешь,
О неистовый счастливец!
Блеском своя держава
1190 Одолжен ты Меценату,
Или Ливьи, иль Агриппе,
Иль льстецам твоим наемным,
Иль Горацю, иль Марону.
О умы, умы изящны,
Та ли участь мусс, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет
Иль, оставя вам жизнь гнусну,

Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев?

1200 Как струя, в своем стремленьи
Препинаема оплотом,
Роет тихо в основаньи
Связь подножья его крепка,
Но подрыв и отняв силу
У претящия плотности,
Ломит махом все преграды
И, разлившись с буйным ливом
По лугам, долинам, нивам,
Жатвы где блюлись и злаки,
1210 Всё покрыла волной мутной, —
Так при Августе власть высша
Подрывала столб свободы,
Что Тиверий сринул махом.

Тиран мрачный, он подернул
Покрывалом тяжким скорби
Рим; тогда не злодеянье
В злодеяние вменялось,
Но злодей — кого Тиверий
Ненавидел или думал,
1220 Что опасен он быть может.
Действие, невинна шутка,
Одно слово, знак иль мысли —
Всё могло быть преступленьем.
Там донос, ночное жало,
В бритву ядом изощренно,
Носят нагло днем во Риме.
Сын отцу и отец сыну,
Брату брат, супруг супруге,
Господину раб, друг другу
1230 Чужды стали и опасны.
Оком рыси соглядая,
Лютость рыскала по стогнам
И с улыбкою змеиной
То чело знаменовала,
Что падет при восходе солнца
Иль увянет при закате.

Ах, исчезли те сердечны
Излиянья меж друзьями,
Что всю сладость составляли
1240 · Бесед тихих, но свободных,
Со пиршеств непринужденно
Отлетело уж веселье,
Скрыв чело блестяще, ало
Под покров густой печали;
И доверенность в семействах,
И в рабах, хоть редка, верность
Искаженны превратились
В недоверчивость, подобну
1250 Стражу люту, что отъемлет
У несчастных услажденье
В бедстве томном — сон и слово.
Дружба там почлась не лучше
Скалы скрытой и подводной,
Где корабль при дуновеньи
Тихого зефира будет
В корысть Сцилле иль Харибде.
Откровенность и вид правды
Поставлялися безумьем.
И сама, ах! добродетель
1260 Почиталася личиной,
Но опасной для тирана,
Зане вид ее любезный
Мог исторгнуть бы из груди
Воздыханье о блаженстве
Времен прежних и родилась
Мысль, что Рим мог быть иначе.

Так вещает муж бессмертный
Монтескье, что нет тиранства
Злей, лютей, когда хождает
1270 Под благой сенью законов
И прикрытое шарами
Правосудия; подобно,
Как бы жалость всю презревши,
Отымать спасавшу доску
Претерпевших сокрушенье
Корабля, да гибнут в бездне.

Се лишь слабая картина
Царствия Тиверья мрачна.
Сей тиран согбенна Рима,
1280 Возгнушавшись его лестью
Иль боясь, чтоб не воздвигло
В нем отчаянье десницу
На карание правдиво
Всех его мучительств темных,
Отдалился во Капрею,
Где, когортами стрегомый,
Сластям гнусным предавался,
Коих образ даже срамный
Иль одно напоминанье
1290 Омерзенье возбуждают.
Тамо отроков во сонме
Наслаждался он утехой,
Новы сласти вымышляя
И названия им новы;
Там, откуда его смрачны
Слуги, рыская повсюду,
Новых жертв всегда искали
Его мерзку любострастью;
Отрок нежный, возвращенный
1300 В целомудрии, в смиреньи,
Исторгался из объятий
Отца, матери иль брата.
Ах, почто, почто и память
Сих всех гнусностей позорных
Едко время пощадило!
Время, в царствии драгое,
Истошая в сих утехах,
Исполненье своей власти
Злой тиран отдал Сяяну.
1310 Сей, орудье его зверства,
Шел во власти и в тиранстве
Наравне с каприйским богом.
Погубив его семейство,
Он уж смелую десницу
На трепещуща тирана
К поражению возносит, —
Но сам пал, и тиран лютый
Злей, лютее стал, дотолѣ,

Что, несчастный, избегая
1320 Не кончины неизбежной,
Но терзаний, муки, пытки,
Жизнь заранее преторгши,
Извлекал из уст тирана
Слово зверское: «Он спасся».
Сам Тиверий смертью лютой
Жизнь скончал свою поносу.

Ах, сия ли участь смертных,
Что и казнь тирана люта
Не спасает их от бедствий;
1330 Коль мучительство нагнуло
Во ярем высоко выю,
То что нүжды, кто им правит?
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новый
Будет благ и будет кроток;
Но надолго ль, — на мгновенье,
А потом он, усугубя
1340 Ярость лютости и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.
Кай Калигула таков был:
Милосерд, но лишь вначале;
Он был щедр — разве в тиранстве.
Юнош тихий и покорный
Был, доколе высшей власти
Не имел в своей деснице;
Потом тигр всех паче лютый.
И достойно назывался
1350 Рабом лучшим во всем Риме,
Господином злей всех паче.
Он, лаская толпе черной,
На безумные издержки
Истощил несчетно злато.

И се светлое начало
Пременилось скоро, скоро.
Сверженно всё и поприано

С наглостью; досель невинный,
Нравы, разум и законы,
1360 Человечество и честность
Подавив пятою тяжкой,
Кай омылся в кровях Рима;
Он, мучитель до безумства,
Сожалел о том лишь только,
Что народ, народ весь римский
Не одну главу имеет,
Да, сраженна одним махом,
Ниспадет ему в утеху.
Пьян. величием надменен,
1370 Он царей всех чтит рабами,
Храм создал себе, как богу,
И велел обильны жертвы
Приносить себе, как Зевсу.
Блестел молнией, метал громы.
Удивиться тому должно,
Как мог Рим повиноваться
Дурака сего неиста
Бешенству толико яру;
Любодейца со сестрами,
1380 Нагл, насилен и бесстыдно
Осрамлял супружне ложе.
Лишь стыдился, что Агриппа
Его дед был, и вещает:
«Мать мою родивша Юлья
Зачала в объятых отчих
Бога Августа». — Безумный!
Нет, лишь смех ты возбуждаешь.
Но чему дивимся боле:
Иль надменности безумной,
1390 Или зверству его яру?
Глад, иль мор, или пожары,
Или бедствия народны
Ему были услажденьем.
Но дотоль он презрил римлян
Или был безумен столько,
Что коня в своих чертогах
Угощал, как мужа славна.
Он нарек его первейшим
Во священниках и мыслил

1400 Нарещи его в сенате
Консулом. — Но полно, полно,
Замолчим. . . Он жизнь столь гнусну
Острием скончал Херея.

Ах! пребудет удивленьем
Во все веки, во все роды. . .
Как Рим гордый возмужавший,
Жив столетия во бранях
Непрестанных, источая
Кровь граждан и кровь противных,
1410 Истребляя иль присвоя
Царствия, народы, веси,
Явив свету мужей дивных
В добродетелях, в иройстве,
Совершивши дел толико
И великих и блестящих,
Быв толико мудр в правленьи,
Мудр во бранях и в победах
Мужествен, тверд, постоянен,
Во опасностях незыблем;
1420 И поставив от начала
Присвоение вселенной,
И намеренье блестяще
Столь умыслив остроумно,
Столь исполнив постоянно
И окончив столь счастливо. . .
Но на что ж? . . . Дабы злодеев,
Извергов, чудовищ пять-шесть
Наслаждались всем буйно. . .
Иль се жребий есть всеобщий,
1430 Чтоб возвышенная сила,
Власть, могущество, блеск славы
Упали, были гнусны?
И рачащие о власти
Для того ее лишь множат,
Чтоб тому она досталась,
Кто счастливее их будет?

Во всех повестях народов
Зрим премены непонятны.

Сенат римский, гордый, смелый,
1440 Сонм князей, владык державных,
Пресмыкается и гнусен. . .
О властители вселенной,
О цари, цари правдивы!
Власть, вам данная от неба,
Есть отрада миллионов,
Коль вы правите народом,
Как отцы своим семейством.
Но Калигулы, Нероны,
Люты варвары и гнусны,
1450 Суть бичи небес во гневе,
И их память пренесется
В дальни веки для проклятий
И для ужаса народам!
Кай сражен, сражен Хереем,
Что возмнил восставить паки
Истукан свободы в Риме.
И се, кроясь во страхе
В углу дальном царска дома,
Клавдий обретен трепещущ.
1460 «Буди цари!» — вещают войны.
О Рим, Рим! кто царь твой ныне?
Старец дряхлый, но младенец
Он умом: ум слабый, глупый;
Человек едва ль, зародыш,
По названью его родшей.
Мягкосерд, но что в том пользы?
Раб жены поносной, срамной,
Стряшей стыд, раб Мессалины,
Коей имя ввек позорно
1470 Наричанием осталось
Жен презрительных, бесстудных.
Он, игралищем став гнусным
Отпущенников, злодеев,
Иль Нарцисса, иль Палладья,
Омывался в крови римлян.
В Риме тот был жив, здрав, знатен,
Кто их друг был иль наемник.

Кто с глупейшим из тиранов,
С Клавдием сравниться может?

- 1480 Недовольная, упившись
Мессалина сласти гнусной,
Пред очами она Клавдия
Во супружество вступает
Со возлюбленным ей Сильем.
Но что пользы в том, что смерти
Предаст Нарцисс Мессалину?
Клавдий слышал и трепещет:
«Я ль еще владыка Рима?»
Се вопрос тирана слаба.
- 1490 Се жена распутна паки
Воцарилась Агриппина;
Но, боясь конца насильна,
Ко Локусте прибегает, —
И отравя отомщает
Падший Рим кончиной Клавдия.
Ах, погибли пораженны
Все останки умов твердых.
Зри, жена иройска духа
Осужденному к злой смерти
- 1500 Милому рекла супругу,
Да рукою своею твердой
Предварит он казнь поносну,
Но Пет медлит и робеет.
И се Ария сталь остру
В грудь свою вонзает смело:
«Принми, мой Пет любезный,
Нет, не больно. . .» Пет, мужаясь,
Грудь пронзил и пал с супругой.
- 1510 Но се тот уж воцарился,
Коего счастливу юность
Управлял Сенека, Буррий;
Но который, сняв личину,
Каждый день своя жизни
Или каждый шаг свой зверский
Начертал убивством лютым;
Тот, чье имя ввек осталось
Всех поноснее и гнусней
В нарицание тиранам,
Имя Нерон, зверь венчанный.
- 1520 Во неистовых утехах

Провождая дни и ночи,
Он в позорищах являлся
Иль возницей, или гистрий
В посмеянье был народу,
Но палач он, всем грозящий.
Он убийственную руку
Простирал на всех ближайших:
Мать, наставники, супруга —
Всё сраженно упало
1530 Под мечом сего тирана,
Столь мертвить людей умевша;
Насыщался ежедневно
Или сластиею прегнусной,
Или кровью умовенный,
Его Рим зрел посягавша
Во жены Пифагораса,
И среди затей безумных,
В кровях плавая гражданских
И в хмелю утех неистых,
1540 Он возмнил себе представить
Пожар, гибель древней Трои,
И для сей утехи злобной
Велел Рим возжечь отвсюду. . .
Се довольно, мы скончаем
Сию повесть, где лишь видно
Иль неистовство, иль зверство.
Убоясь попасть в руки
Своей страже вероломной
Иль сената, погибает
1550 Смертью, красной для тирана:
Он мечом сам грудь пронзает, —
И погиб, последня отрасль
Дому Юлия велика.
Гальба, Отон и Вителлий,
Появившись на престоле,
Смертию своей поносной
Уступили Веспасьяну,
Избранному в цари войском,
Трон, омытый своей кровью.
1560 Некогда ласкатель гнусный
Он Нарцисса и Нерона,

Веспасьян явил на троне
Добродетель: и Рим гибший
Отдохнул — хоть ненадолго.
Далек пышности и спеси
И трудясь во управленьи,
Воздвигал погибше царство,
Где чредою скиптр держали
Злы тираны, равно гнусны,
1570 Равно злобны, или глупы,
Или бешены, иль паче
Расточительны безумно.

Услажденье рода смертных,
Тит, почто прешел ты скоро?
Или для того, чтоб знали,
Что считал ты свое царство
Излиянным только благом,
Нарицая днем погибшим,
Когда счастья не мог сделать
1580 Никому? Но век твой красен
Жизнью Плиния Старейша. . .
Заклученный в недрах утлых
Огонь в Везувии, яряся,
Всклокотал и хлябь разинул,
Разорвав ее холм высший.
Огонь, камня, дым и пепел —
Всё летит превыше облак,
Затмевая день и солнце.
Там рекой струится лава,
1590 И всё гибнет, вся окрестность
Погребенною сокрыта
В пепле жарком и ниспадшем.
Геркуланум и Помпея
Низошли совсем в могилу;
Бедство, смерть, опустошенье
Распростерлися далеко.
Тут, вождаемый алчною
Сведения и науки,
Погибает Старший Плиний.
1600 Но ты царствуешь, о сладость
Римского народа! — Тит, зри,
Как течет ко всем на помощь:

Если жизнь кто спас лишь в бедстве,
Тот блаженствует уж Титом.
Но, скончав свою жизнь кратку,
Тит престол оставил Рима
Иль чудовищу, иль брату.
Домитъан, тиран сей новый,
Он тиранов всех предшедших
1610 Злее был и не смягчался
Николи в своей он злобе,
Зане робок был, застенчив.
И столь гнусно было время, —
Тацит тако возвещает, —
Ниже молвить, ниже слышать;
Рим стал нем, пропало слово,
И погибла б даже память,
Если б можно было смертным
Терять память во молчаньи.
1620 Но мучитель робкий слова,
Всех в стенанье приводивший,
Пал супруги наущеньем.
Но и дни сии столь гнусны
Красились, имея мужа,
Жить родившагось достойным
В лучших днях Афин и Спарты.
Се Агрикола с тобою,
Домитиан, жил на то лишь,
Чтоб ты паче посрамленный
1630 Пред потомками явился;
Зане истинно и верно,
Если сонмы людей славных
Могут красить дни счастливы
Царя мудра или щедра,
То один лишь муж великий,
В дни родившийся тирана,
Его паче лишь унизит
Ярым блеском своей славы.
Тогда паки воссияло
1640 Солнце теплое для Рима:
По чреде там зрели мудрость,
Славу, мужество во власти
И венчанну добродетель.

Нерва, избранный на царство,
Был правитель мудр, но слабый
И согбен лет тяготою;
Но он дал себе опору
И устроил счастье Рима,
В сыны взяв себе Траяна.
1650 Его смерть была бы в Риме
Бедствие, когда б не знали,
Что Траян его преемник.

Ожил Рим с царем толиким;
Судия и воин мудрый,
Он имел, что было нужно
Быть царем. Алкая славы,
Он свой меч победоносный
В Дакию простер; воздвигнул
На Дунае мост тот славный,
1660 Удивлявший столько древних;
И оружия славой, блеском
Ослеплен, понесся в дальню
Покорение народов.
Но хотя излишня слава
Победительные лавры
Затмевает, хотя жертвы
Сладострастия неиста
И возлития обильны
Хмельну Вакху прикрывают
1670 Черной тению картину
Подвигов, равно блестящих,
Царя в брани или в мире, —
Вопреки злоречья колка
Навсегда Траян пребудет
Пример светлый всем владыкам.
И тому дивися больше,
Что он, разума не красив
Благолепными цветами
Иль познаний, иль науки,
1680 Мог царем он быть столь мудрым.
В том как можно усумниться,
Когда дни его золотые
Зрели Тацита и Плинья,
Ювенала и Плутарха.

Когда Тацит, сей достойный
Муж дней Рима непорочных,
Со восторгом мог воскликнуть:
«Век счастливый наш, где можно
Мыслить то, что мыслить хочешь,
1690 И вещать, что ты помыслишь».
Ах, сколь трудно, восседа
Выше всех и не имея
Никаких препон в желаньях,
Усидеть на пышном троне
Без похмелья и без чаду.
И тот царь почтен достойно,
Ускользнуть когда возможен
Обуяния неиста
Страстей буйных души смертных.

1700 Адриан, на трон вступивший,
Строил счастье в римском царстве,
И хотя сравниться может
В добродетелях Траяну,
Но надменность и жестокость
Были в нем души пороки.
Гнусной страстью к Антиною
Тлея, в честь ему он строил
Храмы, грады; но всю гнусность
Страсти срамной и пороков
1710 Он прикрыл раченьем к царству,
Путешествием всегдашним
В областях пространных Рима.

Не пустое любопытство
В страны дальны направляло
Его путь, но цель всегдашня
Путешествий столько дальных
Была польза и блаженство
Градov, областей, народа.
Устремляя взоры быстры
1720 В управление подвластных,
Мститель был законов строгий
В лице всех, дерзнувших данну
Власть свою во зло направить.

Велелепные и пышны
Грады, зданья он воздвигнул,
Но не с тягостью народа,
Зане многие налоги
Облегчал и уничтожил.
Хоть достойный сей царь Рима,
1730 Злой болезнью одержимый,
Жизнь свою прервать не могши,
Обратил свою всю лютость
На казнь, может быть не пужну,
Многих; но ему простили
Всё за то, что себе избрал
Он в преемники на царство
Антонина. Хотя помним
Слово мудра Фаворина,
Состязавшась с Адрианом:
1740 «Нет, кто тридцать легионов, —
Так мудрец друзьям вещает, —
Может двигнуть одним словом,
Ошибаться тот не может».
Но его дни безмятежны
Возрастили Арриана
И учителя во нравах
Строга, мудра Эпиктита.
Испытав превратность счастья,
Он всю мудрость заключает
1750 В двух словах: «Сноси с терпением,
Будь умерен в наслажденьи», —
Словеса много блаженны,
От источника исшедши,
Кажется, излишне строга,
Но соделавшие счастье
Рима, дав ему на царство
Всех владык его изящных.
Кажется, напрягши мышцы
Во изящность, вся природа
1760 Возникала в человеке,
Когда мысль образовала
Столь достойну удивленья
Веков дальных и потомства,
Мысль изящную Зенона.

И хотя б другой заслуги
Мудрование столь чудно
Не имело, — не оно ли
Риму в счастье даровало
Антонина, Марк Аврелья?

- 1770 Дни блаженные для Рима
Уже паки воссияли.
Се восходит на трон света
Коего любезно имя
Целый век за честь вменяли
Носить римские владыки.
Мудрец истинный, украшен
Добродетели чертами,
И порока ни едина.
Антонин течение жизни
- 1780 Посвящал народну благу:
Гражданин, не царь, во граде,
Се отец благий не титлом,
Коиm красились венчанны
И злодеи и юроды,
Но отец он истым делом.
Ах, тот мог ли быть превратен,
Кто несчастьем ужасным
Почитал, когда бы быть мог
Ненавидимым во Риме;
- 1790 Собственность кто презирая,
Расточал свое богатство,
Что наследил, соблюдая
Он сокровища народны?
«Нет, Фавстина, — он вещает, —
Я, владыкою став Рима,
Собственности всей лишился».
Он уснул, и Рим восплакал,
И Антонин мог забвен быть
Тем лишь, избрал что на царство
- 1800 По себе в Рим Марк Аврелья.
Имя сладостно и славно!
Се премудрость восседает
На престоле цела света.
Но он смертный был. Блаженство
Рима вянет с Марк Аврельем;

И столетия с стремленьем
Протекли за ним уж многи;
Но на поприще обширном,
На ристалище вселенной
1810 Всяка слава и блистанье
Всех царей, владык прешедших
Перед ним суть разве слабый
Блеск светильника, горяща
В полдень ясный, в свете солнца;
Перед ним вся лучезарность
Подвигов в сверканьи славы
Суть лишь мрак, и тьма, и тени.
Когда взор наш изумленный
Обращаем на владыку
1820 На всеильного, который
Столь смирен был во порфире,
То во внутренности духа
Мы таинственно веселье
Ощущаем, и не можно
Без сердечна умиленья
Вспомнить жизнь его премудру.
Слеза радости исступит,
Сердце, в радости омывшись,
Вострепещет, утешаясь.
1830 Но... смолчим, в душе сокроем,
Ах, всю скорбь и тяжко чувство,
Что по сладости во сердце,
Вспоминая Марк Аврелья,
Восстает и жмет в нас душу.
Нет, не жди, чтоб мы дерзнули
Начертать его теченье.
Всё, что скажем, будет слабо
И сравниться не возможет
С той чертой предвечна света,
1840 Чем его живописала
Всех веков и всех народов
Образ дивный благодарность.
Его жизни описание
Действо то вливает в душу,
Что изящнее возникнут
О себе самих в нас мысли

И равно изящны мысли
О превратном смертных роде.

Но надолго ли? — О участь,
1850 Участь горька рода смертных!
Марк Аврелий уж скончался,
Счастье Рима с ним исчезло
И благие помышленья
О блаженстве рода смертных.
Се торжественно и тихо,
Спровождается всех воплем,
Шествие его кончины
Отправлялося во Риме;
Но шаг каждый препинаем
1860 Был слезами иль восторгом
Всего римского народа:
«Се наш друг — ах, паче друга,
Се родитель, се кормилец, —
Се отец, — се бог всещедрый. . .»
Скорбно в слухи ударяли
Словеса сии нельстивы
Того, кто вменит за тягость
Все благие помышленья.
И се во броне одеян
1870 Коммод грозно потрясает
Копием, и всё умолкло.
Шествие идет в молчаньи.
Ах, тогда уже познали,
Что сокрылося во гробе
Счастье Рима с Марк Аврельем.
1795—1796 (?)

9

Час преблаженный,
День вожделенный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимски горы,
Берлоги, норы!

Середина января 1797

10. ЖУРАВЛИ

Басня

Осень листы ощипала с дерев,
Иней седой на траву упал,
Стадо тогда журавлей собралось,
Чтоб прелететь в теплу, дальну страну,
За море жить. Один бедный журавль,
Нем и уныл, пригорюнясь сидел:
Ногу стрелой перешиб ему ловчий.
Радостный крик журавлей он не множит;
Бодрые братья смеялись над ним.
«Я не виновен, что я охромел,
Нашему царству, как вы, помогал.
Вам надо мной хохотать бы не должно,
Ни презирать, видя бедство мое.
Как мне лететь? Отымает возможность,
Мужество, силу претяжка болезнь.
Волны, несчастному, будут мне гробом.
Ах, для чего не пресек моей жизни
Ярый ловец!» — Между тем веет ветер,
Стадо взвилось и скорым полетом
За море вмиг прелететь поспешает.
Бедный больной назади остается;
Часто на листьях, плывущих в водах,
Он отдыхает, горюет и стонет;
Грусть и болезнь в нем всё сердце снедают,
Мешкав он много, летя помаленьку,
Землю узрел, вожделенну душою,
Ясное небо и тихую пристань.
Тут всемогущий болезнь излечил,
Дал жить в блаженстве в награду трудов, —
Многи ж насмешники в воду упали.

О вы, стелящие под тяжкою рукою
Злосчастия и бед!
Исполнены тоскою,
Клянете жизнь и свет;
Любители добра, ужель надежды нет?

Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
Сей краткой жизни путь. На он-пол поспешайте:
Там лучшая страна, там мир вовек живет,
Там юность вечная, блаженство там вас ждет.

Между 1797 и 1800

11. ИДИЛЛИЯ

Краснопевая овсянка,
На смородинном кусточке
Сидя, громко распевала
И не видит пропасть адску,
Поглотить ее разверсту.
Она скачет и порхает, —
Прыг на ветку — и попала
Не в бездонну она пропасть,
Но в силок. А для овсянки
Силок, петля — зла неволя;
Силок дело не велико, —
Но лишение свободы! . .
Всё равно: силок, оковы,
Тьма кромешна, плен иль стража, —
Коль не можешь того делать,
Чего хочешь, то выходит,
Что железные оковы
И силок из конской гривы —
Всё равно, равно и тяжки:
Одно нам, другое птичке.
Но ее свободы хищник
Не наездник был алжирский,
Но Милон, красивый парень,
Душа нежна, любовь в сердце.
«Не тужи, моя овсянка! —
Говорит ей молодой пастырь. —
Не злодею ты досталась,
И хоть будешь ты в неволе,
Но я с участью твоею
С радостью готов меняться!»
Говоря, он птичку вынул

Из силка и, сделав клетку
Из своих он двух ладоней,
Бежит в радости великой
К тому месту, где от зноя
В роще темной и сенистой
Лежа стадо отдыхало.
Тут своей широкой шляпой,
Посадив в траву легонько,
Накрывает краснопеву
Пленницу; бежит поспешно
К кустам гибким он талóвым.
«Не тужи, мила овсянка,
Я из прутиков таловых
Соплету красивый домик
И тебя, моя певица,
Отнесу в подарок Хлое.
За тебя, любезна птичка,
За твои кудрявы песни
Себе мзду у милой Хлои,
Поцелуй просить я буду;
Поцелуй ее сладки!
Хлоя в том мне не откажет,
Она цену тебе знает;
В ней есть ум и сердце нежно.
Только лишь бы мне добраться. . .
То за первым поцелуем
Я у ней другой украду,
Там и третий и четвертый;
А быть может, и захочет
Мне в прибавок дать и пятый.
Ах, когда бы твоя клетка
Уж теперь была готова! . . .»
Так вещая, пук лоз гибких
Наломав, бежит поспешно,
К своему бежит он стаду
Или, лучше, к своей шляпе,
Где сидит в неволе птичка;
Но. . . злой рок, о рок ты лютый. . .
Остра грусть пронзает сердце:
Ветр предательный, ветр бурный
Своротил широко шляпу,

Птичка порх — и улетела,
И все с нею поцелуи.

На песке кто дом построит,
Так пословица вешает,
С ног свалит того ветр скоро.

Между 1797 и 1800

12. ОДА К ДРУГУ МОЕМУ

1

Летит, мой друг, крылатый век,
В бездонну вечность всё валится,
Уж день сей, час и миг протек,
И вспять ничто не возвратится
Никогда.

Краса и молодость увяли,
Покрылись белизной власы, —
Где ныне сладостны часы,
Что дух и тело чаровали
Завсегда?

2

Твой поступь был непретковен,
Гордящаяся глава вздымалась;
В желаньях ты не пречерчен,
Твоим скорбь взором разведалась,
Яко прах.

Согбенный лет днесь тяготою,
Потупил в землю тусклый взор;
Скопленный дряхлостей собор
Едва пренес с своей клюкою
Один шаг.

3

Таков всему на свете рок:
Не вечно на кусту прельщает
Мастистый розовый цветок,
И солнце днем лишь просияет,
Но не в ночь.

Мольбу напрасно мы возводим,
Да прелесть юных добрых лет
Калечна старость не женет:
Нигде от едкой не уходим
Смерти прочь.

4

Разверстой медной хляби зев,
Что смерть вокруг тебя рыгает,
Ту с визгом сунув махом в бег,
Щадя, в тебя не попадает
На сей раз.
Когда на влажистой долине
Верхи седые ветр взмутит,
Как вал, ярясь, в корабль стучит —
Преплыл не поглощен в пучине
Ты в сей час.

5

Не мни, чтоб смерть своей косою
Тебя в полете миновала;
Нет в мире тверди никакой,
Против ее чтоб устояла,
Как придет.
Оставишь дом, друзей, супругу,
Богатства, чести, что стяжал:
Увы! последний час настал,
Тебя который в ночь упругу
Повлечет.

6

Кончины ўзрим все чертог,
Объят кровавыми струями;
Пред веком смерть судил нам бог —
Ее вершится всё устами
В мире сем.
Ты мертв; но дом не опустеет,
Взовет преемник смехи твой;

Веселой попирать ногой,
Не думая, твой прах умеет,
Ни о чем.

7

Почто стенати под пятой
Сует, желаний и заботы?
Поверь, вперячь нам ум весь свой
В безмерны жизни обороты
Нужды нет.
Спокойным оком я взираю
На бурны замыслы царей;
Для пользы кратких, тихих дней,
Крушась всечасно, не собираю
Златых бед.

8

Костисту лапу сокрушим,
Печаль котору в нас вонзила;
Мы жало скуки преломим,
Прошед что в нас с чела до тыла,
Душу ест.
Бедру весельем препояшем,
Исполним радости сосуд,
Да вслед идет любовь нам тут;
Богине бодрственно воспляшем
Нежных мест.

Между 1797 и 1800

13. БОВА

Повесть богатырская стихами

ПЛАН БОГАТЫРСКОЙ ПОВЕСТИ БОВЫ

При тихом плавании Бова поет песню, ответственную своей горькой участи. Вдруг восстает буря; все, струся, молятся богу, всякий своим манером. Бова сидит один пригорюнясь, что раздражило матросов; они его бросают в море. Буря утихает, как будто нужно было для утишения ее, чтоб он был брошен. Бова между тем

СОБРАНИЕ
ОСТАВШИХСЯ СОЧИНЕНИЙ
ПОКОЙНАГО
АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧА,
РАДИЩЕВА.

~~~~~  
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.  
~~~~~

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.
Изданіемъ Издателей.

~~~~~
1807.

выкинут на берег; лежал долго, встал, идет и видит (описание острова похотливости). Игры, смехи, забавы стараются его целую неделю заводить в любовные сети, но он удерживает свое целомудрие, не ради чего, как по своей новости. Чрез неделю вся прелесть острова пропадает, и он превратился в пустыню; он ходит, находит костер зажженный, на котором горит зажженная змеиная кожа; он ее вынимает, но едва он сие сделал, как день померк, гром восстал; и он видит при сверкании молнии, видит ужасных чудовищ и проч. и между ими идущую жену прекрасную, но взору сурового. Несчастный, ты сохранил мою лютую злодейку, и я тебе всегда буду мстить. Ее угрозы: не властна я в твоём теле, но в сердце твоём; я им тебя накажу. — Между тем видит он из-за горизонта восходящую будто зарю; мрак исчезать начинает, с ним и призраки и вид жены строговзрой; свет множится. Он видит летящую колесницу, везомую лебедями; опустилась, нисходит жена вида величественного, приятного; благодарит, что он ее кожу спас и возобновил ее юность. Повествует о духах, как они властвуют над человеком, а сами подвержены, чтоб умножаться, чрез семь дней обращаться в змий, и если их кожу кто унесет, то они становятся человеки, подверженные всем немощам людским и, по долговременной и дряхлой жизни, может быть, и смерти. Люба украли ее кожу и уже сто лет ее держала, но он ее спас; в благодарность она ему обещает блаженство: силой и красотой оларила тебя природа, но берегись моей совместницы и лесь не принимай за любовь истинную. А чтоб то тебе познавать, вот тебе зеркало: когда, в страсти будучи, ты в него взглянешь и оно чисто, то любим нелицемерно, ежели же тускло, то любовь плотская, и соперница моя близка. Когда же что захочешь от меня, то помысли, и в зеркале увидишь, что тебе делать. Сказав, исчезла; остров и всё из глаз пропало, и Бова очутился на том же песчаном берегу, где, мы позабыли сказать, что, утомленный плаванием в буре, он заснул. Дивится сновидению своему, но еще больше дивится, видя близ себя малое зеркальце. Не ведает, сон ли то или мечта. Идет, встречает старца, который ему очень рад. Он его отводит домой, где его все принимают с радостью, дивятся ему, его омывают, наряжают в белое платье и объявляют

ему, что он невольник по законам. Он им рассказал свою повесть, скрыв только свой чин. Плачет: из погибели в неволю.

На другой день его выводят на торжище, где его продают садовнику царскому. Сей отводит его в сад; он живет, работает и поет свою песню. Услышала царица, велела привести его к себе и, увидя его столь юна и широкоплеча, влюбилась. Начала к нему приступать. Идет в баню, куда и его зовут; он не соглашается. Его в комнатные наряжают, он стоит за ее стулом. Тут его увидела царевна, влюбляется, не знает, что чувствует, но они сходятся в саду и, зная, что худо делают, исполняют волю любви. Недолго они тем наслаждались; царица, гуляя в саду, их застаёт; ее ревность, бешенство, отчаяние; велит царевну запереть в терем, а его сослала на конюшню. Тоска его, отчаяние.

Между тем помышляет царь отдать дочь свою замуж, боясь следствий свидания с Бовою; клич кличут, чтобы все цари, царевичи и сильны богатыри съезжались на турнир, и кто всех победит, то будет ему зять. В назначенный день собираются на ратное место многие царевичи и богатыри; приходит царь с царицей и приводят царевну. Унылость ее делала ее привлекательнее и чергы ее опаснее. Сражаются.

Между тем Бова, горюя о своем жребии, имея всегдашнее желание видеть царевну, вспомнил о своем зеркале, которое всегда носил на шее, взглянул в него и видит себя в нем в богатырском уборе на коне; внизу сии слова: ступай на поприще и там увидишь. Пошел в конюшню царскую, седлает одного из коней, подле коего находит сбрую ратную богатырскую: латы, шлем пернатый, меч и копие. Наряжается и, опустив зрельницу, едет за город на место поприща. Уже все рыцари побились, и один остался над всеми победителем, разъезжает гордо; громко возглашает, вызывая на бой. Бова въезжает, пускают его; пускаются, копыя их летят вдребезги, вынимают мечи и, наскاکав, ударяют друг друга; у Бовы меч переломился; соперник его хочет с размаху в зрельницу ударить, но он, уклоняся, спрыгивает с коня и, прискочив, сдергивает всадника с коня и меч его, вырвав, отбрасывает. Схватываются бороться, и Бова, одолев его, повергает на землю, ставит колено на грудь, снимает

шлем и принуждает признать себя побежденным. Тут к нему подступают все и ведут его торжественно; а соперник его скрылся от стыда, яростен и желая мщения; сей был Лукопер, сын Хана Болгарского. Бова венчается царевною; она взолагает на него венец, говорит: будь счастлив, но не со мною. — Ах, прекрасная, ужели Бова недостойн стал тебя, или твоя любовь переменялася? Но, хотя победитель, ведаю, что не могу еще быть твоим супругом. Дай мне слово не быть ничьею. — Клянусь, — вещала царевна. Он снял шлем и подошел к царю и царице; сия, увидя его, возгорелась паче любовью, но, дабы положить преграду женитьбе, причла ему в вину, что, не будучи рыцарь, он смел сражаться, и хотя он победитель, но должен сперва заслужить свою вину. И так Бову велели судить, и судьи мудрые присудили сделать Бову рыцарем и велеть ему ехать искать живой воды, которая, по сказанию верных людей, нянь и мамок, течет из горы за тридевять земель в тридесятом царстве. Его посвятили рыцарем, и он надел черные доспехи в знак своей печали, пустился. Выехав за город. . . — иной спросит: для чего он не послушался? Нельзя: кто знает, сколь строги законы чести, тот знает, что рыцарских правил послушаться было нельзя. Да и ныне, когда свинья тебя толкает рылом, то тяни вон шпагу и колись: так честь повелевает. Но преслушался он в том, что захотел видеть царевну и вынул зеркало, посмотрел, видит себя одетого в старушечье платье цыганкою, и слова: иди к терему. Остановился, видит, у дороги лежит одежда, одевается, идет, поет: кто хочет знать свою судьбу, давай тот денег, и узнаешь; кто чает быть царем, ходи тот к нам, и дам ответ; кто хочет знать, что мило сердцу, будет ли то его иль нет, бери от нас совет, и грусть его пройдет! — Старуху, хоть сердце и свербит, но любопытство! зовут цыганку! он поет и велит царевне плакать. Открывается, живет у нее, спит с нею и позабыл про живую воду. Жил у нее четыре месяца, видит в одну ночь, что он упал с терема и зеркало разбил; он было в утехах про него и позабыл, пробудился, глядит, видит, зеркало тускло, и едва читает сии слова: лживый рыцарь, не сохраняешь клятву, ты недостойн обещанного блаженства. Спеши обет исполнить, а в наказанье, что послушал своей страсти, зеркало у тебя отъемлетя, доколе не исправишья. Едва

он сие прочесть успел, зеркало исчезло, а он себя нашел лежащ на земли в доспехах богатырских у ног своего коня и без зеркала. Дивится, но сел и поехал.

Уже проехал он многие земли и царства, путь продолжая на восток, презирая непогоды, зной, холод, жажду, глад, достиг наконец подошвы Тавра. Утомленный долгим путем, он слез, коня расседлал и пустил, а сам снял шлем и лег на мураве; и видит едущего с горы; показался ему исполин, сидящ на коне исполинном, но, ближе подъехав, увидел, что то был человек сверху, а внизу конь, испужался но, кликнув к себе коня, надел шлем и поехал. Издали кричал ему чудовище. как смеешь, молокосос, сесть при мне на коня; я Полкан, сын Бреда, сила моя известна в свете; покорись или умрешь, даю тебе время на размышление, погляди на меня поближе. — Бова видит вверху человеческое, но зверообразное, мохнатое лицо, нос красно-синий, глаза как угли раскаленные, по пояс был весь мохнат, а ниже пояса конь сильный, у которого недоставало только шеи и головы; на плече держал палицу дубовую или, лучше сказать, дубовое бревно. Бова не утратился и в ответ ему сказал только: разъезжайся, и поскачем. — Ударилсь. У Бовы копьё разлетелось, ниже оцарапало Полкана, но удар столь был силен, что Полкан упал на колена, а он Бову столь ударил сильно, что Бова слетел с лошади; но, вынув меч, пошел опять против чудовища. Сей ему говорит: ты первый, кто мог мне дать такой удар и проч. Твой меч будет безуспешен, ибо я определен умереть от когтей львиных, я их много поражал, но конца своего еще не знаю. Будем друзья, твое мужество мне нравится. Поедем. — Бова ему сказал, куда послан. — Ах! неистовая царица желает твоей смерти, я был в их воле; отец ее за мое озорничество обманом зарыл меня в землю, и кормили меня только хлебом и водою, и меня с тем выпустили, чтобы я тебя убил за то, что про тебя сказали, что обесчестил царевну и бой рыцарский, будучи раб купленный; на погибель твою, — сказал Полкан, — я бы туда поехал и тебе пособил, но тот; в чьей области сия вода, мне брат. — Так сделай же доброе дело, поезжай, освободи мою супругу — Полкан дал слово, и расстались.

Полкан возвратился и сказал царице, что он не нашел Бову, а ночью, украв царевну, увез ее и поехал; хо-

тел убить мать Бовину и царевну там посадить, чтобы ждала Бовы. Уже они достигли до пределов того государства, но стали отдохнуть, царевна уснула, а проснувшись, увидела Полкана мертва и подле него льва издыхающего, у которого разорваны были лапы. Она устрашилась, пошла в город и нанялась в работницы; родила двойни.

Между тем царица, пылая мщением, призвала чародея и сказала, что ей хочется погубить Бову — Погубить его нельзя, судьбы тому противны, но можно его ввергнуть в несчастье, отняв у него сбрую ратную и коня. — Ступай, — сказала царица. Чародей в миг догнал Бову, который оставался близ града Испагани. Пустил коня. Но чародей прежде вошел в город и солгал царю Салтану, что Бова приехал воевать его государство. И так царь выслал против него много рати, но Бова их прогнал и поехал мимо. А чародей оделся в монашеское дервишское платье, сел на распутии. День очень был жарок; Бова, ехав, увидел старца, под деревом пиющего, попросил у него, тот ему подал, и Бова захотел спать. Лег, а чернец снял с него доспехи и, взяв меч и копье, сел на коня его и ускакал, сказав в Испагани, что Бова обезоружен; пришли, взяли его и посадили его в тюрьму. Бова горюет, готовят ему казнь. Ибо тут был царем тот самый Лукопер, которого он победил на поприще. В ту ночь, когда ему было идти на казнь, он, ходя по темнице, ощутил в углу меч, обрадовался; то меч был богатыря, которого царь уморил с голоду, зарыв в темнице. Как пришли его брать, то он стал убивать тех, которые к нему приближались, наконец отбил всех и, вышед, пошел вон из города; никто не смел его тронуть. Лукопер, узнав, сам поскакал за ним, но Бова, отвернувшись от его копья, ударил мечом наотмашь и свалил его. Взял его коня и поехал, а рать Лукоперова за него не вступилась.

Наконец достиг Бова той горы и, сражавшись с видениями и страстями, наконец почерпнул воды, напился ее и в новой силе поехал в обратный путь. Приезжая назад, увидел, что царевна увезена Полканом, а чародей, возвратясь в его доспехах, убил царя с царицей и стал царем. Тогда скоро в цари попадали. Узнав также, что она поехала с Полканом к матери Бовы, он с ратью ходил на то царство, короля убил изменою, а жена его

умерла прежде; но дань наложить на царство не мог, ибо там вельможа один начальником был, а царевны не нашел. Бова туда поехал, нашел охотника, принят был, ибо вельможа был его дядька Цымбалда. Бова услышал, что Полкан был умерщвлен львом, и думал, что и царевна также, то по совету дядьки хотел жениться. Он прежде воевал чародея и, убив его, покорил его царство. Все уже готово было, как он, объезжая свое царство, близ маленького отделенного городка увидел двух мальчиков, из коих один, шед, играл на арфе, а другой пел его любимую песню, что он певал в несчастии; спросил у них, кто они, и, пошед с ними, нашел царевну.

БОВА

O che caso! che sventura! ¹

ВСТУПЛЕНИЕ

Из среды туманов серых
Времен бывших и протекших,
Из среды времен волшебных,
Где предметы все и лица,
Чародейной мглой прикрыты,
Окруженны нам казались
Блеском славы и сияньем;
Где являются все вещи
Исполинны и иройски,
¹⁰ Как то в камере-обскуре, —
Я из сих времен желал бы
Рассказать старинну повесть
И представить бы картину
Мнений, нравов, обычаев
Лет тех рыцарских преславных,
Где кулак тяжеловесный
Степень был ко громкой славе,
А нередко — ко престолу;
Где с венцом всегда лавровым
²⁰ Венец миртовый сплетался,
Где сражались за славу
И любили постоянство.

---

¹ О, какой случай! какое несчастье! (Итал.) — *Ред.*

Хоть грешилки кой-какие
Попадались, но их в стрóку
Невозможно было ставить,
Зане юности проступок,
Неопытности погрешность
Есть удел детей Адамлих,
Есть лишь следствие всегдашне
30 Неизбежное чувств наших.
Но грехов распутства умна,
Грехов хитрого софисма
Там не знали. — Да еще же
Я намерен рассказать вам,
Как то свойственно и нужно,
Чуть не вымолвил я — должно
Для того, кто в гости ездил
Во страны пустынные, дальны,
Во леса дремучи, темны,
40 Во ущелья — ко медведям.
Итак, только расскажу вам
То, что льстить лишь будет слуху,
Что гораздо слаще меда
Для тщеславья и гордыни;
А всё то, что чуть не гладко,
То скорее мы поставим
В кладовую или в погреб
И проклятие положим,
Если дерзкой кто рукою,
50 Сняв покров прельщенья наша,
Обнажит протекше время.
Мы проклятье налагаем,
Хоть из моды оно вышло,
Но мы в силах наших скудны;
А когда б властитель мира
Я Тиверий был иль Клавдий,
Тогда б всякий дерзновенный,
Кто подумать смел, что дважды
Два четыре иль пять пальцев
60 Ему в каждую дал бог руку,
Тот бы пал под гневом нашим.
А как не дал нам бог власти,
Как корове рог бодливой,
То мы к дерзкому воскликнем:

«Отойди, пожалуй, дале,
Поги вон ты, оглашенный»;
Мне здесь нужно суеверье;
Обольщен я, но желаю
Обольщен быть. . . и от скуки
70 Я потешуся с Бовою.
Я вам сказку тех лет древних
Расскажу, котору слышал
От старинного дядьки
Моего, Сумы любезна.

Петр Сума, приди на помощь
И струею речи сладкой
Оживи мою ты повесть.
Без складов она, без рифмы
Вслед пойдет творцу «Тавриды»,
80 Но с ним может ли сравниться!!

О Вольтер, о муж преславный!
Если б можно Бове было
Быть похожу и кое-как
На Жанету, девку храбру,
Что воспел ты, хоть мизинца
Ее стоять, если б можно,
Чтоб сказали: Бова только
Тоша тень ее, — довольно, —
То бы тень была Вольтера,
90 И мой образ изваянный
Возгнезвился б в Пантеоне.
Но боюсь, твоя участь
Будет равная с Жанлисой —
По передням волочиться.

Вы Бову хотя видали,
Но в старинном то кафтане,
Во рассказах няни, мамы,
Иль печатного . . . но дядькин
Бова нового покроя,
100 Зане дядька мой любезный
Человек был просвещенный,
Чесал волосы гребенкой,
В голове он не искался,

Он ходил в полукафтаны,
Борода, усы обриты,
Табак нюхал и в картишки
Играть мастер, — еще в чем же
Недостаток, чтобы в свете
Прослыть славным стихотворцем
110 Ироической поэмы,
Или оды, или драмы? . .
Я пою Бову с Сумою!
Возбрянчи, моя ты арфа, —
Ныне лира уж не в моде, —
Иль вы, гусли звончатые,
Загудите, заиграйте;
Я пою — а вас послушать,
О возлюбленны граждане,
К себе в гости призываю.

120 На Пегаса я воссевши,
Полечу в страны далеки,
В те я области обширны,
Что Понт Черный облегают,
Протеку страны и веси,
Где стояло сильно царство
Славна древле Мифридата,
Где Тигран царил в Арменьи;
Загляну я во Колхиду,
Землю страшну и волшебну,
130 Где Ясон, обняв Медею,
Укротил сурово сердце
Сей волшебницы ужасной.
О любовь, о лесь пресладка,
Можно ль в свете отыскать, где
Тебе сердце непокорно?

Посещу я и Тавриду,
Где столь много всегда было
Превращений, оборотов,
Где кувыркались чредою
140 Скифы, греки, генуэзцы,
Где последний из Гиреев
Проплясал неловкий танец;
Чатырдаг, гора высока,

На тебя, во что ни станет,
Я вскарабкаюсь; с собою
Возьму плащ я для тумана,
А Боброва в услажденье.

Из Тавриды в Таман прямо,
А с Тамана чрез Кавказски
150 Горы съеду я на Волгу,
Во Болгарах спою песню;
Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной,
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы
Был блажен и где оставил
Души нежной половину.
160 Воздохну, что нет уж силы,
О Ермак, душа велика,
Петь дела твои! . . Я с Волги
Перейду на Дон, где древле
(Так, как ныне) коней быстрых
Табуны паслися многи,
Где отечество уда́лых
Молодцов, что мы изда́вна
Называли козаками.

Сошед с Дона, к Ворисфену
170 Мы стопы свои направим.
Там Владимир, страны многи
Покорив своей державе,
В граде Киеве престольном
Княжил в блеске пышна сана
Над обширным царством русским,
Окружен всегда толпою
Славных рыцарей российских;
Он для памяти потомства
Живет в Несторе и в сказках.
180 О блажен, блажен сугубо!

Со Днепра пойдем к Дунаю;
На могиле древней мшистой

Мы несчастного Назона
Слезу жаркую изроним.
От Дуная морем Черным
Поплывем ко Геллеспонту
И покажем ту дорогу,
По которой плывши смело,
Войны росские возмогут,
190 Византии стен достигши,
На них твердо водрузити
Орлом славно русско знамя.
Но то скоро ли свершится?
Будто время уж настало,
Мне то снилось недавно —
Хотя снилось, но не знаю,
Когда будет, — не пророк я,
Но то знаю — оно будет.

Я к Бове теперь отправлюсь.
200 А ты, милый друг читатель,
Если лучшее познать
О странах сих иметь хочешь,
Читай Бишинга — от скуки.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Ветр попутный веет тихо
В белый парус корабельный.
Там на палубе летяща
Корабля, что волны зыбки
Рассекал на влажном поле,
Бова сидя, песнь унылу
210 Пел и в гусли златострунны
Бряцал легкими перстами.
Пел, стенал, бряцал и плакал,
Лил потоки слез горячих.

«Что возможет, ах, сравниться
С лютой горестью моею,
Кто быть может столько бедствен,
Столько бедствен, как Бова?»

Лишь светило дня блестяще
Мои очи озарило,
220 Грусти, горе и печали
Мне достались в удел.

Желчь сосал я вместо пищи
Из сосцов змеиных лютых,
Колыбель мою качали
Скорбь угрюмая и злость.

Сирота унылый, горький!
Мой злодей мне мать родная!
Она жизнь мою хотела
Чуть расцветшую прервать

230 Я один меж всей природы,
Я во всей вселенной странник
И пустынный между тварей,
Всех родившихся в любви.

Ах, уныло мое сердце,
Не знай лютой сея страсти:
Ей горят сердца преступны,
А ты будь всегда ей враг».

Песнь скончал, поставил гусли;
Пригорюнясь, взор ко берегу,
240 Что вдали едва синее,
Обратил и, вздохнувши
Тяжело, вещал он тако:
«Ты прости, страна родная,
Ты прости, прости навеки.
Мать жестока, мать сурова,
О тебе я не жалею».

Слыша речи столь унылы,
Слыша песни столь плачевны,
Подошла к Бове старуха,
250 Что в артели корабельной
Должность важну отправляла
Метрдетеля, иль — стряпухи.
Хоть всю жизнь на синем море
Провела она с лет юных

В шайке лютых и свирепых,
Ко серебру и злату алчных,
Сих варягов и норманов,
Коим прозвище в дни наши
Не разбойники морские,
260 Не наездники, не воры,
Сохрани нас бог, помилуй,
Чтоб их назвали столь мерзко,
Не арабы марокански,
Не алжирцы, не тунисцы,
Но те люди благородны,
Что без страха разъезжают
В те суровые години,
Как яр Позвизд с Чернобогом,
Пеня волны, окропляют
270 Их верхи людскую кровью;
Грабят всех — без наказанья.
Хотя выросла старуха
Среди шума волн и ветров,
При воззрении всегдашнем
На жестокости Арея,
Средь стенаний, вопля, крика
Умиравших злой смертью,
Или злее самой смерти
Во оковах срамных, тяжких
280 Иль железных неволи,
Иль рабства насилья дерзка, ---
Но была старуха наша
Мягка сердцем и душою
И с седым своим затылком
Равнодушно не взидала
Как молоденький детинка
Проливал горячи слезы.
Была ль то одна в ней жалость
Иль в старухе кровь играла,
290 Того повесть, хотя верна,
Не оставила на память
Наша повесть только пишет,
Что, подшед к Бове поближе,
Она руки распростерла
И к иссохшей своей груди
Прижимала Бову крепко.

«Столь ты юн, но столь ты бедствен! —
Возгласила стара ведьма
(Ведьма добра, мягкосерда,
300 Не как киевские ведьмы,
Что к чертям с визитом ездят
На ухвате без уздечки). —
Ты открой свое мне сердце,
Забудь горе на минуту.
Моя власть хоть невелика,
Хоть у всех я здесь служанка,
Но мои старанья нежны
Облегчат твою судьбину».
Говоря сие, отводит
310 Бову в малую каюту,
Где старуха наша нежна
Обед братьям всем готовит.
Тут, согрев и накормивши,
Бову нежно обнимает,
Очи мокры от слез горьких
Оттирает поцелуем.
«Скажи мне, — она вещает, —
Скажи мне свою кручину,
Свою участь мне сурову!»
320 Бова нежно имел сердце,
В первый раз чрез многи годы
Ощущает он отраду,
Сладость ласки, сладость дружбы.
Ах! какое в грусти сердце,
Сердце сирое, одиноко,
Не внушит приязни гласу
И не сдастся на ласканье
Хоть столетняя старухи?
Если витязь Роберт славный
330 Мог, ступив ногой на нежность,
Обнять старую хрычовку
И в объятых ее мразных
Совершить победу жарку,
Восхитив цветок иссохший, —
Роберт был в любви ученый
И задачу брачна ложа
Мог решить он без поверки:

Нос зажал, глаза зажмурил
И, как витязь македонский,
340 Узел Гордьев рассек махом, —
То Бове равно прилично
Обнимать старуху дряхлу:
Бова, знаем, парень новый,
Он не видит преткновенья,
Ласке лаской отвечает
И лобзанию лобзаньем;
Ему ж не было задачи,
Как Робёрту на решенье,
Ложась с ведьмой спать на ложе.
350 Старушонку Бова мило
И столь крепко обнимает,
Что напомнил ей то время,
Как ей было лет лишь двадцать.
Не на ложе возлегают,
Но на печку лезут греться,
Зане холодно уж было.
Тут Бова, собрав все силы,
Тут Бова, вздохнув глубоко,
Вынимает из кармана
360 Платок белый, для запаса,
Чем утрет ее он слезы.
Зане знал Бова заране,
Сколь его плачевна повесть
И что тронет через меру
Сердце добрая старухи.
Еще раз вздохнул, рек тако:

«Я Бова, Бова царевич. . .
Ты дивишься тому, вижу, —
Но верь совести нелживой.
370 Я бы мог в том побожиться,
Но божиться не умею
И божиться не охотник.
Город, в коем я родился,
Есть столица сильна царства,
Где пред сим венчаный властью
Держал скипетр царь премудрый,
Царь Кирбит, сын Версаулов,

Славен мужеством на брани,
Славен разумом в советах,
380 Милосерд, и щедр, и кроток,
И любим своим народом.
Ему дочь была родная
Всех прекраснее из женщин,
Мелетриса ее имя.
Слух о царствии Кирбита,
О его правленьи мудром
И о прелестях царевны
Молва громкая повсюду
До дальнейших мест промчала.

390 Двор Кирбитов был собранье
Всех красавиц в государстве;
Но меж всеми, яко солнце
Среди звезд эфирна свода,
Красотой своей блистала
Мелетриса, дочь царева.
В красоте она совместниц
Не имела, и не можно
Было чувствовать к ней зависть, —
Зане столь была всех краше,
400 Столь добра, мила, приятна,
Что вблизи ее не смела
Зависть яд пускать свой черный
И ее ехидны люты,
Мелетрису зря, немели.

Красота толико дивна
Привлекала всех вниманье,
И чувствительность сердечна
Ей платила долг природы,
Воспылав огнем любовным
410 В груди рыцарей надменных,
В груди рыцарей влюбленных.
Все ей нравиться старались,
Всем хотелось полюбиться
И во юном ее сердце
Воспалить любовный пламень.
Но меж многими другими
Отличались перед всеми

Своим мужеством, красою,
Своим нежным угожденьем,
420 Своей силой и богатством
Два царевича приезжих.
Один горд, спесив, надменен,
Взоры пылки, взоры страстны,
На лице черты Алкида,
Но Алкида в летах юных;
Рост и стан его, и прозрачность,
И осанка величава,
Лицо смугло длинновато,
Черны кудри по раменам,
430 И густой бороды начало,
Длань широка, персты толсты
Всем довольно возвещали
Его мужество и силу.
Он наездник в ратном поле,
Богатырь и вождь, и воин,
Дадон сильный — ему имя.
Но не только в ратном поле
Подвизался он с успехом:
Столь же славен он у женщин;
440 А хотя в любви он страстен,
Но подвластен ей он не был,
И с Алкидом чтоб сравниться,
Лишь ему недоставало
Десяти жен и дев красных,
Пятьдесят дочерей Фиспия,
И одной лишь только ночки,
Чтоб ему отцом быть нежным
Пятьдесят раз вдруг в семействе.
Славному рыцарю толико,
450 Нет, нельзя не полюбиться
Мелетресе, страстной, пылкой;
А тем больше, как лишь вспомнит,
Что объятья, повторенны
В пятьдесят раз нераздельно,
Каждую ночь возобновятся.
Пусть бессонница всегдашня
(Столь ужасная больному)
Ее мучит на постеле
(Но сам-друг) и жизнь преторгнет:

460 Так Рафаэль из Урбина,
В свете славный живописец,
Душу выслал вон из тела.

Другой рыцарь вежлив, скромн;
Сердце, душу имел нежны,
Очи быстры голубые,
Лицо бело и румяно,
По плечам золотые кудри,
Вид, осанка Адонида.
Но он храбр; счастливый рыцарь,
470 На бою проворен, меток,
Всегда разумом вождем,
Зрел опасность твердым оком
И в бою смерть хладнокровно.
Он всегда венцы лавровы
Пожиал на ратном поле,
Но не силою десницы,
Не удачей, не коварством
И не крепостью доспехов
Побеждал Гвидон противных.
480 Правды, истины поборник,
Меч его победоносный
Никогда не обагрался
Кровью слабых иль невинных.
Он защитник утесненных,
Разрешитель уз и плена,
Непорочности спаситель,
И его смиренно сердце,
Душа нежна, душа тиха
Воспалялась гневом львиным,
490 Когда видел он коварство,
Лсжь, строптивость и насилье,
Угнетающих бессильных;
Тогда воин милый, тихий
Бывал враг непримиримый,
Бывал бич неукротимый
Злобе, буйству и прельщенью.

В таких душáх царевна
Любовь сильну воспалила.
И хотя со перва взгляда

500 Мелетриса подарила
Свое сердце всё Дадону,
Объявить того не смела,
И надежда в ней исчезла
Быть его женой когда бы, —
Зане многою услугой
Гвидон юный украшался,
Спасав царство и Кирбита
От насильств вождей хозарских.
Царь Кирбит за то в награду
510 Назначал его в супруги
Своей дщери, Мелетрисе,
В том признании вождаем,
Пользой царства и рассудком.
Заключение неложно,
Что спасителю народа
Управлять его браздами
Других паче всех довлеет.
Гвидон был единородный
Сын на троне старца мудра
520 И ближайша во соседстве.

Во дни красны, безмятежны,
По скончаньи бедств военных,
Царь Кирбит во утешенье
Своей дочери прекрасной
Игры рыцарски затеял
И глашатаям повсюду
Повелел трубою бранной
Созывать на состязанье
Витязей из царствий разных.
530 Он хотел при их собраньи
Дать наследника престолу,
Дать супруга Мелетрисе
Храбра милого Гвидона;
Зане там, как прежде в Францьи,
Скиптр не мог никак достаться
В руки, пряслицей что правят
Или швейною иголкой.

Уж из дальних и из ближних
Стран слетаются стадами,

540 Как вороны на гумнице,
Славны рыцари в доспехах,
Молодые, пожилые,
Средних лет и с сединами.
Иной едет повидаться
Со красавицей своею,
Распестрив свое оружие
Поперек и вдоль, крест-накрест
Тем любимым из всех цветом,
Что понравился пред всеми
550 Обладательнице милой
Его чувств, души и сердца.
Другой едет, чтоб прославить
Силы крепкой своей мышцы
И прибавить хоть листочек
Во венец, уже столь тяжкий
От побед в кровавых битвах
Иль на славных поединках.
А иной, кружась по свету,
Ко Кирбиту в гости едет,
560 Как в гостиницу обедать.
Воружась иной от темя
До пяты, и даже зубы
Воружив булатом, сталью,
Смело, борзо выступает,
Объявляя всем надменно,
Всем, про то кто ведать хочет
Иль не хочет, написавши
На своем щиту огромном
Золотыми всё словами:
570 «Не терплю ни с кем сравненья», —
А там выйдет на поверку,
Что наш рыцарь пресловутый
Позевать приехал только,
И к несчастью случилось,
Что его десница страшна
Онемела, заболела,
Паралич ее ударил,
А то б он единым взглядом
Повалил всех, опрокинул,
580 Разогнал, развеял прахом.
Что же прибыли? Игры все

Стали б вовсе в пень. — Нет, лучше,
Что болезнь, ему случившись,
Всех оставила в порядке.

Были рыцари не хуже
Славна в свете Дон-Кишота.
В рог охотничий, в валторну
Всем трубили громко в уши:
«Дульцинея Тобозийска
590 Всех прекраснее на свете».
А как вóзришься в красотку,
То увидишь под личиной
Всех белил, румян и мушек
Обезьяну или кошку,
Иль московску щеголиху.
За такую прелесть дивну
Он, однако ж, снарядился
На помол отдать все кости.
Но нет нўжды знать причину,
600 Для чего они дерутся,
Мы лишь скажем одним словом,
Что их съехалось отвсюду
Столько — столько — что нет сметы.

Поле ратно, окруженно
Со всех стран, амфитеатром
Возвышалось. Тут дубовы
Скамьи были все покрыты
Рытым бархатом, парчами,
Алтабасом изошвенным.
610 Везде видно серебро, золото
И камня дорогие;
Хитрость зодчества, ваянья
Превышала тут богатство;
И художество в союзе
С драгоценностью земными
Вид изящности давали
Несказанной всему зданью;
Но искусство свои силы
Истощило под престолом,
620 Уготованным царице
С ее дочерью прекрасной.

На столпах кристальных твердых,
На сафир во всем похожих,
Что огнем искусство хитро
Из сожженна в пепел древа,
Из песка иль камня бела,
Зной сугубя, сотворило,
Возвышался свод порфирный,
Испещренный весь цветами,
630 Где, природе подражая,
Рука мастера искусна
Изваяла их из злата.
Перлы светлы и жемчужны
Внизу свода, меж столпами
Вкруг висели ожерельем.
В верху свода образ светлый
Возвышался в виде буйном
Той богини, вслед которой
Праотцы славян издревле
640 Вихрем бурь носились всюду.
«Лучезарная богиня,
Слава, дщерь мечты, призраков!
На престоле мглы блестящей,
Звезд превыше и Олимпа,
Из-за облака золотого
Кажешь ты венцы лавровы.
Но лицо твое кто узрит?
Кто существенность постигнет
Твою? — Легкой ты завесой
650 Паров утренних, прозрачных
Прикрываешь черты шатки,
И тебя сквозь их лишь видит
Пылкий взор воображенья.
Лишь оно тебя рисует
И такими лишь шарами,
Как ему угодно только».

Посреди широка поля
Жертвенник из твердой стали
Блещет зёркальным сияньем;
660 Фимиам тут не курится,
Брус стланцова черна камня
Тут лежит на изощренья

Копия, меча, булата,
Чем обильны всегда жертвы
Славе в честь приносит воин.
Ибо нет *попов* с причетом,
Ни *жрецов* у ней священных.
Кто грудь смелую имеет,
Твердый дух в бедах на брани,
670 Кто храбр, мужествен, отважен,
Тот есть жрец сея богини.

День настал уже тот грозный,
Равно скучный и веселый,
Где богиня лучезарна
Уделит своего блеска
Гордым всем своим любимцам
Иль покроет грязью срама
Всех тех, коим она кажет
Свой затылок безволосый.
680 Зане так же, как Фортуна,
Сестра Славы, легконога;
У ней волосы тупеем
Растут спереди косою,
А затылок весь плешивый.
Они моде сей учились
(Мы здесь скажем мимоходом
Для того, кто не читает
Путешествиев всемирных)
У мунгалов иль китайцев,
690 Иль в Тибете, иль Бутане,
В той стране благословенной,
Где живет тот царь священный,
На востоке столько чтимый;
Его бабка повивальна
Рассказала, и все верят,
Что он выше всех на свете,
Никогда не умирает;
Его смерть не есть кончина,
Его смерть есть прерожденье;
700 Что в мгновенье то ужасно,
Как дух жизни непостижный
Обветшалое жилище,
Мертвый труп наш, оставляет,

Божество сие двуножно
Преселяется в младенца
Или в юноша любезна,
Чтоб счастливым правоверным
Опять в знак щедрот небесных
Рассылать (но на закуску
710 Для десерта в день торжествен)
Своих сладких яств останки,
Что в священных его недрах
Благодатная природа
В млеко жизни претворила.
Вещество сие изящно,
В чем алхимик остроумный
Парацельс иль Авицена,
Или Бехер, иль Альберты
Злата чистого искали;
720 В чем счастливый Брант и Кункель,
Светоносный луч открывши,
Пред очами изумленных
Возжигали (без огнива)
Огонь в трубках и курили
Траву пьяну некоцьянску,
Табакком что называют.
Но где меньше их счастливы
Все отеческо наследство,
Накопленно и стяжанно
730 Кровью, потом и трудами,
Иль грабительством, мздоимством,
Иль другим путем превратным,
Пережгли, передвоили.
О, сколь счастлив был бы смертный,
Если б все богатства в свете,
Злостяжанные неправдой,
Обращались чудесно
В вещество сие изящно,
Далаи-Лама которо
740 Всем в подарок правоверным
Для десерту рассылает;
Если б в нем фосфор блестящий
Раз сверкнул и превратился б
В пары светлы, исчезая, —
И, исчезнув, бы оставил

Лишь уханье амвросийно,
Столь известное в природе, —
Дабы знали, сколь есть смрадно
Злостяжанное богатство,
750 Хотя блещет лучезарно.

Еще в Зничеву коляску
Перстоалая Зимцерла
Коней светлых не впрягала,
И клячки огнебурны
На конюшне Аполлона
Овес кушали эфирный,
Как прекрасна Мелетриса,
Не смыкая своих веждей,
Ложе скучно, ложе девства,
760 Ложе томно одиночества,
Свое ложе оставляет
Прежде, нежели петел громкий
Запинательным напевом
Не воспел нам час полночный.
«О! несчастная всех больше! —
Мелетриса так вещает, —
Почто в свете я родилась?
Почто зреть мне светло солнце,
Если жизнь влачить плачевну
770 Осужденна я не с милым?
Или щедрая природа
Моему лицу румяну
Дала прелести опасны
Для того, чтоб в горькой доле
Я потоком слез горячих
Их цветы весенни ярки
На рассвете сорывала!»
Так завыв, царевна наша
Распускает длинны космы
780 По раменам обнаженным.
Она, вставши со постели
В одной тоненькой рубашке,
Ни юбочки, ни мантильи,
Ни капота, ниже шали
На себя не надевала
И, по горницам без свечки,

В темноте густая ночь,
Всюду ходя, выла волком.
«Нет, не думай, чтоб досталась
790 Я в объятия Гвидону!
Пусть скорее ненавистна
Горька жизнь моя прервется,
А тебе, мучитель брачный,
Лишь достанется в укору
Мое тело бездыханно! . . .»
Без ума почти, в потемках
Она ходит, везде ищет
Вожделенного орудья
Безнадежному в злом горе
800 На скончанье скорой смертью
Жизни, ставшей ненавистной.
Со мгновенья на мгновенье
В ней отчаяние, томно
Сперва, стало уж лютее:
Не нашла себе в отраду
Ни ножа, ниже иголки,
Ни копья булатна крепка,
Ни меча, ни сабли острой,
Ниже шпаги — хотя б бёрдыш
810 Или ножик перочинный,
Или вертел ей попался. . .
Но злой рок был столь завистлив,
Что все вещи смертоносны
От нее как в воду спрятал.
Ей так подлинно казалось.
Но мы в том не обвиняем
Ни судьбы, ни чародейства,
Чтоб царевне в злу насмешку.
Чтоб от горькой Мелетрисы
820 Они сталь, булат, железо,
Всё попрятали в колодезь.
Одно было тут волшебство,
То всегдашнее волшебство,
Что в подлунной совершает
Земли суточно теченье;
То волшебство несказанно,
Где, с подмогой вображенья,
Видим мы весь ад разверстый,

Домового, черта, ведьму,
830 Или рай, или — что хочешь;
То волшебство, одним словом,
Было тут простерто всюду,
Была — ночь, и было тёмно,
Глаза выколи хоть оба.

Говорят, сопротивленьем
Всяка страсть в нас коренеет,
Всяка страсть ярится с силой.
Как вихрь бурный дует в пламя,
Иль мехов насосных сотня
840 В горн (сложенные все вместе)
Верзят воздух, в них стесненный,
Клубооумутной струею;
Вдруг зажженный уголь рдеет,
Зной палит в нем черно сердце,
Угль горит, со треском искры,
Как пращом, в окрестность мечет,
Дым клубится, вихрем вьется,
Жар и зной уж всё объемлют,
И одно, одно мгновенье
850 В горне видишь огонь геенны. . .
Так царевна, не нашедши
Ни меча, ни остра шила,
Злу отчаянью вдается.
Лбом стучит во всяку стену,
Бросясь на пол, бьет затылком.
Но предательны помосты,
Покровенные коврами
Шелку мягка шамаханска,
Ее гневу лишь смеются.
860 На них вместо смерти лютой
Она волосы ерошит.
Но, опомнясь, воспряну́ла,
Как младая легконога
Серна скачет с холму на холм;
Воспрянула, луч надежды
Протекает ее сердце.
«Нет, сложась стихии вместе
Не возмогут потряхнуть душу,
На погибель устремленну.

870 Тот умрет, кто жить не хочет», —
Так воскликнула царевна.
Она бросилась поспешно
К тому месту, где спит мама,
Ее мама дорогая;
Карга — имя ей в истории;
Над постелей Карги мамы
Был вколочен гвоздь претолстый,
Большой гвоздь и деревянный,
Он длиной в аршин иль больше,
880 На который Карга мама
По ночам трех соболий
Свой обыкла всегда вешать.
На гвозде сем умышляет
Скончать жизнь свою царевна. . .»

«Как! — вскричала тут старуха,
Прервав речь Бовы поспешно. —
Скончать жизнь таким же средством,
Каким девы Вавилонски
Жизнь давать учились древле!!
890 Или в честь священна Фала
У вас жертва не курится?
Или образ его дивный
Вы не носите на выях?
О, народ, народ продерзкий!
Презреть Фала, Фала сильна,
Что жизнь красну дает в мире!
Кем живет всё, веселится,
Без чего бы и вселенна,
Забыв стройное течение,
900 Стала б дном вверх, кувырнулась.
Зане Фал есть ось та дивна,
На которой мир вертится.
Фал — утеха Афродиты,
Фал — то яблоко золотое,
За которо три богини
Пощипались на Олимпе,
Вцепясь бодро в божьи кудри».

Бова слушал в изумленье
Свою дряхлую подругу.

910 Видит, жаром необычным
Засверкали ее очи,
Вздохи вздохами теснятся,
Воздымают грудь иссохшу.
Потягота во всех членах,
Жар гортанью ее пышет,
Во рту скрип зубных остатков.
Но вдруг взоры ее меркнут,
Млеют члены и слабеют,
Стары ноги протянула,
920 Сомкнув вежди, испустила
Тяжкий вздох и покатилась,
Чуть-чуть с печки не упала.
Бова старую подругу
Подхватил в объятия нежны.
Он уж думал, черна немочь
Ее дряхлу жизнь скончала
И последняя отрады
Навсегда его лишила;
Но с веселием он видит,
930 Что в старухе сердце бьется,
Что в ней кровь не охладела.
Очи томны отверзает
И, вздохнув она легонько:
«Ах! любезный мой, — вещает, —
(Зри, сколь Фала почитаю)
Зри его священный образ,
Что скудельничьей рукою
Изваян из глины хитро:
Се утеха моей жизни,
940 Се надежда мне по смерти.
Голод, жажду утоляет,
Нéктар он и амвросія! . . .»
Бова видит — ужаснулся:
Образ Фала у старухи;
Он дивится. . . Кто не знает,
Не читал кто во истории
Древней повести народов,
Тому слог наш непонятен.
А Бова, хотя и видит,
950 Но что видит, он не знает.

Так во глазе сетка чувствий,
Ослабев иль уязвленна,
Жизнь, чувствительность теряет.
И то чудно, велелепно,
То божественное чувство,
Чувство зренья изящно,
Чем все вещи для нас в свете
Оживляются шарами
Преломленных лучей солнца,
960 Вдруг померкнет, тмится, гаснет,
И предметы ярка света
Погружаются в тьму мрака.
День прошел и сочетался
С ночью, или ночь настала
Во очах, ночь непрестанна.
Словом, слеп кто, тот не видит.
Так, истории не знаяши,
Не узнал Бова наш Фала
И был слеп в своих познаньях.
970 А старуха, то приметя:
«Продолжай, — она вещает, —
Свою повесть ты плачевну».
Бова, вынув платок белый,
Оттирает чело старо
Своей нежныя подруги,
У которой пот горохом
В иступленьи показался.
Пот проймет и не старуху,
Когда корча нервы тянет,
980 Когда мышцы все трепещут,
Грудь вздымается от вздохов
И упруго сердце бьется
Так, как древняя пифия
На треножнике священном
Дрожит, рдеет, стонет, воет. . .
Ах! всегда в сие мгновенье,
Когда жизнь в избытке льется,
Бог нас некий оживляет!

Конец первой песни

1799—1802 (?)

14. САФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листьями
Тополы белы.

Ты клялася верною быть вовеки,
Мне богиню ночи дала порукой;
Север хладный дунул один раз крепче, —
Клятва исчезла.

Ах! почто быть клятвопреступной! . . . Лучше
Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
Ввергла в погибель.

Жизнь прерви, о рок! рок суровый, лютый,
Иль вдохни ей верной быть в клятве данной,
Будь блаженна, если ты можешь только
Быть без любви.

(1801)

15. ПЕСНИ, ПЕТЫЕ НА СОСТЯЗАНИЯХ В ЧЕСТЬ ДРЕВНИМ СЛАВЯНСКИМ БОЖЕСТВАМ

Тогда пускает 10 соколов на
стадо лебедей, которой доте-
чаше, та преди песнь пояше. . .

Песнь на поход Игоря на половцев. Стр. 3.

ПЕСНИ ДРЕВНИЕ

Певец лет древних славных, певец времени Владими-
ра, коего в громе парящая слава быстро пронеслась до
Геллеспонта, Боян, певец сладчайший, коего глас, со-
ловьиному подобный, столь нежно щекотал слухи твоих
современников, возложи, Боян, благозвонкие твои пер-
сты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли
ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в бе-
седе Омира и Оссиана торжество поешь ироев древних

или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздается во всех краях, населяемых потомками колен славянских.

Велик был день у славянского народа, день, посвященный первейшим их божествам, сильному Перуну, благодетельным Святовиду и Велесу, буйным Стрию и Позвизду, Нию и Чернобогу грозным, благой Ладе, Лелю и Полелю и всещедрому Даждьбогу. От всех колен славянских, от Ильменя и Новаграда, с холмистых берегов Клязьмы, от Галича и Дуная, с Поморья и Моравы, с вершин Альпийских и с моря Адриатического собирались для общего торжества к великому Киеву старейшины, князи, бояре и гости, и тьмы народа бесчисленного. Велики они с собою сладкогласных песнопевцев, да в оный день великий прославят в песнях своих богов и витязей, и слава языка славянского да промчится во все концы известного тогда мира.

Утром рано в день торжества, едва первая стрела лучезарная излетела от молниенного убруса жаркого Зница, как сильные гласы труб, цевниц, бубнов и тимпанов возбуждали всех стекшихся на злачные долины, пестроцветною муравою покрытые, где Днепр, пробив пороги с шумом и пеною, тихою в Лиман течет струею. Князи, песнопевцы, витязи и все начальники вступают во златые стремена, шествуют стройно на конях своих бодрых; идут стязи пред ними, хоругви возвеваются по воздуху; священники в одеждах белых льняных, багряными поясами одержимых, ведут жертвы, украшенные цветами юных дней нежнодышащего мая. За ними вслед резвою толпою идут лики юношей и дев, сонм жен в соборе радостном и народ создади, в одеждах мирных, шествуют медленно.

. И се лиется уже кровь тельцов, юниц и агнцев. Лики общую возгласили песнь. Ветр препнул свое дыхание, дым курения ароматного и всеожжения восходил серым столбом за облаки. Десять избранных песнопевцев от различных племен славянских стали строем на берегу древнего Ворисфена; каждый из них несет на правой руке своей сокола быстроокого, в левой держит звонкие гусли. Издалеча возникли шумные гласы труб, цевниц и тимпанов, возбудили вздремавших по утренней пище лебедей на струях Днепровских. Зане обычай был таков,

что сокол, поражающий лебедя, назначал чреду в песнопении, и чей был первый, тот первую воспевал песнь, и все другие по чреде своих соколов.

Возлетают лебеди, высоко вьются под легкими утренними облаками. И се, яко стрелы от звенящих тетивы, твердым луком напряженные, летят стремительно десять соколов, пущенных с рук десяти песнопевцев, пришедших на состязание издалека, — состязание, достойное игр Олимпийских в счастливые времена Эллады. — Летят соколы — и чей первый настиг лебедя? Се твой сокол, о Всеглас, житель юный берегов Ильменя, он ударил лебедя в белую грудь; возлетают пух и перья по воздуху; кровь капала дождем из-за облака; священники тщатся воспринять ее в чаши золотые, зане тайнственно вещают. Лебедь упал мертвым к стопам коней княжих, а сокол победитель летит на десницу Всегласа. Глас труб и цевниц возвестил чреду первую.

Сокол второй. Он твой, о Крутосвист, житель ближайших гор Тмутараканя; поразил лебедя полумертвым, и сам, возвившись под облако высоко, упал вниз стремглав и воссел на десницу вождя своего торжествующ.

Сокол третий слетел с руки Хохта от устья Дуная; ударил лебедя, но тщетно, и в третий раз мог только его повергнуть на землю бездыханна.

Сокол четвертый рожден на вершинах гор, близких моря Адриатического, Черными горами именуемых. Принес его Звен, потомок славных сопутников Пирра, мечтавшего завоевать вселенную.

Пятый сокол — Тиховая, коего предки, оставив Кипр, преселились сперва в Гесперию, потом прешли жить в Поморие и принесли с собою обряды служения благотворных Лад. Он, лебедя тихо поражая, но часто, пригнал его утомленна и жива к стопам своего господина.

Пять последние соколов, хотя не столь знаменитые победители, но не отпустили своя добычи, и утомленны пали с нею на землю.

И се воссели десять песнопевцев по чреде побед своих соколов на уготованных для них зеленых одрах; за ними стали лики юнош и дев разделенно. Священники воскурили фимиам. . .

Настроив звонкие свои гусли, тако воспел

В с е г л а с

Перун, о бог всеильный,
Зиждитель мира, царь
Всего того, что видим!
Не слово ли твое всеильно,
Что слышно нам во звуках грома,
Что гор сердца кремнисты,
Творению событных, современных,
Упругой зыбию колеблет,
10 Не слово ли твое
Воззвало в бытие
Всё то, что око наше зрит,
Или всё то, что мыслию постигнуть можем?
Се ты, о боже сил!
Се шествуешь, хламидой звездною одаян,
Носимой духом бурь и ветров.
Восток, Юг, Север и Стрий буйный сам
Твои суть слуги,
Земля подножие твое,
20 А дальный эфир, дальный,
Превыспренный твой одр.
· Венчан стихийным светом,
Рождающей одаян теплотою
И творчей силой препоясан,
Воссел, о ты, непостижимый!
В пространстве, в пустоте,
Среди смешения, среди хаоса,
Средь ночи древняя и всюду мрак.
Воссел, да зиждешь и творишь,
И образы да дар твой будут.
30 Се там, престолу твоему,
Где молния не знала крыл своих,
Крыл огненных, в полете быстрых,
Где гром еще молчал, немея,
Где свет, где сушь, где влага,
Вскормленны вечности сосцами,
Росты бездейственны хранили
И где движенье, жизнь в тебе едином,
О бог! лелеясь, были, —
Се там предстали и явились

40   Престолу твоему
                  Твои все слуги, твои силы:
                  Знич светлый, жаркий, жизнедатель,
Велес, отец сей будущих животных,
                  И Позвизд и Купало,
Скрывавшие в своих огромных недрах
                  Всемирный океан,
                  И реки, и озера;
И Ний, отец земли, и крушц, и камней,
                  И мать рожденья Лада,
60   Всесочетающей любви бог.
                  Воссел, и тихое
                  Благоговейное молчанье
                  (Торжественный предтеча
                  Зиждительного слова)
                  Повсюду было,
                  Ко бытию готова вся...
                  Се творчее изыде слово...
                  Уже начало восприяли
                  Движенье, жизнь и бытие...
60   И ты, не ведомый,
                  Не мыслимый никем,
                  О бог, отец, зиждитель,
                  Стал чувствуем, стал ощущаем.
                  И чадо юное твое,
                  Руки твоей творенье,
                  Подъяло край завесы древней,
Завесы вечности — и ты стал бог:
                  Зане, что ты, когда тебя
                  Никто не мог постигнуть,
70   Иль чувствовать, иль видеть?
                  Се Знич и Лада с сыном,
                  Велениям твоим послушны,
                  Живят и греют, сочетают...
                  Всё движется, приявши жизнь.

Чудесности исполнилась вселенна!

                  Но все творенья суть
                  Лишь слова твоёго... .

                  Нет, мысли лишь одной,

                  Твоей лишь мысли необъятной.

80   Зри: там, в пространстве неба и эфира,

Тела вращаются велики, светлы,
В согласьи стройном, дивном,
В гармонии чудесной.
Что там? Или кто там живет?
То ты один лишь знаешь
Или твои лишь слуги сильны.
Здесь, виждь, велел ты Нию сушу вздвигнуть,
На ней горам взнести
Свои верхи крутые, льдяны,
90 Иль пропасть, разинув хляби,
Вместать в широки недра земны
Или блестящие крушцы,
Или сверкающи кристаллы.
Уж Позвизд махом своего трезубца
Возбрызнул океан на сушу,
И влага, напоив всю землю
Потопа общего разлитьем,
Раздвинуто лицо свое превыше гор
100 В моря, в озера, в реки собрала.
Познал свои пределы понт,
И реки буйно восшумели
Через каменны скалы,
Через бугры кремнисты,
Крутясь, стремясь иль извиваясь
Меж нив, полей, лугов;
Текут они прозрачны, тихи
Во чрево обще вод,
В понт синий, в понт глубокий.

Уж Знич со Ладою в союзе
110 Взлегли на одр супружний, одр туманный,
И тепла мгла в парах прозрачных
Взлетела и взвилась высоко.
Се, зри, туманы серы там,
Собравшись, сгустившись выше,
Вступили облака горами,
И Стрий налег на их рамена;
Юг, Север вниз и вверх бунтуют,
Оставши буйны чада
Истлевшего хаоса,
120 И перва буря роет волны.
Летит дождь теплый вниз на нивы,

Где вслед всезидущим твоим веленьям
Велес на свет извел вола
И всех зверей дубравных,
Где Дажьд благой и щедрый
Родил древа и злаки.

Но ты, отец, с улыбкою рожденья
Возвел свои зеницы светлы
На юный мир, на юну землю;
130 Ты, видя счастье, блаженство,
Повсюду в блеске расширенно,
Добро ты видя всюду,
Еще помыслил ты.

Се паки сильно твое слово,
Беременно еще твореньем,
Явилось в мир,
Явилось облеченно в персти.
Се образ твой, о сильный!
Се образ дивный, возникенный;
140 Се дух твой, или слово,
Живущее в жене и в муже. . .

О человек, творение чудесно!
Творенье бренное, о царь земли!
Ты слаб, ты червь, ты мал,
Пылинка ты в сравнении всего,
Но силен, но велик умом,
Ты мыслию божествен,
Зиждитель и творец!

Велик, велик ты, о Перун!
150 Когда разверзишь длань свою широку,
Из коей льются изобильно
Благодеяния щедроты,
И мир, и тишина, и счастье;
Когда ущедрит нас
Посланник благ твоих великих,
Посланник твой Дажьдбог.
Велик ты также и ужасен,
В ночи несясь туч синих, черных,
Когда преступны человеки,
160 Твой образ исказив пороком гнусным,
Сзывают гром твой с небеси! —

Твой гром губительный, карающ
И стрелы молнии твоей крылатой.
Тогда твоя десница сильна, рдяна,
Вращая огонь, удар вознеси вверх,
Превыше всех верхов холмистого Олимпа,
Низвержет молнию и гром,
И звук и треск, и смерть и ужас. . .
Бегут животные, трепещут
170 Пред взором твоего лица паляща
И кроются в вертепах темных;
Сердца сотряси всех строптивых,
Не смерть ты шлешь, но знак благословенья:
Ты паки стрéлу сизу молнии светлой
Верг махом в дол,
И гром твой глухоутлозвонный
Ударил с треском в верх сосны ветвистой
И раздробил ее в обломки малы.

Но ты тут не ужасен, о Перун!
180 Тебе сосна была та посвященна;
Под ней покоился любимец твой Седглав,
Седглав, твой жрец верховный, прорицатель,
Принесший жертвы, о Перун! тебе обильны:
И сто тельцов и сто волов, овнов толико ж;
Любезна первенца лобзает,
И юношу сего любезна,
И сына сердца и души,
Он в дальный путь готовит, устрояет,
И пред лицом твоим
190 Он отчее ему дал наставленье:

«Ты юн еще, о сын мой милый!
О Велеслав, ты юн;
Но был уже свидетелем злосчастий
И бедствий пагубных войны. . .

Уже прошло тому и год и больше,
Как многолюдные колена кельтски,
Сложив свои все силы
Во ополчение едино,
От мыса, в дальном море вон торчаща,
200 Иль от конца земли,

Чрез Северный Улин, и Тул, и Морвен,
     И острова Гебриджи,
 И все берега обширной Скандинавьи
     До самых тех берегов
     И низких и болотных,
     Где тихая Нева
     Свои глубоки волны
     Из Ладоги влечет

210 И томною своей струей, почти прямою,
     Весь сонм своих валов бесшумных
 Исхлынула в Варяжско море; там,
     Где мглой всегда Котлин покрытый
 Косой иссунулся далеко в море.
     Сердца, глубоко уязвлены,
     Что племена славянски сильны,
 Ступая во следы широки, звучны
     Своих усопших предков,
     Оставивших свои
     Пылающие веси

220 На берегах бушуйной Адрьи,
     Эпир, Иллирик и Панонью
     Губителям вселенной в Риме,
     Простерли меч победоносный
 За многоводную струю Дуная,
     За Днестр, за Буг, за Вислу,
     За славный Ворисфен

И даже до берегов камышиста Ильменя,
     Откуда Волхов извлекает
     Обильное соборище вод желтых

230 И чрез пороги между скал гранитных
     Мчит их в сожитие
     Вод Ладоги пространной;
     Восстали,
     Покрыли
     Варяжски
     Пучины
     Несметной тьмой ладей,
     Прошли они
     И Рюген,
     И Даго,
     И Езель,
     Прошли они Котлин

240

И устье тройственно Невы.
Тут, сняв с судов высоки щеглы,
    Подобны лесу темну,
Без листвия, опустошенну
    И молнией и бурей,
Веслами воды рассекая,
Шли в верх Невы, шли Ладогой,
Вошли во устье Волхова
И плыли до его порогов.
    Оставив тут суда,
    Пошли во строе ратном,
Простерли ужас и беды,
Смерть, пламя и оковы мыча
    По нивам, по холмам.
Восплакали славянски девы,
    Рабыни став врага;
    Взрыдали жены, дети,
260 Лишась супругов и отцов.

Уже кельтско ополченье
До того достигло места,
Где твой славный дед, отец мой,
Где великий Ратомир
Новагорода начатки
Близ Ильмёня положил.
Уж дымятся, пламенея,
Верхи новы и высоки,
Кровь ручьями льется всюду.
270 Мала стража городская
Скоро смерть мечом вкусила,
И сто юных, храбрых войнов,
Врата града защищавших,
Копием сражаясь, пали,
Жертва силы превосходной,
Предпочтив поносу плену
Смерть. Вломившись в наши стены,
Простер враг насильство всюду.
Ты тому свидетель сам был,
280 О мой юный друг, друг милый!
Как их меч, носясь по стогнам,
Не щадил славенской крови,
Как младенцы, жены, старцы

Погибали беззащитны.
Вихрем буйным рыщут всюду,
Огонь, и гибель, и крушенье
Везде сеют, простирают,
И смерть бледна воспарила
290 Над главами всех, готова
К извержению кончины
Общей всем, что живо было.
Ах! почто, почто, несчастный,
Не погиб, плачевна жертва
Я их лютоści и зверства.

В среде зеленой кущи,
Рукой моею насажденной,
Сидела мать твоя и та,
Которую рука моя вскормила,
300 Душа моя дала которой душу
И сердце мое — сердце;
Которую Перун, и я, и мать твоя,
И сам ты, друг мой юный, нарицал
Возлюбленной уже подругой,
Твоей подругою навек.
Тогда под сень смиренну нашу
Бегут, как алчны львы, рыкая,
С мечом, с огнем в руках
Враги победоносны.
«Кто ты? — Кто ты?» —
310 Вещает им Ингвар суровый.
Он вождь полков был кельтских;
Высок, дебел и смугл, а очи малы
Как уголь сверкали раскаленный
Из-под бровей навислых и широких;
Власы его кудрявы, желты, густы,
Покрытые огромнейшим шеломом,
Всклокоченно лежали длинны
Врознь по его атлантовым раменам.
Рука его была как ветвь претолста
320 И суковата ветвь огромна дуба;
Увесиста, широка длань.
Был глас его подобен
Рычанию вола свирепа,
Когда, смертельно уязвленный,

Несется он по дебрям, по долинам:
«Кто вы?» — вещает паки к изумленным
Он диким и суровым гласом.
«Первосвященника Перунова супруга
У ног твоих». — «Восстань, иди со мной».
350 А мы? . . . А я с тобой, — вещал
Седглав, тут проливая
Обильные потоки слез, —
Отсутственны мы были и ходили
В соседственный Холмград.
Там мы с тобою
На сделанном берегу высоком,
Где столп Перунов возвышался,
Курили фимиам.

И се вопль наш слух пронзает;
340 Мы по стогнам зрим Холмграда:
Бегут, мычутся в боязни
Жены, девы и младенцы,
Кои, жизнь спасая бегством,
Утекли из Новаграда.
«Мы погибли, — восклицают, —
Погиб Новый град и в пепел
Превращен, не существует».
Уж воинственные трубы
Вострубили, уж стекались
350 Все полки славянски; строим
Все идут ко Новуграду.
Сердце наше предвещало
Бедство нам и скорбь и слезы;
Мы, полки все предваряя,
На коней воссели легких,
Скачем быстро и несемся.
Но, о зрелище ужасно!
Рабынь наших мы сретаем, —
И несут уж хладно тело
360 Твоей матери Препеты;
«Поспешай, — тебе вещала
Мать твоя чуть слышным гласом, —
Поспешай, коли возможно.
Чаромила унесенна
Вождем кельтским в ладью. . .»

Хлад и смерть вдруг распростерлись,
Очи меркнут — прервалося
Ее томное дыханье,
И — душа вон излетела. . .»

370 Старец умолк — и, очи поникши, стоял неподвижен,
Будто на казнь осужденный. Протекшие скорби
Живы уму его, силою воображенья. Хладеет предстали
Кровь в его жилах; колена трепещут; дыханье стесненно
Грудь воздымало его. — Восседает. — Юноша, к старцу
Очи, исполнены слез, обративши, тако вещает:

«Мы шли с воинством поспешно. . .
Я, с друзьями тут моими
Отделясь от всех далеко,
Вниз по Волхову неслися.
380 Но, увы! уж поздно было.
Погрузив корысти многи,
Сребро, золото и каменья,
Рухлядь мягкую богату —
Хладна Севера избытки,
Жен и дев восхитив многих,
Враги наши плыли скоро,
Плыли вниз, едва лишь видны.
Не вдаваясь напрасну
Мы отчаянью, обратно
390 Мы помчались к Новуграду.
Тут, встречаясь с ополченьем
Сих врагов неистозлобных,
Мы карали их измену,
Гнали, били и мертвили,
И во Новгород вступили
По телам сих лютых воев.
Но возможно ли вспомнить
Те минуты равнодушно,
Те минуты преужасны,
400 Как мы в Новгород вступили?»

По стогнам летала
Смерть люта и бледна,

Широко простерши
Чугунные крылья.
Уж воинство кельтско,
Досель разлиянно
В домах и по стогнам
Велика Новграда,
Стекалось в едино,
410 Внушая веленью
Вождей своих лютых.

Мы, ударив
На них строем,
Опровергли
Их, попрали
И достигли
Скоро, скоро
Того места,
Где на вече
420 Собирался
Народ мирный.
Тут Ингвар, сей
Вождь суровый
И вождь лютый,
Связав руки
Вервью тяжкой
Ста дев, вел их
В плен, в неволю.

Увидев ужасно
430 Сие посрамленье,
Как львы возревели
Мы ярости гневом
И буйны стремились
На воинство кельтско,
Старались отнять весь
Их плен и добычу.

Сталь сверкнула,
Смерть взлетела.
Мы разили
410 Врагов сильно;

И удары
От них страшны
Мы терпели,
Но вломились
Все мы строим
В полки кельтски.
Наконец их
Опрокинув,
Смерть им в сердце
450 Наносили
И, стараясь
Дать свободу
Девам пленным,
Тьмы врагов мы
Истребили
И их души
Вероломны,
В крови черной
Источенны,
460 Отослали
В царство Ния.

Но, ах, пагубна победа!
Враги наши, стерженны
Поражением толиким,
В грудь пронзали всех дев пленных.
А хотя мы извлекали
В грудь вонзенну харолугу,
Но душа, душа томленна
Излетала вслед за сталью
470 И лилася в крови дымной.

Ингвар, зря тут
Неудачу,
Отступает,
В строй поставя
Все останки
Своих воев;
Отступает
Во порядке,
В строю дивном
480 К струям желтым,

Он в ладьи тут
Восседает;
Он увез трех
Дев с собою,
Дев прекрасней
Всех во граде, —
И, ах, с ними
Чаромилу!»

490 «О, друг мой юный! — глас возвыся,
Седглав тут рек. —
Настал уж день и час отмщенья;
Зри, многие полки славянски
Уже стекаются отвсюду;
Услыши радостны их клики:
Се смерть, — гласят, — се пагуба врагам!
Бесчисленны ладьи готовы
Нести сих славных ратоборцев
Поверх валов Варяжска моря.
500 Народ славянский, помня все заслуги
Отцов твоих, отцов моих
И ведая, сколь мне
Перун всесильный благодворен,
Сколь мил ему первейший его жрец,
Тебя единым гласом все колена
Вождем своим уж нарекли.
Гряди, гряди на брань
И смело подвизайся,
Карай, рази врага, им отомщая
Все раны, кои он нанес
510 Тебе и мне и нашему языку;
Неси ты бурный огонь в селенья кельтски;
Лей кровь. . . ах! для чего
Бессильные мои рамена
Подъять не могут брони тяжкой,
Я был бы вождь полков славянских
И, мщеньем ярости
Непримиримая пылая,
Вращал бы меч мой обоюдный
В груди и недрах сопостатов,
520 Отмщая смерть моей супруги;
Из трупов бы врагов, погранных долу,

Престол воздвигнувши высокий,
Тебе, Перун, тебе я сердце,
Из груди вражьей извлеченно,
Тебе бы в жертву я принес.

О! бог, всесильный бог! —
Вещал Седглав тут в исступленьи, —
Отверзи очи ты души моей,
И книга будущих судеб
530 Да предо мною разогнется!»
Тут юноша простерся долу
В благоговении сердечном;
Воздел на небо руки жрец.

Вихри сильны вдруг взвились,
Буйны ветры тут завывли,
С тучей буря налетела,
Сиза молния сверкнула,
Гром ударил с треском сильным,
540 Поразил сосну священну,
И сосны верх возгорелся.
В исступленьи необъятном
Жрец, потрясаем богом сильным,
Громким гласом восклицает:
«О! род ненавистный
Славянску языку!
Се смерть, сто разинув,
Сто челюстей черных,
Прострет свою лютость
В твою грудь и сердце!
550 Восплачешь, взрыдаешь:
Не будет спасенья
Тебе ниоткуда. . .

Но. . . увы! мы только мщенье,
Мщенье сладостное вкусим! . .
А враг наш не истребится. . .
Долго, долго, род строптивый,
Ты противен нам пребудешь. . .
Но се мгла мне взор объемлет,
Скрылось будущее время. . .
560 Зрю еще, — о сын любезный,

Ты по странствиях далеких
Наконец обрящешь живу
Ты любезну Чаромилу, —
Но я того уже не узрю. . .»

И се удар громовой повторился,
Земля трясется; жрец воскликнул:

«Иди, мой сын, иди,
Иди, о друг мой юный.
Се слава в облаке златом
570 Плетет тебе венец лавровый.
Зри, там чертог божественный отверст,
Он ждет тебя и восприимет,
Когда увянешь, не дожив
Блаженных поздних дней;
Но если смерть в полете своем быстром
Тебя на ратном поле дальном
Щадить не перестанет
И лютая ее коса
580 Тебя минует и допустит
Главу твою покрыться
Сребристыми космами,
Тогда блаженны дни твои пребудут
В объятиях супруги милой,
В среде любезного семейства,
Семейства многолюдна.
Спеши; се зрю, полки славянски идут,
Несут булатны свои копья,
Несут, как лес густой, —
О, радость мщения, играй,
590 Играй ты в томном моем сердце;
Сие последнее да будет
Мне, старцу, утешенье,
Вознесшему уж ногу в гроб,
Иди, спеши, о сын любезный!
Победы лавр пожни блестящей;
Тебя еще да узрят мои очи,
Сим лавром увенчанна».

Жрец умолк и лобызает
Своего любезна сына;

600 Строй идет, и звонки трубы
В путь зовут всех ратоборцев.
Вспламененный отчим словом,
Буйный юноша в восторге
Тяжку броню воздевает,
Шлем взложил на верх свой гордый,
Меч висит у бедр тяжелый,
Щит, копьё в его руках:
«Прости, отче!» — он отходит.

Вои радостны воспели
610 Песни яру Чернобогу.
Жрец возвысил глас свой громкий,
Рек пророческое слово:
«О Перун, о бог всеильный!
Буди им поборник в бранях,
Буди в бедствиях защита;
О народ, народ преславный!
Твои поздные потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
620 Мужеством богоподобным
Удивленье всей вселенной;
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже,
И пред их могущим взором,
Пред лицом их, озаренным
Славою побед огромных,
Ниц падут цари и царства.
О потомки! ..» — но гром грянул,
630 Жрец умолк — он ощущает,
Что шествует в величьи тихом бог.

1801—1802

16. ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна времен часы изливает каплям подобно:

Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;

Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито веки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
¹⁰ Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут
ярый,
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
Крови — в твоей колыбели, припевание — громы
сраженьев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслись скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени создади, впреди их солнце;
²⁰ Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там лдяный хребет, теремьясь;
Так и они — се воля господня — исчезнут, растая,
Да человечество в хлябь лдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек;
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки
создало;
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
³⁰ Смертный что зиждет, всё то рушится, будет всё
прах.
Но ты творец было мысли: они ж суть творения бога,
И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвев,
Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,
Из океана возникли новы народы и земли,
Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
⁴⁰ Новы луны изо тьмы дальней воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
Даже летучи пары ты заключило в ярем;

Молнией небесну сманило во узы железны на землю
И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Молнией крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мошно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
60 Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь.
Но твоих сил не достало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысячный век,
Их не достало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенник браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
В мирных долинах, в лугах, мычется в бурной волне.
Зри их спутников черных! — ужасны! . . . идут — ах!
идут, зри:
60 (Яко ночные мечты) лютости, буйства, глад, мор! —
Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство
народам?
Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?
Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
Срини отчаяние! смертный, надейся, бог жив.
Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
Времени держит еще цепь тот всесильной рукою:
Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари
дневные,
Солнца на восходе цветут, блекнут с закатом они;
Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
70 После тревог воззовет, смертных достойный. . .
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня ночи угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был
росс.

Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас. . .

ПРИЛОЖЕНИЯ

17. АНГЕЛ ТЬМЫ

Отрывок из поэмы «Ермак»

И се древний возмутитель небесных сил подьѐмлет из мрачного своего обитания огромное свое чело, излучистыми морщинами препоясанное, но яко волны обширного океана, то досягающие зыбями своими до дна моря при напряжении бури и вихря, то изглажающиеся при отишии и зеркаловидные. Развесистые брови закрывают сверкающие очи, на коих обитает лесь, неистовство, обман, иступление, лжесмехи, коварство и ярость; изрыгающие, егда вещает, ложь, смерть и проклятие; еже зажаты, житель всегдашних ночи и отец призраков, терзаемый бессонницею вечною, едва возмогает отвыкшие от света разверсти вежды. Но яко стрела, мощною древнего парфянина рукою на луке задержанная, мгновенно излетает, парит по воздушной долине, едва оком в полете преследуемая, или паче, яко заключенный в медное жерло шаровидный чугун внезапно громорождающим смещением из заклеп своих исторгается, громовым треском и блистанием молнии сопутствуемый, свистит, несется, визжит, рассекает вихрящийся воздух окрест его, ускользя от преследующего ему ока, — и, едва вообразить возможем, он меты уже достиг. Тако отец мятежа, неустройства и суеверия, отрясая с главы своей темноту, едва напряг сильные на злодеяния мышцы, уже возлетел, яко вихрь порывистый, на вершину Уральского хребта. И се жизненность восстенала, ощутив приближение своего непримиримого врага, удалилась от места, идеже он восседал. Острые верхи гор обнажились и покрылись лдяною корою на веки. Кремнистые гор сердца вострещали под тяжкою его пятою, разверзлись и необъятные в недрах сотворили хляби. И се стихии, ощутив пустоту и пространство, внезапно стремятся на равновесие. Легчайшая из стихий, огнь, возвиваясь от среды земная, летит вихрящаяся к ее поверхности,

разъяренная в полете облаком, который он пожирает, горя. Тяжкая из стихий, вода, расторгнув состав земли и пресытятся ее растворов, катится отягченная от лица обиталища животных в разверстый зев. Встречаются ненавидящиеся взаимно сии вещественности начала, но духом жизни в составе ее укрощаемые, встречаются и паче древних исполинов, устремляясь яростны одна на другую, не яко сложенные тела ударяемые, но проникая одна другую во внутренности своей растворяемы, ботеют, множатся. Уже каждая капля воды, уже малейшая искра возрастают тьмократно, расширяются и, тесны окружить неизмеримые недра земноводного, упирают в них, жмут, возносят, разметают и, не находя ни укротительныя прохладности, ни места на растяжение, колеблют всю внутренность, свергают горы, изглажают долины, отверзают хляби и пропасти и в бешенстве своем грозят природе, являя ей разрушение. Радость на единое мгновение возродила в нем древний образ Ангела света. Но радость сия была радость беснования, не могла не позабынуться; уже паки сердце его колеблется завистию и алчбою зла, подобно сердцу властолюбивого завоевателя, стремящегося на покорение вселенныя; уже взоры его новою блистают яростию, яко до белизны раскаленное железо, стреляя в окрест кипящие искры: уста дрожат и пенятся, трясутся все члены, и, яко при нашествии незапныя тучи облако, рассеченное молниею, низвергает мгновенно смерть с ужасным треском, — тако враг природы, возвыся грозящий глас, вещал.

Между 1792 и 1796

18. ПАМЯТНИК ДАКТИЛОХОРЕИЧЕСКОМУ ВИТЯЗЮ,

ИЛИ ДРАМАТИКОПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ ЮНОШИ С ПЕСТУНОМ ЕГО, ОПИСАННЫЕ СОСТАВОМ НЕСТИХОСЛОВНЫХ РЕЧИ ОТРЫВКАМИ ИЗ ПРОИЧЕСКИЯ ПИИМЫ СЛАВНОГО В УЧЕНОМ СВЕТЕ МУЖА NN ПОБОРНИКОМ ЕГО ЗНАМЕНИТОГО ТВОРЕНИЯ

**ПРЕДИСЛОВИЕ, ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ, ПРЕДЪИЗЪЯСНЕНИЕ, ПРЕД...
И ВСЕ ТОМУ ПОДОБНОЕ**

Для дополнения стихотворного отделения моей библиотеки, вивлюфики, книгохранилища, книгоамбара, я недавно купил «Тилемахиду»; развернул ее некогда (для отдохновения от чтения торжественных песней), перебирал я в ней листы, — и нашел, к удивлению моему, нашел в ней несколько стихов посредственных, множество великое стихов нестерпимо дурных... нашел — подивитесь теперь и вы — нашел стихи хорошие, но мало, очень мало. В сию минуту во-

шел ко мне знакомый мой N... Он держал в руках «Жизнь моего отца» сочинения Коцебу. Мысль сверкнула в уме моем, и я предпринял, наподобие сказанной книги или несколько на нее похожее, начертать что-либо в честь впадшего в столь уничижительное презрение творца «Тилемахиды»; попросил я моего знакомого взять перо и писать то, что я ему сказывать буду, — а я, перебирая сначала листы сея тяжеловесныя пиимы, следующие произнес слова:

1. Вступление, «Тилемахида» на что-нибудь годится, ни на что не годится. 2. Дядька, буря, мельничная плотина, виноград в бочонке, поля, хрустальная лавка. 3. Сновидение, корабль на парусах, гора, хохолок, мышь, очи ясны, уста красны, се же, бурный и бурый, небесная планисфера, огненный змей, Никола Подкопай, наряды московские, алая телогрея, закусил язык, околица, Фалелеюшка, мой батюшка, овин, пророк Валаам. 4. Портрет Цымбалды, охота к женьтибе, сечь лозою, Дон-Кишот, страшная пещера, подземная держава, кузница, как дуракое дразнят, грязь, группа, дрянь, Лукерья, Енкелад, провались вставши, конец. 5. Время, силлогисм *in barbara*, комментарии, смаху, ирой пчелы, странствование, надворный советник, глава и голова, петух, брысь, Зевес, узел, черти, Овидий, стал в пень и аминь. 6. Заключение, или Апология «Тилемахиды» и шестистопов.

Вместив все сии слова в VI номеров, или отделений, повествованием, из «Тилемахиды» извлеченным, дав всему некоторую связь и сделав несколько примечаний о шестистопных стихах российских, большим поэмам приличных, я составил следующую диссертацию, разыскание, разглагольствие, или... нечто, дрянь... или памятник. Читатель! если ты раз хотя один улыбнешься, то цели моей я уже достиг.

1

ВСТУПЛЕНИЕ

«Тилемахида» на что-нибудь годится, ни на что не годится

Разговор

Б. и П.

Б. Предубеждение твое против творца «Тилемахиды» чрез меру велико. Если ты рассудишь, что вымысел сея книги не его, что он отвечать не должен ни за ненужное и к ироической песни неприличное, ни за места слабые или растянутые... то о нем должно судить разве как о человеке, полюбившем страстно Фенелонова Телемака, захотевшем одеть его в русский кафтан, но, будучи худой закрой-

щик, он не умел ему дать модного вида и для прикрасы обвесил его колокольчиками.

П. Но его нелепые стихи, переставление речи столь странное, столь глупое, столь смешное. Невозможно подумать, чтоб книга сия на иное что годилася, как на завивальные бумажки или — на что пожелаешь.

Б. Согласен во всем том, что ты сказал, — да читал ли ты «Тилемахиду»?

П. Читал ли? Можно ли не ради смеха сделать такой вопрос? Или думаешь, что я хочу занемочь?

Б. Занемочь? Разве «Тилемахида» не может служить вместо сиденгамова жидкого лаудана?

П. Нет, конечно. Она ни на что не годна, ниже от бессонницы. Правда, многие российские творения (а паче стихи) могут служить вместо усыпительного зелья, но не «Тилемахида».

Б. Могу и в том согласен быть с тобою. Но ты не читал ее и для того воздержись от решительного приговора и сентенции ее не подписывай, ибо (так говорит какой-то славный писатель), что нет столь худого сочинения, в котором бы не нашлось чего-либо хорошего.

П. Что может быть в «Тилемахиде» хорошее? И тому я не верю, чтобы ты в самом деле противное моему имел о ней мнение.

Б. Я истинно думаю, что она не вовсе бесполезна, а если можно убедить, что она годится на что-нибудь такое, что доставить может удовольствие, если творец «Тилемахиды» заставит тебя улыбнуться, то венец ему уже готов.

П. Верить не могу, чтобы возможность была заставить с «Тилемахидою» улыбаться. Зевать заставишь, зевать до ушей.

Б. Зевать нас многие заставляют; но иная зевота бывает в пору, кстати, иногда похожа быть может на улыбку, но прочти следующее, потом станем опять говорить о «Тилемахиде».

2

Дядька, язык французский и чухонский, бирюльки, дичь, сказка, буря, роскошная жизнь, мельничная плотина, столпы и кумиры, виноград в бочонке, поля, хрустальная лавка, то есть лавка, где продают хрустальную посуду, зеленая постеля

Летописи повествуют, что у Митрофана Простякова был меньший брат, не по росту, не по уму, но по рождению меньший, именем Фалелей; что матушка его, видя неудачу в воспитании большого своего сына, вместо няни Еремевны приставила к меньшему дядьку,

которого назовем мы именем славнейшего из всех дядек — Цымбалдою; и что госпожа Простякова выгнала предварительно из дома своего всех учителей: Кутейкина для того, что он не знал гражданских писем и что Цымбалда сам мог Фалелея учить грамоте; Цыфиркина для того, что нужды нет нималой тому в арифметике, кто умеет считать на счетах; Вральмана (выгнали даже Вральмана!) для того, что сыну ее был случай учиться с меньшим иждивением всем наукам и языкам иностранным, хотя не по-французски, но все равно, языку древнего финского народа у пастора лютеранской церкви, где крестьяне Простякова были прихожане.

Зане ведать надлежит, что Простяковы, избавляясь опеки (под которую отданы были за лютость поступков своих с подчиненными их людьми властью правительства, о чем с «Недорослем» справиться можно), истребовали дозволения продать деревни и на вырученные за то деньги купили в Копорье мызу Наренгоф, где крестьян было половина русских, половина финнов, или чухонцев. Итак, известные лютым своим обхождением с крепостными своими в одном углу Российского пространного государства, жили как добрые люди в другом углу, и, сравнивая обряды новые, которым они учились у своих соседей, с обрядами тех мест, где они жили, они находили (по мнению своему), что они оглашены в жестокостях несправедливо.

Фалелей был избалован, но не столько, как его большой брат. В куклы уже играть перестал, боялся лозы и своей матушки, которой родительская любовь не отымала еще охоту в нем к учению, не сделала его еще болваном совершенным, или, сказать точнее, не поставила его еще на стезе быть дураком или повесою. Цымбалда был дворовой человек г. Простякова, доставшийся ему по наследству. Он когда-то учился грамоте, не пил ни вина, ни водки... но лучшее в нем качество было его простодушие. Прежний его барин был также грамотей, имел несколько книг, которые читывал только в праздное время, занят будучи всегдашнею карточною игрою, но, незадолго перед своею смертию, все книги он проиграл, почитая за ненужное их взять с собою, опричь двух томов «Тилемахиды», которую ни в какой цене разыгрывать не хотели, боясь, что принесет — к тому, кому она достанется, — в дом скуку несносную: столь велико было предубеждение к сему великому Творению. Итак, «Тилемахида» досталась Цымбалде. Он в доме Простяковых был доселе без должности (зане присмотр за певчими птицами и очищение их клеток важным именем должности нарицать нельзя, хотя и то правда, что рачение о чижах и щеглятах доставило ему звание Фалелеева дядьки); без должности Цымбалда, и в скуке почти, читал и перечитывал «Тилемахиду», выучил ее столь твердо наизусть, что если

бы цензура строгость свою на нее простерла и чтение ее запретила, то он бы, как Кремуций Корд во время Тиверия кесаря, сказать мог: «Запрети и меня».

Цымбалда читать мог то только хорошо и твердо, что читывал много раз, что, затвердивши, мог читать без книги; писать не иначе мог он, как по линейкам, не иначе, как имея всегда пропись пред глазами. Будучи пожалован в дядьки и профессеры к Фалелею, обязан будучи учить его чему-нибудь и не зная ничего, опричь «Тилемахиды», он вознамерился преподавать наставления своему воспитаннику так, как то делывали некоторые древние философы в Афинах, то есть преподавать учение в разговорах во время прогулки. Встретившись, таким образом, мыслию с Руссо и Базедовом, относительно изящности чувственного учения, он с новоманерным своим Эмилем ходил в ясные дни мая и июня гулять вдаль от дома, или когда ненастливая погода не позволяла им делать эмилеподобные представления по лесам, лугам и нивам, то комната их превращалась в «Филантропину», где недоставало только Вольке и Базедова с их начальною или стихийною книгою и нужных для нее картин, а то бы мыза Наренгоф столь же прославилась в Европе, как и заведенное в Германии училище сими славными педагогами.

Некогда в один осенний день дождливый Фалелей с дядькою не выходил из комнаты своей никуда, и, наскучив играть долго в бирюльки (как употреблять должно бирюльки при чувственном воспитании, о том Цымбалда обещал издать в свет описание), Фалелей и Цымбалда легли спать ранее обыкновенного.

Полежав гораздо долго, повертевшись с боку на бок, Фалелей сказал:

— Дядька, а дядька!

Цымбалда

Что ты, батюшка, почивать не изволишь? Завтра, кажется, день будет сухой, и дождь перестал; мы утром встанем пораньше и пойдем в рощу.

Фалелей

Не спится, дядька, как ты хочешь. Дичь такая в голову лезет — скажи, пожалуй, мне сказку. Няня Еремевна брата Митрофана всегда усыпляла сказками: какое-то финисно ясно перышко, Фомка, Тимоня, Бова... Дядька! ты ведь читать умеешь. Пожалуй, расскажи, я засну скорее.

(В бумагах сочинителя не нашлось начала повести дядькиной) ¹

¹ Пометка издателей СОС. — *Ред.*

Фалелей

Нет, дядька, в Москве вертепы носят деревянные. Помнишь, мы видели о святках? Куды как хорошо! . .

Цымбалда

«Стены одеты младым виноградом, распускающим всюду гибкие свои отрасли. . .»

Фалелей

(вскочив, сел на постели)

Дядька! попроси завтра у матушки винограда, я видел — привезли ей из Москвы целый бочонок; но мне она ныне не дает ничего, говоря: избалуешься так же, как Митрофан.

Цымбалда

(продолжав)

«Животворны Зефиры блюли от солнечна зноя нежну прохладу. Тихо журча, текли ручьи по полям цветоносным и представляли струи вод чистых, как кристалы».

Фалелей

Помнишь ли, дядька, как мы были в хрустальной лавке, но воды хрустальной я там не видал.

Цымбалда

(с нетерпением)

Спи, Фалелей. *(Говорит поспешно)* «Множество разных цветов распещряло зелены постели. . .»

Фалелей

Знаю, дядька, знаю: у матушки есть приданая штофная зеленая постель.

Цымбалда

Спи, или я перестану. *(Говорит очень скоро)* «В роцу лучи солища не могли проникнуть. Слышно было в пей пение птичек и шум быстра потока, который устремлял свой бег с верхов многопенисто и, по лугам пресмыкаяся, вдаль убегал».

Цымбалда, приметив, что Фалелей заснул, прервал речь свою. Правду сказать, он не знал, как взяться за рассказы, и для того

связи в речах его мало было. Доволен тем, что усыпил Фалелея, он лег. Маковые пары, исторгшиеся из «Тилемахиды», скоро обременили его вежди, и он захрапел столь же звонко, как храпит стих Тредьяковского или. . . чей еще, то скажем в другое время.

3

Сновидение, корабль на парусах, гора, хохолок, мышь, очи ясны, уста красны, се же, бурный и бурый, небесная планисфера, огненный змей, наряды московские, алая телогрея, закусил язык, околица, Фалелеюшка, мой батюшка, овин, пророк Валаам

На утрие. . . Цымбалда, пробудившись, был смутен. Он видел сон, и сон его беспокоил. Лучшие в историях и в сказках иронически смущались сновидениями, — жаль, что нет предо мною теперь всеобщей какой истории. Лежат на столе моем Расин, Шекеспир и пресловутая «Россияда». Из них возьмем примеры. У Расина встревоженная виденным ею во сне образом юного Иоаза Нафалия, смущенная чрез целый день, не может подкрепить духа своего доводами неверующего в чудодеяния разума: «Ужель, — вещает она, — мне верить сновидению?» Но дух в ней трепещет. У Шекеспира злобный Ричард, убоясь сонных мечты, воспрянул от ложа своего: «Коня, коня!» — вещает. Ему зрится Ричмонд, и он предугадывает свою кончину. В «Россияде». . . Теперь довольно, а о сновидениях «Россияды» в другое время.

Цымбалда, смущенный духом от сновидения. . .

Вопрос: Да что же он видел?

Ответ: Подожди немного: Фалелей еще спит — но вижу, что начинает шевелиться и потягиваться; надежда есть, что скоро проснуться изволит. Итак, подожди, ибо Цымбалда не для нас отверзает велеречивые свои уста, не для нас, но для Фалелея, дитяти в семнадцать лет. Ведомо всем да будет только то, что Цымбалда верил снам, почитал тех людей, которые сны толковать умели, и сам выучился немного определять их смысл и значение по печатному соннику. Дарование не малое! которое не иначе приобрести можно, как за двадцать алтын с гривною или же за целый рубль от Гл. . . ва или Со. . . ва, у коих в телячьих, златом и разными шарами испещренных ризах хранятся творения Ч. . ., «Лирическое (в целый том) послание» Н. . ., «Земледелие» Р. . ., «Поваренный словарь», «Стихотворения» К. . . (между которыми прекрасного перевода его «А — ы» печатать, видно, не дозволено), «Тилемахида», «Иерихон» К. . . ча и пр. и пр.

Фалелей

(сперва потянулся, потом отверзая глаза)

Дядька! ты меня так напугал вчера бурей или тучей, что мне она и приснилась.

Цымбалда

Сон? Сон? Сударь! С нами крестная сила! И тебе, батюшка, грезились?..

Фалелей

Дядька! что ты глаза так выпялил? Я видел точно такую бурю во сне, как ты мне рассказывал.

Цымбалда

Не томи меня, дитяtko, расскажи поскорее...

Мы уже читателей наших предварили, что Фалелей не столь был болвановат, как брат его Митрофан; рассуждения его, конечно, не были остроумны, но он имел память. Сколько людей, известных нам, которые, выучив только наизусть «Помилуй мя боже» или... что другое, не последними почитаются в свете. Итак, Фалелей, забрав в память несколько Тилемахидо-дядькиных выражений, начал сон свой рассказывать, как то следует ниже сего:

«Я сидел на хорошем корабле или судне...» Дядька! что такое корабль или судно? Нет ли чего на них похожего у батюшки в амбаре?

Цымбалда

Корабль есть... корабль; он похож... сам на себя. А судно... продолжай, Фалелеюшка, когда будешь в Петербурге, то увидишь и корабли и суда. У нас и в песне про суда поют: «По той ли по матушке Камышенке-реке плывут, выплывают два суденышка».

Фалелей

* «Ветр надувал парусы наши...» Дядька! а что ж такое парусы? Я знаю, у матушки девки носят парусинные юбки, у Тарасакучера есть парусинный балахон; как он сядет на козлы, то ветер его развеивает... Вчера я видел, как ветер надувал юбку у Лукерьи. Дядька! который ей год? Она такая хорошенькая! всегда со мной играет.

---

* Тил., книга VI, стих 318 и след.

Цымбалда

(про себя)

Как не верить снам!.. (Громко) Что нам до Лукерьи. Рассказывай, что тебе во сне виделось.

Фалелей

«Гора уже нам хохолком малым являлась». Дядька! какне на горах хохлы бывают? Я не видывал. У Митрофановых голубей есть хохлы, у Еремевниных куриц есть также хохлы; в Москве на головах у каретных лошадей хохлы ставят..

Цымбалда

Не хохолком изволь говорить, но холмиком.. хер, он, — хо; люди, мыслете, иже, — лми, холми; како, он, — ко, холмико; мыслете ер — мь, холмиком; а холмик — маленькая горка.

Фалелей

«Всякая мышь..» Дядька! сыщи, пожалуй, кошку, мыши у меня съели кусок миндального пирога, что матушка мне пожаловала.

Цымбалда

Не мышь, сударь, а мыс.

Фалелей

Дядька! я не знаю, что такое мыс, ну так: «Всякий мыс и все берега от очей исчезали». (Фалелей, перервав речь свою, поет тихонько) «Очи ясны, уста красны, личико беленько». (Помолчав немного) Се.. се ж. Дядька! что такое «се»?

Цымбалда

(важно)

Слово, есть — «се».

Фалелей

Знаю, дядька, се же. «Се вдруг бурый свистун омрачил синее небо». Как это, дядька, быть может бурый свистун? Семка повар — свистун великий; а бурый — жеребец, что батюшка купил на ярмонке для завода.

Цымбалда

Не бурый, а бурный..

Фалелей

(перерывая речь его поспешно)

Дядька! бывал ли кто на небе?.. Как туда ездят?

Цымбалда

Как туда ездят, не знаю (извините, если Цымбалда не припомнил о воздушных путешествиях, позабыл Икара, Монгольфьеров, Бланшарда и прочих или их не знал), но посмотри в календарь, там говорят о небе, как будто туда ездили.

Фалелей

И подлинно чудеса! Ты мне, дядька, рассказывал про ту картину, которая осталась в московском нашем доме после жильца.

Цымбалда

Помню, подписана «небесная планисфера», а что такое, не знаю. На ней были всякие звери, медведи, змеи. . .

Фалелей

Матушка иногда рассказывает, как змеи огненные летают по небу.

Цымбалда

А сон мы забыли?

Фалелей

Изволь: «Возмутилась морская вода; день переменялся в ночь — смерть предстала. . .» Видал я, дядька, смерть, сперва написанную, а после видел настоящую смерть у того же московского жильца, который оставил картину. Ах, дядька, как она страшна! Одне ребра, ноги как спицы, руки висят, как плети, голова плешивая, глаза две дыры, нос также, рот страшнее всего, до самых ушей; зубы все наружи; батюшка и матушка так испугались, что матушку вынесли без памяти, а батюшка ушел, боялся, чтобы не съела. То-то страху было! Ну, за то жильца матушка сослала со двора на другой же день; теперь еще мороз по коже подирает. (Задумался) Дядька! смерть отбила у меня память, и я сон забыл.

Цымбалда

Изволь вставать с постельки, пора покушать. . .

Сон не выходил из головы у дядьки. Ему приснилася Лукерья, которая отняла у него Фалелея и с ним исчезла. Цымбалда боялся, не берет ли его воспитанника охота жениться, как то бывало с Митрофаном, и для того он испытать захотел его. В таком намерении, позавтракав немного, повел его гулять вокруг деревни.

Фалелей

(идуци)

Дядька! что ж ты молчишь? Расскажи что-нибудь.

Цымбалда

(не спуская с него взоров)

* «Мы приплыли на остров Кипр, посвященный богине Афродите».

Фалелей

Дядька! как мы домой придем, сыщи мне в святцах, в который день ей празднуют.

Цымбалда

(не прерывая речи)

«Сшед на остров, почувствовали воздух тихий, вдыхающ нрав веселый и игривый. Поля были плодоносны, прекрасны, но везде впусте, столь все жители были трудам неприятели. Жены и девы, нарядно одетые, шли в ликах, Афродите хвалы воспевая. Шли в ее храм, посвящать ей свои сердца. На лице их красота, приятность, миловидность, но притворны они были; их старание, их мысли всегдашние были токмо о нарядах; заплетенные их космы по хребту распущенны; власы завитые возвышались рядами, переменные ясны в одеждах пестротой блестяи цветов».

Фалелей

Ты что-то хорошо рассказываешь; а кто ж такие нарядные барыни?

Цымбалда

Нарядные все живут в Москве, а в деревне на крестьянках сафааны, на дворовых телогреи.

Цымбалда приметил, что Фалелей против своего обыкновения речи его мало перерывал вопросами, глаза его сверкали, дыхание

---

* Кн. IV, ст. 262 и сл.

было скорое. Цымбалда хотя был не любомудр, но практическая философия свойственна может быть самому простому человеку; он видел в питомце своем необыкновенную перемену, ясно видел, что хотения начинали тревожить если не его душу, то по крайней мере чувства. Подумав немного, он стал продолжать свое повествование:

* «На Евхарите одежда Артемиды-богини. . .»

Фалелей

Не Артемида, дядька, а Артемий.

Цымбалда

(не возражая ничего)

«Одежды придавали ей приятности новы. . .»

Фалелей

(прерывая)

Ах, дядька, в праздничный день нарядится в алую телогрею и на голову повяжет алый шелковый платок, то лучше всякой твоей богини.

Цымбалда закусил язык и умолк; Фалелей сколько ни просил его, чтобы он ему рассказал еще что-нибудь, но все бесплодно. Дядька сурово на него изредка поглядывал и молчал.

Между тем дошли они до ворот околицы. День был воскресный; деревенские девки в праздничных нарядах, стоя кучкою, пели песни.

Фалелей

Остановимся послушать песен, я знаю, что ты охотник до них, — иногда, слышал, поешь: «Горе мне, грешнику сушу».

Но дядька, не ответствуя ни слова, шел мимо. Ему предстоял другой удар, паче прежнего. Фалелей возрился, как гончий выжлец, что в толпе девичьей была его любимая Лукерья, пустился к ней на всех парусах; обнял ее, хотел целовать; но девка, вырвавшись, побежала, прыгнула через забор; Фалелей за ней в угонку; дядька кричал ему вслед: «Фалелеюшка, мой батюшка! (Старые его ноги бегать уже разучились) Куда изволишь? Постой! . . .» Но Фалелей летит на крыльях ветра; он и девка скрылись от его взоров; чрез малое время видит он их на задворье, на огороде, бегут стремительно, только слышно ему

---

* Книга VII, стих 360.

Было, что Лукерья смеялась громко, видно, что часто оглядывалась на Фалелея. Уже он ее угоняет; дядька в восторге негодования воздымает руки свои горé. . .; как некогда лжепророк Валаам, видя спасшийся народ иудейский, воздел руки на небо да проречет на него проклятие, и он да гибнет, тако дядька стоял с простертыми вверх руками, и прещение или проклятие готово излететь из уст его. Он видит Фалелея, настаигающа бегущую девку, — и се, он уж ее почти настиг; бегут по гумну и в вертеп, или в пещеру, тут в виде овина стоящую, скрылись. Тут дядька, новый Валаам, не в силах изрещи прещения, возопил гласом велиим: «Помогай бог!»

4

Портрет Цымбалды, охота к женитьбе, кузница, или вход в подземное царство, как дураков дразнят, смерть с косой, грязь, группа, или мала куча, провалитесь вставши, конец

Цымбалда наш был древен, * имел главу, власов обнаженну, чело с морщинами; долгая даже за перси брада седая висела; стан его высок, величествен, цвет в лице свеж и румян, пронизательны очи; голос тих, слова просты, приятны; благоразумием зрел, будущее прозревал глубиною мудрости своей, знал людей и к чему они преклонны, снисходителен, весел; юность сама толико не имеет приятностей, как он в старых летах любил молодых *людей*.

Скоро возлюбил Фалелея, звал его чадом, а сей ему почасту говорил: «Отче мой дражайший! Бог даровал мне тебя».

** Он открылся ему, не медля нимало, о склонности сердца. «Будешь бранить меня, — говорил Фалелей, — что склонностям я подвергаюсь. Но непрестанно бы сердце меня укоряло, если б я от тебя утаил, что люблю Лукерью и не льщуся, что мысли наши сретались и сердце весть подало сердцу. Нет, страсть сия не слепая, имени се не могу произнестъ, чтоб сердцем и духом глубоко не возмутиться. Время и отсутствие не загладят ее в памяти, ибо не пристрастна любовь моя. О, коль счастлив бы я был, провождая всю жизнь с нею! Ежели мне родители избрать жену попустят, то она супруга моя будет. Нравится мне в ней молчание, скромность, уединение и к трудам прилежность, радение о доме родителя, после как мать ее скончалась, презренье к суетным всем уборам и незнание красоты своей; счастлив тот человек, кто сопряжется с ней. Буду любить ее,

---

* Кн. II, ст. 338 и сл.

** Кн. XXII, ст. 427.

доколе жив буду. Если другому она достанется, то пребуду всегда в горькой печали. Я не хочу говорить о моей любви ни ей самой, ни родителям моим, но тебе единому». Цымбалда дивился, откуда взялось красноречие Фалелеево, не хотел его огорчить, видя, что страсть его была столь уже сильна; но думал, что лучше сделает, если, не противореча ему, а паче потакая, он, делав ему препятствия другого рода и отдаляя о том объявлять отцу его и матери, он успеет, может быть, и отвратить намерение его жениться на Лушке. И для того, вместо угроз или упреков, он начал хвалить Лукерью, превознося ее до небес, желая видеть, какое действие чрезмерная похвала произведет над Фалелеем. Итак, Цымбалда ему ответствовал: «О Фалелей! я не прекословлю: смиренномудра Гликерия твоя; руки ее трудов, конечно, не презирают; умеет молчать; всякий час в упражнении; в родительском доме добрый порядок, и тем более красится, нежели красотою. В деревне всеми любима, ибо в ней нет никакого пристрастия, ни упрямства, ни легкомыслия, ни своенравия; взором одним дает себя разуметь. Правда твоя, Фалелей, Лукерья есть сокровище и достойна женихов достойнейших. Не величается украшением; мысли ее быстры, но воздержны: не говорит она кроме того, что нужно и должно, а когда отверзает уста к вещанию, то из них лиется непритворная и сладкая приятность. Так Лукерья без власти и даже не красотою, но будет владеть сердцем супруга. Я повторяю, Фалелей, любовь твоя к ней праведна; но должно ждать, да родители твои на то согласятся».

Доколе Цымбалда продолжал речь свою, радость живо изобразалась на лице Фалелея, и он неоднократно, вспрыгнув на шею к дядьке своему, его целовал от всего своего сердца, но слыша, что, после всего одобрения, дядька сказал, что на то надлежит иметь согласие г. Простякова и его супруги, то он гораздо пригорюнился, бояся, когда о сем скажут любезной его матушке, что она, конечно, изволит его высечь лозою, как дитя, и, может быть, очень больно, а Лушку куда-нибудь ушлет или отдаст замуж в дальнее место. От таких мыслей Фалелей повесил голову и шел задумавшись. На пути своем нашли они кузницу, где слышен был стук молотов и искры пламенные возлетали из горна высоко на воздух. Цымбалда, начитавшись много тех книг, которые ему достались после барина, хотя не таков был, как Дон-Кихот, начитавшись рыцарских романов, и не совершалось то в очю его, что находилось только в его воображении, и при всяком случае, где он малейшее находил сходство того, что было пред его глазами, с тем, чего начитался, он читал то сходное место из книги, имея на старости память довольно острую. Итак, увидев кузницу еще издали, он возгласил:

* «Самая страшная тут находилась пещера.** Из пещеры исходил дым черный и густой и делал ночь посреди дня.*** Серная мгла дышала непрестанно чрез отверстие то, весь воздух вокруг заражало. Окрест не росло ни былинки, ни травочки. . .»

Фалелей

(в грусти идет и с досадой вдруг прерывает речь дядьки)

Врешь ты, Цымбалда, видишь — около кузницы трава.

Цымбалда

(рад тому, что Фалелей стал заниматься его рассказами, продолжал)

**** «Прибыв ко входу пещеры, услышал подземную державу, грозно рычащую. Вся земля тряслась под его стопами.»

Фалелей

Дядька! я не слышу, кто рычит, нет тут ни телят, ни коров; я не чувствую, чтоб земля дрожала, но я только дрожу: становится холодно, зайдем в кузницу и погреемся.

Цымбалда

«Дым густой, бывший при входе в пещеру, когда приблизились, исчез, и дух ядовитый престал, вошел один. . .»

Между тем как Цымбалда сие говорил, Фалелей подошел ко дверям кузницы, когда дядька говорил: «вошел один». Он впрыгнул в кузницу и (половина шуткою, половина, будучи достойное, хоть не совсем, дитя своей матушки, ради мщения за последние слова дядькины) дверь затворил и запер крючком, говоря: «Дядька, ты сказал: «вошел один», — я один и вошел, а ты там стой и мерзни (*полегоньку*), мерзни, старый черт!»

Цымбалда

(приложив рот к щелке на дверях, продолжает, и голос его, проходя сквозь щелку звончее, был свистоват и завывал)

***** «Сидел на престоле из черного дерева, бледен и суров, сверкаючи очи и владшие; чело браздисто и грозно».

---

* Кн. XVIII, ст. 92.

** Ib, ст. 125.

*** Ib, ст. 100.

**** Ib, ст. 150.

***** Ib, XVIII, ст. 298.

Фалелей оглянулся назад и видит кузнеца, сидевшего на наковальне, между тем как железо калилось в горну. Слышит дядькины слова, и душа в нем дрогнула.

Цымбалда, желая немного проучить своего питомца, зная его трусливый нрав, говорил в шелку вопля хриплым голосом:

* «Внизу на престоле стояла смерть бледная (*прибавляя голоса до конца речи, как то в музыке крещендо*), чудовище мозгло, мослисто, и глухо, и немо, и слепо в руках имело преострую косу...»

Фалелей уже дрожал, слыша дядькины речи, от дверей не отходил и давно уже покушался отворить дверь, но, затворив ее с размаха, то не легко было, а в ту минуту, как Цымбалда говорил: «в руках имела косу», — кузнец вынул каленый железный прут, разогревшийся в горну, махнул им поспешно и, положи на наковальню (в то самое время как Фалелей оглянулся), ударил молотком по железу; каленые искры посыпались и полетели, и одна попала Фалелею на лицо. Он, завизжав от боли и ужаса, размахнул двери, разбил дядьке нос до крови, сам упал чрез порог в бывшую тут грязную лужу почти без чувства. Кузнец, видя барского сына в грязи, дядьку, стоящего в оцепенелости окровавленным, бросил железо в воду и сунулся на помощь к барину. Фалелей, слыша близь ушей хлопок и шипенье горячего в воде железа и стремящегося к нему, наклонившись, кузнеца, которого он считал в сию минуту по крайней мере сатаною, а с другой стороны дядьку, наклонившегося с окровавленною рожеею, также чтобы поднять его из грязи, кричал кузнецу: «Помилуй, не буду больше, помилуй, не буду!» — вертелся в грязи и барахтался, не даваясь кузнецу или черту в руки. Но, помня свою досаду за прежние речи, протянутую выю дядьки обнял руками крепко и, приблизясь к его лицу, будто приподымается, укусил его столь больно за нос, приговаривая: «Вот тебе, старый черт, за давешнее», что бедный старик упал без памяти, окровавлен еще больше, упал и сшиб с ног наклонившегося кузнеца, и все трое лежали крест-накрест: Фалелей внизу, кузнец на нем, а Цымбалда наверху.

Прекраснейшая группа, которой ниже тени никогда ни Новерр, ни Анджелини не могли произвести в прекрасных своих балетах, и столпообразный Лаокоон, гордясь своею лепотою в чертогах Ватиканских, был в сравнении сея группы дрянь. Для дополнения сея картины, достойной момической кисти Гогарта, явилась тут из-за угла прекрасная Лукерья с кувшином. Созонт, кузнец, был ее отец, и она ему несла квасу. Вообразите Фалелея, барахтающегося в гряз-

---

* Кн. XVIII, ст. 310.

пой луже под тяжестью кузнеца и дядьки, — вымаранная рожа, руки и платье, вообразите положение его души, видя чудесное нашествие его любовницы. Лукерья, едва увидела сию неоцененную группу, захохотала и вскричала: «Мала куча!» Фалелей, раздраженный сею колкою насмешкою, повернулся под своею тяжестью паче древнего Енкелада, который мог только заставить Этну, на груди его лежащую, изрыгнуть огонь, дым, камни, пепел и лаву, — Фалелей повернулся сильно, свергнув бремя, в грязи его давившее, и, вскочив, помчался домой, вымаранный в грязи, как черт, без шляпы; Цымбалда, опомнившись, с кровавым лицом и откушенным носом, поспешил, бежал шагом за ним вслед, с обыкновенным своим припевом: «Постой, Фалелеюшка, постой, батюшка!» — а кузнец, вставши, плюнул с негодованием вполсмеха: «Провалитесь вы вставши!»; Лукерья еще усмехнулась, а мы? Мы скажем: конец.

АПОЛОГИЯ «ТИЛЕМАХИДЫ» И ШЕСТИСТОПОВ

П. Согласен в том, что «Тилемахида» может быть поводом к чему-нибудь смешному, но чтобы в ней что-нибудь было хорошее — нет, нельзя.

Б. Да ты ее не читал.

П. Что нужды в том, что я ее не читал от доски до доски; но разверни ее где хочешь, то везде найдешь нелепость.

Б. А я ее читал, правда случайно, и вот что я о ней думаю. Поелику Тредьяковский отвечает только за стихи, то надлежит сказать, во-первых, что, по несчастью его, он писал русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей сам понесся путем непроложенным, где ему вождало остроумие, — словом, прежде, нежели он показал истинное свойство языка русского, нашед оное забыто в книгах церковных; потому Тредьяковскому и невозможно было переучиваться. Тредьяковский разумел очень хорошо, что такое стихосложение, и, поняв нестройность стихов Симеона Полоцкого и Кантемира, писал стихами такими, какими писали греки и римляне, то есть для русского слуха совсем новыми; но, зная лучше язык Вергилиев, нежели свой, он думал, что и преношения в русском языке можно делать такие, как в латинском. Несчастье его было то, что он, будучи муж ученый, вкуса не имел. Он столь упитан был чтением правил стихосложных, употребляемых древними, и столь знал красоты их благогласия, что явственно тому подражал, и в «Тилемахиде» много стихов...

П. Апология — защищение, по речению какого-то автора, и омег можно заглушить медом; ты шутишь, защищая чепелости первого нумера.

Б. Не шучу, и в доказательство разогнем «Тилемахиду»:

«Но на ближних горах зеленели кусты виноградны,
Коиx ливствя, как венки и цепочки, висели,
Грозды красней багреца не могли под листом
укрыться».

П. Правда, стихи изрядные.

Б. Такие, каких очень мало в лучших сочинениях.

«Пристань и вся земля убежать созади нас казались».

П. Стих посредственный.

Б. Изрядный, если бы не было галлицизма: *убегать казались*.

— — — — —
«Та разлука была мне вместо Перунна удара».

П. Хорош.

Б. Не только хорош, но и очень хорош, ибо препинание стиха первое после слова *разлука*, другое и скорое затем после *мне*, а потом непрерывно два дактиля, долгая, ударяя или запиная, совсем на *у* в *Перунна*, за *у* повторительное и глухое *нна* и за ними при-вскакивающее краткое *у*, и наконец падающее, раздающееся в слухе *да*, с окончанием *ра*, делают сей стих хорошим; поставь его в другое место, а не в «Тилемахиду», то всяк скажет: хорош.

П. Неужели ты сие говоришь не в шутку?

Б. Не шутка, конечно: повтори чтение, читай по стопам слов, как то велит читать Клопшток, то есть следующим образом:

«Та разлука | была мне | вместо Перунна удара».

И если разыщешь сей стих еще больше и раздобишь его, то найдешь, что сверх числительная звонкости, в нем есть еще сие изящное уподобительное благогласие, коего столь изобильные примеры находятся в Омире, в Вергилии и во всех великих стихотворцах.

«Добры́е ждѹт, | пока́ не взыщутся́ и́ призовутся́
 Злы́е ж. | се́му на́против, сугь́ смѣлы, обманчивы́, дерзкы́
 Скоро́ вкрасться́. | во́ всем угодять, притворяться́
 йску́сны,
 Сделатъ́ | гото́вы все́, | что́ противно́ | совести́, чести́»

П. Это не стихи.

Б. Первый, хотя стих, но очень походит на прозу, для того что в нем меры времен (rithme) не суть стихотворны. Ибо стопы слов, в их последовании одна за другою, не суть благогласны, а особливо

после долгого *ждут* читать *пока́* хореем. Если же будешь

его читать спондеем, а *и́ призовут* не дактилем, а триврахийей,

что также очень ловко, то стих будет гораздо лучше. Читай сии стихи по сделанным отделениям и поставленным ударениям, то оне покажутся благогласнее. Сказать ли тебе мое истинное мнение? У нас разумеют, что есть дактилий, а не *шестистоп* дактилохоренческий и дактилоспондеический (да простят мне все школьные учителя и все стиходетели употребляемое мною здесь наименование!) и *шестистоп* дактилотриврахийский, а из *шестистопов* сих трех названий может быть истинный *шестистоп* российский, который можно употреблять с успехом. Читая «Тилемахиду», всегда ищут в ней дактилий и читают ее всегда дактилием. Клопшток сие запрещает именно; и если его «Мессию» читать так же станешь, то вместо его благогласных стихов выйдут скачущие и жесткие дактилохореи. Но читая по стопам слов, то находишь в них благогласие непрерывное, стих в ухе не звенит, и его гармония есть точно та, какую в стихах искали греки и римляне.

П. Я никогда не воображал себе, чтобы в «Тилемахиде» мог быть стих порядочный. Его смерть и Кервер суть смехотворны:

«Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и немо, и слепо;
 Чудище обло, озорно, огромно, с трезвонной и лаей».

Б. Конечно так; но отчего? Не от дактилия и не от шестистопа, но от нелепых слов: *дивище мозгло*, ибо то и другое в поэму не годится. И Тредьяковский не дактилиями смешон, но для того, что не имел вкуса; он сделал дактилии смешными, он стихотворец, но не поит, в чем есть великая разница. Если растряхнуть котомки иных наших славящихся Парнасских рыцарей, то не лучше что из них вылетит, как что излетело из Пандориной коробки, но не зло, не болезни и не недуги, но стихи нелепые дерут слухи, и достойны поместиться в «Тилемахиде». Но дабы никого не оскорбить, мы поддержимся от примеров. Знаешь ли верное средство узнать, стихотворен ли стих (если так изъясниться можно)? Сделай из него предложение, не исключая ни единого слова, то есть сделай из него прозу благосклонную. Если в предложении твоём останется поэзия, то стих есть истинный стих, напр.:

«О ты, что в горести напрасно» и пр.

Преложи его как хочешь, перенося, но грамматикально, слова сей строфы, то и в прозе будет поэзия. Преложи многие строфы из оды к Фелице, а особливо, где мурза описывает сам себя, без стихов останется почти тоже поэзия, но преложи... и без предубеждения скажи, что вышло? Но мы «Тилемахиду» забыли, а я вижу, ты ее сложил, разогни опять, и продолжим. Читай здесь:

«Тотчас и хлынул | поток мяснобагр из него издыхавша»;

П. Какой нелепый стих!

Б. Нелеп совершенно. Но чем же?

П. Да тем, что сказать то же можно лучше:

И се поток багров течет из ран глубоких,

Едва он жив, едва он дышит.

И се поток багровый вдруг хлынул из ран издыхавша.

Б. Согласен. Твое предложение сделано с разборчивостию и со вкусом. Но Тредьяковского стих более картина, но без вкуса; а если бы он у него был, то бы стих его был бы, может, следующий:

«Я не имел уже и утечи бедная — выбрать

Кое-нибудь одно, меж рабством и смертию в горе;

Надобно стало быть рабом и сносить терпеливо» и пр.

П. Стихи очень слабые!

Б. Не только стихи слабые, но и слабая проза, чего везде довольно. Теперь будь уверен в том, что, читая иначе стихи «Тилемахиды», много найдешь стихов слабых и стихов посредственных, ибо и сама мысль преложить Тилемака в стихи есть неудачное нечто. Но теперь постараемся найти стихов, хотя несколько, хороших, где много гармонии; ибо мимоходом заметим, что в «Тилемахиде» есть стихов много нелепых, но благогласных. Вот пример стихов негладких, где благогласия очень много:

«Гор посредине крутых буераки столь преглубоки,
Что едва осиять глубь может солнце лучами».

Но выслушай следующее:

«Сто́лько ж | гру́бых, | ско́ль та́ вся зѣмля́ дѣ́ка и
рё́бриста́».

Читая первое отделение спондеем, второе хореем, третье полудолгими, если так их назвать можно, кратко-долгими или долго-краткими, то есть как просодия нашего языка требует, и ударяя сильно на последнем слове сего отделения, читаешь в последнем две кратких и хорей. Сколь от сего произношения, то есть читая стопами по Клопштокову наставлению, стих хорош, столь он дурен, если читаем его размером хореев и дактилий.

«В сей час | я усмотрел, | что гора колеблется страшно
Дубы и сосны | мне казались сходящи | с хребтов гор».

Как хорошо в первом стихе, после начальных спондеев и долгого ударения, на конце третьего отделения следуют четыре одинаково краткие в *колеблется* и полудлинные спондеи в *страшно*.

Во втором: в первом отделении дактиль и хорей, во втором столь поспешные пять почти равно кратких и в окончательном три долгие, из коих первая долга, но две последних посредством глухого *о* от *ѣ*, за ним стоящего, столь же, кажется, тяжелы, как хребет горной.

«Прѣвѣзнется | слава до самых светил, | до звезд
поднебесных».

Какой стих! я уверен, что и сам Ломоносов его бы похвалил. Не только в нем числительная красота, красота мерная времени, но и самая изразительная гармония, происходящая от повторения букв *e* и *ѣ* с *д* и *n*, сперва в запинательной стопе слова *превознесется* кратко-долгими, потом ямба с анапестом в окончательном отделе. Я знаю, что, кто бы более имел вкуса, не сказал бы: звезды поднебесные.

«[Коя] приводит в лед всю кровь, текущую в жилах».

Не порицай, пожалуй, слабого *приводит* вместо *превращает*: ибо первое тянется, мерзнет; а другое, с повторительными *p* после гласной, скорей сходствует с кипеньем воды на огне, нежели с охлаждением крови в жилах.

«И к воздержанию всех стремлений юности резвой».

Нет, кажется, уже нужды замечать красоту от повторений *e* и *ѣ*, *и* и *ю*, соединенно со скоростью слов *воздержание*, а паче *стремлений*, в середине стоящего.

[«Да и тех положил в] сень смерти своимн стрелами»

Как томно! Или:

«Праздна уже колесница сама свой бег направляла»

Какая легкость!

«Слы́шимо́ было́ | везле́ | одно́ щебетáние птичек,
Иль благово́нный ду́х | от Зефи́ров. | ве́ющих тихо́.
С ветви́ на ветвь | дре́вес | прелета́ющих | в шуме́
прохла́дном.
Иль журча́ние | чиста́ ручья́. | упада́юща с ка́мня»

Четыре хороших стиха; после двух хореев, составляющих первое отделение, и запинание легкого спондея (помните, что я говорю о стопах, а не о стихе) второго отделения, шесть кратких, меж которых только три длинные; одну и первую из них произнести надлежит кратко, на вторую чуть опереться и сделать ударение на третье, при помощи повторительных сначала *о*, а на конце *я*, *и* и *е*, кажется, слышно песни не соловья, не снегиря и не малиновки или пеночки, но чечета, клеста, а может, и дикого чижа и щегленка. Раздробите второй стих и найдете, что его красота происходит от длинного первого отделения, где гласные *а*, *о*, *о*, *ый* льются, так сказать, в слове *благово́нный*, преломляемые мягкими только согласными, и препинаются плавно на слове *ду́х*; потом, прешед тихо дрожание второго отделения, окончивают точно так, что изображают. В третьем стихе посмотрите, сколь изразительны три первые отделения, а в четвертом два первые отделения, где посредством слогов: *журч. чис. руч.*, которые один за одним следуют, не слышится ли то, что автор описывает? А в последнем отделении в слогах, звучностью похожих, и с ними гласное одинаковое *па, да, ща, ка, мя*, изображают будто падающие воды на камень.

П. Изъяснение твое изрядно, но или я ничего в сих стихах не слышу, или препятствует тому великое предубеждение.

Б. Вероятно, последнее.

«[И] воздымало волны, катя огромны, что горы».

Если б не было нелепого *что*, то стих был бы очень хорош.

«Издали гор и холмов верхи пред взором мелькали».

Но таких примеров очень много, и, повторяя их, можно наскучить.

А еще легче действительно, как нечто легкое, виющее по ветру:

«И трепетались играньми ветра, вьась, извиваясь».

Сказанного мною кажется уже довольно для доказательства, что в «Тилемахиде» находятся несколько стихов превосходных, несколько хороших, много посредственных и слабых, а нелепых столько, что счесть хотя их можно, но никто не возьмется оное сделать. Итак, скажем: «Тилемахида» есть творение человека, ученого в стихотворстве, но не имевшего о вкусе нималого понятия.

1801—1802

ВАРИАНТЫ

- 1, 5 [твоим] *испр.*: своим — ГИМ-2.
6 И сильным мышц твоих — ПР, С; [твоих] *испр.*: своих — ГИМ-2.
- 9 Седяй во славе — Б, В, ГИМ-1, ГИМ-2.
- 2, 1 ишед — Г; и тьмы со мною — Б, В.
2 [твоих] *испр.*: моих — ГИМ-1, ГИМ-2, ПР, С.
6 внемлю, что мне — ПР, С.
9 [Творю] *испр.*: Творя — ГИМ-2, ПР, С.
чивым — ГИМ-1; [чтивым] *испр.*: чтимым — ГИМ-2.
- 3, 1 что претит — В; [претит моей] *испр.*: моей претит — ГИМ-2.
2 [Желашьям] *испр.*: Деяньям — ГИМ-1, ГИМ-2.
езде в предел — ПР, С.
8 свою — Г, ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ, Л, ПР, С.
10 Родился — Г, А, Б, В; [Родился] *испр.*: Вот что есть — ГИМ-1, ГИМ-2.
- 4, 2 Среди тягченной жатвы — Б, В; Среди тягченной жатвой — ГИМ-1; Средь отягченных жатвой — Л; Среди стягченных жатвой — ПР, С; [тягченной] *испр.*: тягченных — ГИМ-2.
4 Средь мирных под [сенью] *испр.*: сению — ГИМ-1, сеньми — ГИМ-2; Под мирной сению — Л, ПР, С.
5 мрамора — Б, В, ГПБ, ГИМ-1, Л, ПР, С; [мрамора] *испр.*: мрамора — ГИМ-2.
6 Яснейших — Г, А, Б, В, ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ; [дней] *испр.*: дня — А.
- 5, 3 Без слуха зрится хладнокровно — Г, Б, В; Безжалостно и хладнокровно — ГБЛ, Л, ПР; и [хладнонравно] *испр.*: хладнокровно — ГИМ-2.
4 Велико божество — Г, Б, В.
6 И неизменном — Б; И в ней зменном — ГИМ-1, ГИМ-2.
- 6, 2 круг себя — Г.
8 (стих пропущен) — Г.
- 7, 2 имеяй — Г, А; имела — Б, В.
3 всечастно — Б, В, ГИМ-1.
4 челюстей — ГИМ-1.
6 достигает — ГПБ; досягает — ПР, С.
8 призраки тьмы — В.
10 нам велит — Г, А, Б, В.

- 8, 2 вся — Г; воя — Б; сея — Л; полский — Г; польский — ГИМ-1; смертный — Л.
 4 [Чувствительность] *испр.*: Чувствительно — ГИМ-2.
 5 ермо — Г; ярем — ПР, С.
 6 И дав им броню — ПР, С.
 9 [Закон] *испр.*: Обман — ГИМ-1.
 10 Народ! дивись, что ты обрел — ГБЛ, ГПБ; [Народ! дивил] *испр.*: Народ! дивись — ГИМ-1; [Народ! дивись] *испр.*: Народ давить — ГИМ-2; Народ давить что изобрел — ПР, С.
- 9, 2 Источник рабства, бед оков — ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ.
 4 один — ПР, С.
 7 оковал — Б, В.
- 10, 1 Воззрим на — Л, ПР, С.
 3 всемирны — ГИМ-1; [всемирны] *испр.*: все мирны — ГИМ-2.
 4 В царстве — Г, Б, В.
 5 сохраняет — ПР, С.
 6 Власть царску [вера] *испр.*: веру — ГИМ-1.
 8 Одно — Б, В, Изд. 1790, Л; Один — ПР, С.
 9 Другое — Б, В, Изд. 1790, Л.
- 11, 3 претит ума — ГИМ-1, ГИМ-2, Л, ПР, С.
 6 несподручны — Б, В.
 9 обветшалый — Б, В, ПР, С; [обветшалый] *испр.*: обветшавый — ГИМ-1, ГИМ-2.
- 12, 1 Чело[жь] *испр.*: Чело — Г; Что — Б.
 2 Прияв — Г, Б, В; Приняв — А.
 3 На огромном — Б, В; На гордом — ГИМ-1, ГПБ; [гордом] *испр.*: громном — ГИМ-2; На грозном — Л, ПР, С; севший — Б, В.
 5 в руках — В.
 6 рекл — Б, В, ГИМ-2.
 7 Я жизнью — Л.
 8 Коль я смеюсь, то — ПР, С; все смеются — ГИМ-1; [смеются] *испр.*: смеется — ГИМ-2.
 9 (стих пропущен) — Г; [Чело нахмурю, все мнутся] *испр.*: Чело нахмурюсь все сметутся — ГИМ-1; [Чело нахмурю все мнутся] *испр.*: Нахмурюсь грозно все смютутся — ГИМ-2.
 10 Живет — В, ГБЛ, Л, ПР, С; [Живешь] *испр.*: Живет — ГИМ-2.

- 13, 4 ад — Г, Б, ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ, ПР, С.
5 надменно — ПР, С.
6 коленопреклоненно — ПР, С.
7 [трепещи] *испр.*: трепеща — ГИМ-1.
8 протекая — В; прорицающая — ПР, С.
- 14, 1 разь — ГИМ-1; [разь] *испр.*: рать — ГИМ-2.
6 мегает — В.
- 15, 2 Со стреком [можно] разодрать *испр.*: мощно — ГИМ-1; Со треском [можно разодрать] *испр.*: мощно разодрал — ГИМ-2.
8 власти данной — Б, В.
9 мной увенчанный — Л, ПР, С.
- 16, 7 лжи — Г, А, Б, В, ГБЛ, Л; [лже] *испр.*: лжи — ГИМ-2.
- 17, 2 пристани в брегах — Г, А, ПР, С.
5 безмерна — Г.
6 оранню — Б, В.
7 мог бы вещать — Г.
10 [благодетствующую] *испр.*: благодетствующую — ГИМ-1.
- 19, 1 забыл — ГИМ-1; [забыл] *испр.*: забыв — ГИМ-2.
2 Забыл — ГИМ-1; [Забыл] *испр.*: Забыв — ГИМ-2.
5 моим — Б, В, Л.
6 Бессильными — Л, ПР, С.
7 истины — Г, Б, В, Л, ПР, С; [истины] *испр.*: истине — А.
8 клевете дорогу — Г, А, Б, В.
- 20, 1 [доставляя] *испр.*: доставая — ГИМ-2.
2 Тот плод, кой в пищу — Л.
3 кроху — Г.
6 [На что ж скажи] *испр.*: Но что ж скажи — ГИМ-2; Скажи на что — Л; Скажи на что ж — ПР, С.
9 чуждающуюся — Б, В, ГПБ, Л.
- 21, 3 Злодею — Г, А, Б, В, ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ, ПР, С.
5 [Рожденные] *испр.*: Сооруженные — ГИМ-1; [Сооруженные] *испр.*: Сгруженные — ГИМ-2.
6 ведешь знамениту — ГИМ-1; [ведешь] *испр.*: ведешь ли знамениту — ГИМ-2.
10 Герой зевал — Г, Б, В; Герой зевав — ГИМ-1; [Герой] *испр.*: Ирой зевав — ГИМ-2; Герой зевав — Л, ПР, С.

- 22, 5 скопив — ГИМ-1; [скопив] *испр.*: скопил — ГИМ-2.
6 не единая пройдет — Г; ни единое преидет — В.
7 сопостат — Г, ГИМ-1, ГИМ-2.
- 23, 8 [дерзнул острить] *испр.*: острить дерзнул — ГИМ-2.
3 Един ты в свете оном — Б, В; Един ты в свете —
ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ; Един ты нам столь —
Л; Один ты в мир сей — ПР, С.
8 научись — ГИМ-1, ГИМ-2.
9 льстить — ГИМ-1; [льстить] *испр.*: мстить —
ГИМ-2.
- 24, 1 Ниспослал призрака, и мглу — Б; Нисполал при-
зрака, и мглу — В; Ниспал призрака мглу — ГПБ;
Ниспослав призрака, мглу — ПР, С.
6 своей уж он — ГИМ-1, ГИМ-2.
7 Не в действе — ГИМ-1, ГИМ-2; Но в действии — Г;
Но в действии — Б, В; Но в действьи — ПР, С;
распростер — Г.
8 Не спавшему от бед нас мнимый — ГИМ-1, ГИМ-2;
как мнимых — Г, Б, В.
- 25, 2 спших — Г, ГБЛ; [тихий] *испр.*: спших — ГИМ-1,
ГИМ-2.
3 так возгремели — Б, В, ГИМ-2, ГПБ.
4 На вечу — ГИМ-1; На [вечу] *испр.*: вече — ГИМ-2.
6 потрясает — ГБЛ, ГПБ; сокрушает — Л, ПР, С.
8 [Закона строят] *испр.*: Законом строит — ГИМ-1,
ГИМ-2.
- 26, 5 трезубый — Б, ГИМ-2, ПР, С.
6 священства — Б, В.
8 Сменися — Б, В; прещенья — ПР, С.
10 примирил — ГИМ-1, ГИМ-2.
- 27, 2 явив — ПР, С.
4 положив — ПР, С.
5 Пространство — ГИМ-1; [Пространство] *испр.*:
Пространства — ГИМ-2.
6 [И вод] *испр.*: Исторг — ГИМ-1, ГИМ-2.
8 покоил — Г.
- 28, 7 творить — ГИМ-2, ПР, С.
8 простерши — Г.
10 утвердит — Б, В.
- 29, 1 разваря — Г.
2 Вознесшийся — ГБЛ, ГПБ, ПР, С.
3 прометая — Б, В.

- 8 [Нетрепетно с ним разум мыслит] *испр.*: С ним разум нетрепетно мыслит — ГИМ-1, ГИМ-2; Нетрепетно в нем — ПР, С.
- 10 Невежества что развеет — Г, Б, В; Невежества развеет — ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ; Невежества чтоб развеять — ПР, С.
- 30, 1 утомленный — Г.
4 Воспрянув — Б, В, ГИМ-1, ГИМ-2; Восстав — ГПБ.
6 с ним он ревностно — Г.
7 Но чуждый — ПР, С.
- 31, 2 востока — Б, В; [востока] *испр.*: востока — ГИМ-1, ГИМ-2.
5 мачих ко — Г; мачих к — Б.
9 вдруг тучнеет — ПР, С.
- 32, 5 Не господска рука надменна — В; надменной — ГБЛ, ГПБ, ПР, С.
6 подаренной — ГБЛ, ГПБ, ПР, С.
- 33, 3 жизненностью — Г, Б, В.
6 плодом венчают — Г; плодом смягчают — В; плодов стягчают — ГИМ-1, ГИМ-2.
7 Всещедры бога к — Б; Всещедрыи боги к — ГИМ-1; Всещедра бога; в — ПР, С.
8 Бесплодны — Б, В; Безбедно — ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ.
- 34, 10 кормит — Б, В, ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ, ПР, С.
2 стерша зверства рать — Г, Б; стерша зверствавать — ГИМ-1; стерша зверствовать — ГИМ-2; стерта зверства рать — ПР, С.
5 Награда правильно — ГИМ-1, ГИМ-2.
7 Кончины славой — Г, Б.
10 Вашингтон — Г; Вашингтон — Б, В; [Вашингтон] *испр.*: Вашингтон — ГИМ-1.
- 35, 2 Свирепство в нис с себя — Г.
3 средь нас — ГПБ, ПР, С.
4 веселья — ПР, С.
9 Награда ей — ПР, С.
- 36, 2 Различности надменность спев — Б, В; Различности, надменности пав — ГИМ-1; Различности, надменность пав — ГИМ-2; Различия надменность сняв — ПР, С.
6 Единая — Б.

- 9 Опытностью лишь — *Б, В*; Лишь опытностью — *ГБЛ*; Лишь опытностью — *ГИМ-1, ГИМ-2, ГПБ, ПР, С*.
- 37, 5 себя когда мечтаю — *ПР, С*.
6 крылах — *В*.
- 8—9 Миров до края вознесется И вечности самой коснется — *Г*; на месте ст. 8 пробел, ст. 9: Миров до края вознесется — *Б, В*; По всей вселенной пронесется; Миров до края вознесется — *ПР, С*.
- 38, 2 стрясут — *Б, ПР, С*.
3 вонзят — *Б, ГИМ-1, ГИМ-2*.
6 разрывает — *Л*; разрывают — *ПР, С*.
8 Рождаются несыты — *ГИМ-1*; Рождаются не сыты на — *ГИМ-2*.
9 творящая напасти — *ГИМ-1*; [творящая] *испр.*: зиждущая на пасти — *ГИМ-2*.
10 Чтоб — *Б, ГИМ-1, ГИМ-2, ПР, С*; устроить — *Г, ГИМ-1, ГИМ-2, ПР, С*.
- 39, 1 Крутится — *Б, ПР, С*; Крутятся — *В*.
2 Одевшись — *ПР, С*.
4 прикрыв — *Г*.
5 Заря — *Б, В*; Зовя — *ПР, С*.
6 Иль казнь... нисполагая — *Г*; Иль жизнь... ниспосылая — *ПР, С*.
9 взор миловидный — *Г*; во взор миловидны — *Б, В*; [в взор] *испр.*: взор миловидный — *ГИМ-2*.
- 40, 1 Силла возмутивший — *ГИМ-1*; [Сулла] *испр.*: Силла возмутивши — *ГИМ-2*.
2 Спокойствие — *Г*.
5 Ругаясь всем, что есть — *В*; Ругаясь всем, что в свете — *ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ*; Ругался всем, что в свете — *ГПБ*.
6 И точно — *Г, Б, В*.
9 убийству — *ГБЛ, ГПБ, ПР, С*.
10 не чести среди чертогов — *ГИМ-1*; нечестье среди чертог — *ГИМ-2*.
- 41, 5 обвинил — *ГБЛ, ГПБ, Л, ПР, С*.
6 править — *ГИМ-1, ГИМ-2*.
- 10 бесстрашен — *Г*.
- 42, 2 Неизменим — *Г*; Неизменный — *В*.
9 Едину... всеясь — *Б, ПР, С*; Ехидну... ваясь — *ГИМ-1*; [Ехидну] *испр.*: Едину... ваясь — *ГИМ-2*.

- 43, 1. Дойдешь до меты совершенство — Б; Дойдет до места совершенства — ГИМ-1; [Дойдет до места] совершенства *испр.*: Дойдешь до меты — ГИМ-2; Дойдет до лести совершенства — С.
2. проскочив — Г.
3. найдет — ГИМ-1, ПР, С; [найдет] *испр.*: найдешь — ГИМ-2; блаженства — В.
4. Несчастливым — ГПБ, ПР, С.
5. [возблистает] *испр.*: возблисташь — ГИМ-2.
6. [скончаешь] *испр.*: скончает — ГИМ-1; [скончает] *испр.*: скончаешь — ГИМ-2.
10. И власть под ярмом упадет — ГИМ-1; И [власть] под ярмом [упадет] *испр.*: И власти под ярмом падет — ГИМ-2.
- 44, 1. развращенью — Г.
4. Некосвенно — Г, ПР, С; [Некосвенно] *испр.*: Некосвенно — ГИМ-2.
- 44, 7. тленьям — ГИМ-1, ГИМ-2.
9. В весельи начнеть — ГИМ-2.
- 45, 7. глотить — Г; сглотит — ПР, С.
- 46, 3. Стремимся, гнетом — Б, В; Стремится гневом — ГИМ-1, ГИМ-2.
7. месту обнажил — ГИМ-1.
10. сокрыл — С.
- 47, 2. днем — ГИМ-1.
6. обветшалый — Б, В, ГИМ-1, ПР, С; [обветшалый] *испр.*: обветшавый — ГИМ-2.
- 48, 2. На права — ГИМ-1, ГИМ-2.
3. На запад, юг и восток — Г, Б, В, ГИМ-1; На запад, юг, восток — ПР, С.
4. Свой ширить — ГПБ, ПР; Своей ширишь — Г.
8. Отечество мое драгсе — ПР, С.
- 49, 1. Но доле — ГИМ-1.
4. Всех тяжесть — ПР, С.
5. из светила — Г.
7. [мочь] *испр.*: мощь — ГИМ-2.
- 8—9. [Но бег его ослабеваает, Как путь от центра удаляет] *испр.*: В ключе хотя не угасает, Но бег его ослабеваает — ГИМ-2; И бег его ослабеваает, Как путь от центра удаляет — ГБЛ.
10. [ночь] *испр.*: ночь — ГИМ-2.

- 50, 2 мненьи крепка — *Б, В*; мнений [крепка] *испр.*:
тверда — *ГИМ-2*; мненья крепка — *С*.
3 законна — *Г*.
6 Когда — *В*.
7 Содрагаясь — *Б, В*; Содрогиши — *ПР, С*.
10 вновь даст — *ПР, С*.
- 51, 3 темной — *Б*.
8 людей — *ГИМ-1*; [людей] *испр.*: ладью — *ГИМ-2*.
10 чтим — *Б*; чтил — *ГПБ, ПР, С*.
- 52, 1 не пришла — *ПР, С*.
5 Встрещат заклеи тяжкой — *Б, В*; Встрещат за-
клеи темной — *ПР, С*.
6 себе мочи — *Г, Б, В*.
7 Вкатясь где — *Б, В*; Вкатясь горе — *Г*; Въ ко-
гтяся где — *ГИМ-1*; [Въкогтяся где] *испр.*: Вско-
гтяся горе — *ГИМ-2*; Вкатясь, где — *ПР, С*.
8 все раздавит — *ГИМ-1, ГИМ-2, ГПБ, ПР, С*.
9 [И стражу к словеси] *испр.*: Ко вздоху стражу
да — *ГИМ-2*; Ко вздоху стражу да — *ГБЛ*.
10 тамо ей напасть — *ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ*.
3 Придет — *Г, ГИМ-1*.
- 53, 4 смертных воззовет — *ГПБ*.
5 к стези — *ПР, С*.
6 съедина с природой — *ГИМ-1*; [съедина с] *испр.*:
ополча природой — *ГИМ-2*.
8 все сил — *Б*.
9 (стих пропущен) — *Г, Б*; Немощно на неизло-
женье — *В*; Примут вечно разрушенье — *ГИМ-1*;
[Примут вечно разрушенье] *испр.*: Развеесть
в одно мгновенье — *ГИМ-2*; Примет вечно раз-
рушенье — *ГПБ*; Приидет во изнеможенье —
ПР, С.
- 54, 4 час рожденью — *ГИМ-1*; [час] *испр.*: миг рожде-
нью — *ГИМ-2*; миг рожденья — *ПР, С*.
6 воедине — *ПР, С*.
7 Рек — *Г, ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ, ПР, С*.
8 Сгущенну мглу разогнавши — *В*; Сгущенну мглу
собой разгавши — *ГИМ-1*; [Сгущенну мглу собой
разгавши] *испр.*: Сгущенну мглу разогнавши —
ГИМ-2; Сгущенную тьму разогнавши — *ПР, С*.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены все достоверно принадлежащие А. Н. Радищеву произведения в стихах. При жизни поэта современники могли познакомиться лишь с отрывками оды «Вольность», введенными в «Путешествие из Петербурга в Москву», и анонимно опубликованными в журнале «Ипокрена» «Сафическими строфами». Только после трагической кончины Радищева дети собрали уцелевшую часть поэтического наследия отца и составили из нее первую часть «Собрания оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» (чч. 1—6, М., 1806—1811). По цензурным причинам не попала в это издание «Вольность».

Последующие разыскания добавили к этому собранию немного: в XIX в. было напечатано два небольших стихотворения (см. №№ 5 и 9), в XX в. — незаконченная оратория «Творение мира», полностью опубликована «Вольность».

В XIX в. стихотворения Радищева переиздавались в составе его «Сочинений» в двух томах, подготовленных в 1872 г. П. А. Ефремовым (это издание почти полностью было уничтожено цензурой), и в антологии «Русская поэзия» под ред. С. А. Венгерова (вып. 5, СПб., 1895). После революции 1905 г. стихотворения Радищева печатались неоднократно.

В 1936 г. четыре стихотворения Радищева были включены в сб. «Поэты XVIII века» (Малая серия «Библиотеки поэта»). В 1938 г. произведения в стихах открыли 1-й том академического «Полного собрания сочинений» писателя. В 1940 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» под ред. Г. А. Гуковского вышло «Полное собрание стихотворений» А. Н. Радищева. Во 2-м издании Малой серии стихотворения Радищева вышли отдельным сборником под ред. Г. А. Гуковского (Л., 1947), в 3-м — под ред. Г. П. Макогоненко (Л., 1953).

То обстоятельство, что Радищев всегда печатался анонимно, заставляло исследователей искать его сочинения на страницах современных ему журналов и в рукописных сборниках XVIII — начала XIX в. В разное время Радищеву приписывалось множество произведений, но последующие разыскания неизменно приводили к опровержению, казалось бы, убедительных аргументов. Так, включенная

в академическое собрание сочинений Радищева (в раздел приписываемых произведений) ода «Древность» оказалась произведением П. А. Словцова. В отношении ряда неоднократно атрибутировавшихся Радищеву стихотворений из журнала «Беседующий гражданин» было доказано авторство С. А. Тучкова и других поэтов, а поэтому в настоящее издание раздел «Приписываемое» не введен, хотя в печати высказывались соображения об авторстве Радищева в отношении некоторых стихотворений из журнала «Ипокрена» и др.

В настоящем издании произведения Радищева располагаются в хронологическом порядке. Возможно если не с полной точностью датировать каждое произведение, то по крайней мере удовлетворительно обосновать последовательность создания стихотворений и поэм, наметить приблизительную датировку, определить более или менее узкие хронологические рамки, когда то или иное произведение было создано поэтом.

Поскольку автографы стихотворений Радищева пока не обнаружены, основным источником текста для большинства произведений остается «Собрание оставшихся сочинений». Многие опечатки и ошибки этого издания были исправлены П. А. Ефремовым и советскими исследователями, однако ряд мест все еще, по-видимому, не отражает подлинного текста автора (особенно неисправен текст «Осьмнадцатого столетия»). В настоящем издании внесены некоторые новые поправки.

Иначе обстоит дело с «Творением мира» и «Вольностью». Если редакторы предшествующих изданий располагали всего лишь одним списком оратории и двумя разными копиями оды, то в настоящий момент известно уже три списка «Творения мира» и девять «Вольности», а это позволяет значительно уточнить текст обоих произведений (подробнее см. примеч. 2 и 4). Ввиду того, что автографа оды по-прежнему нет, а имеющиеся списки отличаются друг от друга, в разделе «Варианты» приведены все существенные различия «Вольности», включая даже явные ошибки переписчиков, ибо полный свод вариантов не только помогает разобраться в происхождении самих списков, но и будет полезен при обнаружении новых копий оды.

В раздел «Приложения» включены прозаический набросок «Ангел тьмы», связанный с не дошедшей до нас поэмой о Ермаке, и «Памятник дактилохорейческому витязю», который является одной из первых русских критических статей — и притом посвященных именно поэтическому произведению — и одновременно первым трактатом, закладывавшим основы научного стиховедения.

В примечаниях к произведениям Радищева используются труды многих исследователей, особенно Я. Л. Барскова и Г. А. Гуковского. В примечания не вводятся некоторые спорные гипотезы, не подтвержденные убедительной аргументацией, например сведения о предполагаемых адресатах стихотворения «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? . .».

Орфография и пунктуация сочинений Радищева приближены к современным нормам в соответствии с правилами, принятыми в изданиях «Библиотеки поэта».

Устаревшие слова, которые могут быть объяснены вне контекста, вынесены в Словарь.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

- А — цензурная рукопись «Путешествия», хранящаяся в Центральном государственном архиве древних актов (Москва); начальный текст (Ан) переписан в конце 1788 г., дополнения и поправки вносились до апреля 1790 г. Впервые описан в работе: П. Е. Щеголев, Рукопись «Путешествия». — См.: Путешествие из Петербурга в Москву А. Н. Радищева, СПб., 1905.
- Алексеев — М. П. Алексеев, К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». — В сб.: «Радищев. Статьи и материалы», Л., 1950.
- Б — так называемый «лонгиновский» список «Путешествия» с полным текстом «Вольности», хранящийся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в Ленинграде; изготовлен на бумаге 1794 и 1796 гг. Впервые описан в кн.: В. П. Семенников, Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву», М., 1922.
- Барсков — А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, т. 2. Материалы к изучению «Путешествия», М.—Л., 1935.
- «Биография А. Н. Радищева» — «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями», М.—Л., 1959.
- В — список «Путешествия» с полным текстом «Вольности», хранящийся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва); изготовлен на бумаге 1795—1805 гг. Впервые описан в работах: Л. И. Кулакова, К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность». — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1956, вып. 2; Л. И. Кулакова, Из истории создания и судьбы великой книги (Новые материалы о Радищеве). — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института», 1956, т. 18, вып. 5.
- Г — список «Путешествия» с полным текстом «Вольности», хранящийся в Государственном историческом музее (Москва); изготовлен на бумаге 1780—1790-х годов. Впервые описан в работе: Г. П. Шторм, Потаенный Радищев. — «Новый мир», 1964, № 11.
- ГБЛ — список «Путешествия» с полным текстом «Вольности», хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Москва); изготовлен на бумаге 1819 г. Впервые описан в работе: Л. И. Кулакова, К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность». — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1956, вып. 2.
- ГИМ-1 и ГИМ-2 — списки «Вольности», хранящиеся в Государственном историческом музее (Москва); время изготовления — 1806 г. Впервые описаны в работе: А. И. Старцев, Рукописное наследие Радищева. — «Огонек», 1949, № 35.
- ГПБ — список оды «Вольность», хранящийся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград); изготовлен в 1830-е (?) годы. Впервые описан в работе: Г. И. Сенников, Проблема текста оды «Вольность» А. Н. Радищева и идейно-художественное своеобразие лирики. — «Ученые записки Карагандинского государственного педагогического института», 1962, т. 3, вып. 1.
- Изд. 1790 — фотолитографское воспроизведение печатного текста «Путешествия из Петербурга в Москву», СПб., 1790 — А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, «Academia», М.—Л., 1935.

- Изд. 1872 — Сочинения А. Н. Радищева, под ред. П. А. Ефремова, тт. 1—2, СПб., 1872.
- Изд. 1953 — А. Н. Радищев, Стихотворения («Библиотека поэта», Малая серия), Л., 1953
- ПР — список оды «Вольность» начала 1860-х годов, переданный П. А. Радищевым П. А. Ефремову; хранится в ИРЛИ АН СССР. Впервые описан в работе: Г. И. Сенников, Проблема текста оды «Вольность» А. Н. Радищева и идейно-художественное своеобразие лирики. — «Ученые записки Карагандинского государственного педагогического института», 1962, т. 3, вып. 1.
- ПСС — А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, тт. 1—3, М.—Л., 1938—1952 (при ссылках на т. 1 дополнительной пометы после ПСС нет).
- Семенников — В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923.
- «Сириус» — А. Н. Радищев, Вольность. Ода. СПб., изд. «Сириус», 1906.
- СОС — Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева, ч. 1, М., 1806 (в части тиража — 1807).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. СОС, с. 190, с ошибками: в 3-й строфе ст. 3—4 соединены в один, а ст. 5 пропущен; Изд. 1872, с. 410, где появился ст. «Ее не позабуду», но восстановлен ли он П. А. Радищевым или это копьектура П. А. Ефремова — неизвестно. Как показал Радищев во время следствия, его «опыты письма» до женитьбы в 1775 г. «обращались всегда на нежные предметы, но все было с неудачею. Когда же... женился, то все любовное вранье оставил» (Д. С. Бабкин, Процесс А. Н. Радищева, М.—Л., 1952, с. 188).

2. «Былое», 1922, № 19, с. 25 (с ошибками по Б, публикация В. П. Семенникова); Барсков, с. 232 (по Б с поправками); ПСС, с. 18 (по Б с новыми поправками Г. А. Гуковского). Печ. по ПСС с уточнением по Г в ст. 4: «Первенственный». Жанр «Творения мира» обозначен в подзаголовке термином «Песнословие», что значит оратория, либретто музыкального произведения, предназначенного для пения солистами и хором в сопровождении оркестра или без него (исполнение «а капелла»). Тематика ораторий обязательно заимствовалась из Библии, аналогичные же по жанру произведения светского содержания назывались кантатами. В рукописных редакциях «Путешествия» оратория была включена в главу «Тверь» после «Вольности». После того как прочитавший оду Путешественник предупредил поэта — «автора» «Вольности» о невозможности напечатать ее (см. примеч. 4), следовало: «Он, поглядев на меня с презрением: «Прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее... Читайте: сие должноствовало быть для великого поста, некоторым случаем не dokonчено. Да будет оно пример, как можно писать не одними ямбами». Развернув, прочел следующее:

«ТВОРЕНИЕ МИРА»

Песнословие

Хор

Тако предвечная мысль, осеняясь собою и проч.»

— «Вы уже улыбаться начинаете, вам кажется уже, что читаете «Тилемахиду». Но смейтесь, как хотите; «Чудище обло, огромно, с трезвонной и лайя» не столь дурной стих. Но о сем теперь нехстате. Продолжайте и смейтесь». (Далее следует текст оратории. — В. З.).

— Конца нет. — «Что ж вы скажете о употреблении в одном сочинении разного рода стихов? Но сие смешение не только прилично малому и для пения определенному стихотворению, оно удачно будет и в эпосе. Не мой сей есть совет, но Мармонтелев». Я, собрав мои мысли, хотел ему на его стихи сказать нечто, может быть, ему и не приятное. Но колокольчик на дуге возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на почтовых клячах, оставляя Пегаса в парнасской конюшне, и для того я поспешно с новомодным моим стихоплетчиком простился» (В). Вопрос о датировке оратории недавно стал предметом полемики. До 1964 г. общепринятой была точка зрения Г. А. Гуковского, что «Творение мира» относится, «по-видимому, к 80-м годам, скорее к концу десятилетия» (ПСС, с. 448). Однако Г. П. Шторм, обосновывая гипотезу о «дописывании» Радищевым «Путешествия» в 1799—1800 гг., в качестве одного из двух главных аргументов выдвинул тезис о том, что «Творение мира» и его «прозаические окрестности» «вообще не могли быть написаны ранее, чем в 1799 году». Доказательства Шторма основаны на истолковании фразы: «...сие должноствовало быть для великого поста» — и сводятся к трем основным пунктам: 1) до 22 декабря 1796 г. правительственных законов, запрещавших светские спектакли и маскарады на время великого поста, не было, а в этот день Павел I «запретил» такого рода увеселения и «разрешил» в течение великого поста 1797 г. исполнять только оратории; 2) оратории вообще стали известны в России в 1790-х годах, но лишь после указа 1796 г. исполнение ораторий в великопостные дни стало распространенной модой; 3) сюжет радищевского «Творения мира» «чрезвычайно близок» к оратории И. Гайдна «Сотворение мира» на либретто Г. Ван-Свитена (который перевел и доработал текст оратории английского композитора Линлея, или Лидли, в свою очередь использовавшего текст 7-й песни «Потерянного рая» Д. Мильтона); а поскольку либретто «Сотворения мира» было опубликовано в Лейпциге 30 января 1799 г., постольку Радищев не мог начать работу раньше февраля этого года (см.: Г. Шторм, Потаенный Радищев, М., 1965, с. 245—268). Подавляющее большинство исследователей признало доводы Шторма о «зависимости» Радищева от Ван-Свитена несостоятельными (см. например: «Русская литература», 1966, № 1, с. 247—248, 252—253, 256). Л. Б. Светлов без развернутой аргументации предложил датировать произведение началом 1770-х годов (см.: «Философские науки», 1965, № 5, с. 145). В поддержку Шторма выступил М. Б. Козьмин, повторивший утверждение, будто «по своим жанровым особенностям «Творение мира» может быть отнесено к исходу XVIII века» («Вопросы литературы», 1966, № 5, с. 154). В после-

дующие годы гипотеза Шторма была опровергнута и результатами текстологического исследования. Оно показало, что оратория не могла быть написана в конце столетия, так как она включена в список Г, сделанный с протографа 1788 г. (см.: «Русская литература», 1970, № 2, с. 164—165). В дальнейшем Л. И. Кулакова вскрыла ошибочность гипотезы Шторма, установив, что: 1) светские увеселения на время великого поста были запрещены церковью еще в середине века (в России этот запрет действовал до 1917 г.), поэтому на протяжении всего XVIII в. в России и Европе ни спектаклей, ни маскарадов в великопостные дни и не могло быть; однако по крайней мере при Елизавете Петровне в Петербурге сначала при дворе, а затем и в частных домах устраивались великопостные духовные концерты; 2) широкое исполнение ораторий во время великого поста во дворце, Музыкальном клубе и на открытых публичных концертах начинается с конца 1770-х годов; рьяным организатором таких концертов был знакомый Радищеву француз Пезибль (а вообще с жанром оратории Радищев познакомился в 1767—1770 гг. в Лейпциге); 3) черты крайне отдаленного сходства «Творения мира» с либретто оратории Гайдна обусловлены темой, восходящей к Библии и «Потерянному раю» Мильтона (см.: Л. И. Кулакова, Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, Л., 1972, с. 43). Связь Радищева с Пезиблем — пропагандистом ораториального жанра в великопостные сезоны 1779—1780 гг., сходство ряда идей и образов «Творения мира» и «Слова о Ломоносове» (над которым писатель работал в 1780 г.), выход из печати «Потерянного рая» на русском языке в прозаическом переводе А. Серебrenникова (М., 1780), изучение Радищевым в 1780—1781 гг. английского языка и знакомство с поэмой Мильтона в оригинале (см.: Биография А. Н. Радищева, с. 56) — эти и некоторые другие данные в совокупности свидетельствуют о том, что замысел «Творения мира» можно отнести к 1779—1780 гг. Если же принять во внимание автобиографичность образа поэта в «Путешествии», то не исключено, что Радищев предназначал ораторию для великопостных концертов именно Пезибля, и тем «некоторым случаем», из-за которого она осталась незаконченной, было самоубийство Пезибля во время великого поста 1782 г. Произведение Радищева построено на мотивах библейского ветхозаветного предания о сотворении мира, наиболее полно изложенного в «Первой книге Моисеевой» (гл. 1). Разные мотивы этого предания варьируются в «Псалтири», «Книге Иова», «Книге пророка Иеремии». Однако предание, взятое из Ветхого завета, Радищев, как и Милтон, объединил с сюжетом, заимствованным из библейского Нового завета («Евангелие от Иоанна», гл. 1, ст. 1—5), и переосмыслил под углом зрения деистической философии и революционного мировоззрения (см. примеч. 4). Предшествовавшая и современная Радищеву русская поэзия к теме творения мира обращалась неоднократно, особенно в многочисленных преложениях псалмов (например, Симеона Полоцкого, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина и др.). Яркую картину «строительного чина» мироздания создал Ломоносов в «Оде, выбранной из Иова» (опубликована в 1751 г.). Резкую антипросветительскую направленность имела поэма В. К. Тредиаковского «Феоптия» (1754), напечатанию которой воспротивился Ломоносов. Космогонические

мотивы развернуты в духовных и философских одах Сумарокова, М. М. Хераскова и др., в поэме И. Владыкина «Потерянный и приобретенный рай» (СПб., 1776), во многих переводных произведениях.

Тако предвечная мысль и т. д. «Он... утвердил вселенную мудростью своею и разумом своим распростер небеса» («Книга пророка Иеремии», гл. 10, ст. 12; гл. 51, ст. 15). *Времени круга миры когда не измеряли*. В четвертый день творения бог создал светила «для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов» («Первая книга Моисеева», гл. 1, ст. 14—19); о множественности миров в Библии, разумеется, не говорится. *Вострепещи днесь*. Ср. ст. 27, 44, 50, 52, 65—66, 108—109 «Творения мира» с 3—4-й строфами «Гимна о премудрости божней в солнце» Сумарокова (ПСС, ч. 1, М., 1781, с. 225):

Вострепетала тьма, лишь только луч пустился:
Лишь только с высоты подвинулся с небес,
Горящею стрелой дом смертных осветился,
И мрак перед тобой исчез.

О солнце, ты живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества.

Ветхий се деньми и т. д. Ср. у Мильтона: «Дух божий, распростерши свои плодоносные крыла над водами, низринул от сих мест хлад, останок смерти» («Потерянный рай», песнь VII, перевод А. Серебрянникова). *Возлюбленное слово... Во мне, я ты, ты я*. «В начале было слово, и слово было у бога, и слово было бог. Оно было в начале у бога» («Евангелие от Иоанна», гл. 1, ст. 1—2); ср. у Мильтона: «Я содержу себя сам в себе. Буди ты исполнитель и разделитель благодати моя; она еще доселе не блистала». *Тебе я навсегда вручаю Владычество и власть мою*. Ср. у Мильтона: «И ты, Слово мое, сыне мой, от всея вечности рожденный мною! тобою исполню чудеса син; реки, и будет все. Я посылаю с тобою силу мою и дух мой, покрывающий все тению своею». *Тобою мир да сотворю... Твори жизнь, силу, вещество*. Ср. у Мильтона: «Слово создало небо и землю, вещество неустроенное и мрачное... Дух божий... дал силу и теплоту жизненную всей стихии». *А я в себе почию, бог*. «И совершил бог к седьмому дню дела свои... и почил в день седьмый от всех дел своих...» («Первая книга Моисеева», гл. 2, ст. 2). *Жизни начало зиждитель дает*. «Все чрез него (слово. — В. З.) начало быть... в нем была жизнь» («Евангелие от Иоанна», гл. 1, ст. 3—4). *Но корень твоего блаженства В тебе нетленен сотворю*. Мысль, что люди должны не возлагать надежду на вмешательство бога, а быть сами творцами своего счастья, с большей ясностью сформулирована в «Путешествии», где герой слышит в своем воображении голос бога: «Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все пужное насадила в разуме твоём и сердце» (гл. «Бронницы»). *Да окрепнет в твердь пучина* и т. д. «И сказал бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» («Первая книга Моисеева», гл. 1, ст. 6).

3. СОС, с. 199; Семенников, с. 222; «Биография А. Н. Радищева», с. 58 (с незначительными разночтениями). Печ. по СОС, с. 199. Посвящено памяти Анны Васильевны Радищевой (род. 1756?), которая умерла 3 августа 1783 г., через неделю после родов. Она была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, «где супруг ее хотел поставить ей памятник с этой эпитафией, но ему не позволили, потому что в ней выражается недостаточная уверенность в бессмертии души. Памятник поставлен был в лабиринте, на конце сада, принадлежавшего к дому Радищева» на Грязной улице (ныне — ул. Марата, 14; см.: «Биография А. Н. Радищева», с. 58). *Твоих чад*. От Анны Васильевны у Радищева осталось четверо детей: Василий (р. 1777), Николай (р. 1778), Екатерина (р. 1782), Павел (р. 1783); умерли Александр (р. и ум. 1776) и Елизавета (р. и ум. 1779), а также еще одна дочь, родившаяся и умершая в 1780 или 1781 г.

4. Изд. 1790, с. 356, в сокращении и пересказе, в составе главы «Тверь»; «Путешествие из Петербурга в Москву», Лондон, 1858, с. 281 (в главе «Тверь»), с редакторской правкой неизвестного происхождения, модернизирующей текст; Изд. 1872, с. 381 (по ПР с многочисленными цензурными сокращениями П. А. Ефремова, сохранился корректурный экземпляр с полным текстом оды); «Русская поэзия» под ред. С. А. Венгерова, т. 1, вып. 5, СПб., 1895, с. 846 (по ПР с большими цензурными изъятиями); «Сириус» (полностью по ПР с поправками П. А. Ефремова и С. Н. Тройницкого); «Былое», 1922, № 19, с. 18 (по Б с ошибками); Барсков, с. 213 (по Б с правкой по Изд. 1790 и конъектурами); ПСС, с. 1 (с новыми исправлениями к Б Г. А. Гуковского); Изд. 1953, с. 77 (в составе 50 строф по «Сириусу» с правкой, внесенной Г. П. Макогоненко по Изд. 1790 и Б) и с. 98 (строфы 9, 24, 26, 27; контаминация «Сириуса» с Б). Печ. по В с введением всех вариантов из Изд. 1790 (за исключением 10, 8—9. Здесь и далее первые цифры означают строфу, вторые — стих) и с исправлениями по Г, А, Б, ГИМ-1 и ГИМ-2, взаимно корректирующим друг друга. Проблема текста «Вольности» необычайно запутана, причем спор ведется по трем главным вопросам: 1) какие источники должны быть взяты за основу текста; 2) сколько строф должно печататься в составе оды; 3) какова творческая история «Вольности», то есть как соотносятся хронологически разные списки оды (особенно входящие в рукописные редакции «Путешествия») и Изд. 1790 (последний вопрос непосредственно связан и с проблемой датировки оды). В. П. Семенников, Я. Л. Барсков, Г. А. Гуковский, Л. И. Кулакова, Г. П. Макогоненко (до 1953 г.), Л. Б. Светлов и другие исследователи брали за основу текст Б, единственного известного в 1920—1940-х годах списка «Вольности» (в составе сводной редакции «Путешествия»). Правда, в 1949 г. А. И. Старцев сообщил о находке списков ГИМ-1 и ГИМ-2 (см.: Рукописное наследие Радищева. — «Огонек», 1949, № 35, с. 11), но его статья не попала в поле зрения исследователей. Все они по-прежнему полагали, что допечатную и единственно известную авторитетную редакцию оды отражает лишь Б, тогда как текст «Сириуса» восходит к списку Б, но основательно кем-то подновлен. В Изд. 1953 Макогоненко попытался доказать, что текст «Сириуса» более авторитетен, поскольку

здесь ода издана на основании «списка сына Радищева» (однако исследователю остался неизвестным сам список ПР), в котором будто бы отразилась предпоследняя стадия работы поэта (последняя представлена в Изд. 1790). Поэтому в Изд. 1953 текст «Сириуса» контаминирован с текстом Изд. 1790, а также с вариантами из Б (что оговорено не во всех случаях). Вместе с тем Макогоненко изъял из оды четыре строфы, заключив из текста «Путешествия», что «Радищев собирался публиковать оду полностью, но в составе 50 строф» (Изд. 1953, с. 264). Этот вывод был оспорен Кулаковой, которая обнаружила и исследовала два новых списка с полным текстом «Вольности» в 54 строфы — В и ГБЛ (и еще один список с полным текстом первых 26 строф, в котором имеются 9, 24, 26-я строфы, исключенные, по мнению Макогоненко, из окончательной редакции оды). Предложив ряд текстуальных поправок к тексту ПСС, Кулакова указала на необходимость класть в основу текста «Вольности» Б, В, ГБЛ в сочетании с Изд. 1790, поскольку текст, изданный «Сириусом», прошел в XIX—XX вв. редактуру минимум трех лиц (см.: К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность». — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1956, вып. 2, с. 150—158). Список ПР обнаружил и изучил Г. И. Сенников (нашедший также список ГПБ); он показал, что ПР представляет собой отредактированную копию с Б (см.: «Ученые записки Карагандинского гос. пед. института», т. 3, вып. 1, 1962, с. 99—130). Иную версию выдвинул Д. С. Бабкин, частично описавший найденные Старцевым списки «Вольности» — ГИМ-1 и ГИМ-2 (списки 1806 г., хранившиеся у П. П. Бекетова — издателя СОС; ему они были переданы, очевидно, сыновьями Радищева для включения в СОС, но туда ода не попала явно по цензурным причинам). Отметив, что текст ПР модернизирован редактором (исследователь считает, что им был П. А. Ефремов, а потому именуется список Павла Радищева «ефремовской копией»), Бабкин тем не менее утверждает, что «ефремовская копия в основном совпадает с рукописью, подготовленной для бекетовского издания», то есть с ГИМ-2, а следовательно, текст «Сириуса» «восходит к рукописи, хранившейся в бумагах П. П. Бекетова» (см.: Д. С. Бабкин, А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность, М.—Л., 1966, с. 291 и 292). Ошибочность этого утверждения с очевидностью выявляется текстологическим анализом указанных списков. Во-первых, в ПР воспроизведены карандашные исправления, сделанные в Б, по-видимому, П. Радищевым. Так, например, в 36,2 бывшее в Б «Различности» исправлено на «Различия»; 50,10 — «нов» на «вновь»; 52,1 — «приспе» на «пришла» и т. д. Большинство этих исправлений имеется в ПР, что не соответствует тексту списков ГИМ-1 и ГИМ-2, которые в этих случаях совпадают с Г, В, ГБЛ, ГПБ, а также с неисправленным текстом Б. Во-вторых, в ПР воспроизведены индивидуальные ошибки переписчика, изготавливавшего список Б, — ошибки, которые есть только в Б и не имеют аналогий в других списках, даже в В, изготовленном с того же протографа, что и Б. Так, в ПР повторяется ошибка Б «стрясут» (38,2) вместо верного «трясут», стоящего во всех списках; перешла в ПР из Б бессмысливающая текст описка «вселясь» (42,9), тогда как во всех других списках значится «валясь», и т. д. В-третьих, ПР отличается от остальных списков (и в том числе ГИМ-1 и ГИМ-2) на-

личнем вариантов, возникших в результате редакторской работы самого Павла Радищева: «И дав им» вместо «Облек их в» (8, 6), «Коль я смеюсь, то» вместо «Где я смеюсь, там» (12, 8) и др. В-четвертых, от всех списков и Изд. 1790 текст ПР отличается изрядным количеством вариантов, заимствованных из лондонского издания 1858 г., например (в левом столбце — текст А. Н. Радищева по спискам Г, А, Б, В, ГИМ-1, ГИМ-2, а также Изд. 1790; в правом — текст лондонского издания, списка ПР и «Сириуса»):

10,1	Воззрим мы в	Воззрим на
19,6	Безгласными	Бзсильными
25,6	сотрясает	сокрушает
38,6	раздирают	разрывают

Почему заимствования из издания 1858 г. оказались в списке П. А. Радищева, вполне понятно: лелея мысль о полной публикации «Вольности» в Лондоне (см.: «Литературное наследство», т. 62, 1955, с. 504), Павел Радищев правил оду в целом и в частности подгонял к тому тексту, который был уже напечатан за границей в составе «Путешествия». А поскольку копия, снятая с Б, была выправлена П. А. Радищевым по лондонскому изданию, текст ПР отделился от Б и приблизился к Изд. 1790, что создает иллюзию, будто бы ПР отражает более позднюю, чем Б, стадию работы над одой самого автора — А. Н. Радищева. На самом же деле этот вариант «Вольности» возник лишь в 1860-х годах в результате произвольной редактуры, а потому текст списка Павла Радищева (и соответственно «Сириуса») вообще не может приниматься в расчет при изучении творческой истории текста «Вольности». Однако в раздел «Варианты» настоящего издания включаются разночтения из лондонского издания (с условной пометой Л), списка Павла Радищева (ПР) и осуществленных по нему Изд. 1872, «Русской поэзии» (что специально не оговаривается) и текста «Сириуса» (С), поскольку исследование этих разночтений представляет определенный интерес для истории бытования «Вольности» в XIX—XX вв. и для характеристики приемов редакторской работы XIX в. В основной же текст оды эти варианты, как безусловно не принадлежащие А. Н. Радищеву, введены быть не могут. Значительно сложнее обстоит дело со списками ГИМ-1 и ГИМ-2 (а также близкими к ним ГБЛ и ГПБ). Оба списка ГИМ поверх первоначального текста имеют значительную правку (особенно ГИМ-2). Источники и первоначальных вариантов, и исправлений ясны не всегда. И то и другое иногда соотносится с Г, иногда с Б и В, иногда с Изд. 1790, а в иных случаях не имеет соответствий ни со списками, ни с Изд. 1790. Судя по некоторым разночтениям, начальный текст списков ГИМ восходит к допечатному варианту оды. Так, в 3, 10 в обоих списках было «Родился» (как в Г, А, Б, В), исправленное по Изд. 1790: «Вот что есть» (так в ГБЛ и ГПБ); в 4, 6 «Яснейших» совпадает с Г, А, Б, В и расхожится с Изд. 1790: «Яснейша». В других случаях начальный текст и поправки соответствуют разным спискам. Например, в 25,2 «тихий» (Б, В, ГПБ) исправлено в ГИМ-1 и ГИМ-2 на «синих» (Г, ГБЛ). В 10, 4 списки ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ дают бесспорно верное чтение «В царе», тогда как через Г, Б и В проходит явная

ошибка «В царстве». Однако во многих случаях ГИМ-1 и ГИМ-2 содержат несомненные ошибки: 5,6 — «И в ней змеином» вместо «И в неизменном»; 24,8 — «спавшему» вместо «спасшему»; 34,2 — «зверствавать» (ГИМ-1), «зверствовать» (ГИМ-2) вместо «зверствать» (Г, Б) или «зверство рать» (В, ГБЛ, ГПБ) и т. д. Главное же, что не позволяет отнестись с полным доверием к спискам ГИМ (особенно ГИМ-2, который был предназначен для типографии и потому правился более тщательно, чем ГИМ-1), — это многочисленные случаи правки редакторского типа, не совпадающей ни с другими списками, ни с Изд. 1790. Так, например, в ГИМ-2 в 1, 5 «твоим» исправлено на «своим»; 3, 1 — «претит моей» на «моей претит»; 3,2 — «Желаньям» на «Деяньям»; 50,2 — «крепка» на «тверда»; 52, 9-10 — «И стражу к словеси приставит Да будет тамо ей напасть» на «Ко вздоху стражу да приставит Да будет тамо ей напасть» (первоначальный вариант совпадает с текстом списка ГПБ, исправленный — со списком ГБЛ) и т. д. Нет никаких оснований полагать, что все исправления такого типа восстанавливают действительно радищевский текст, а не введены редактором (будь то один из сыновей Радищева, готовивших оду для издания, либо издатель Бекетов, либо какое-то иное лицо). Вместе с тем нельзя отрицать и того, что часть этих исправлений может соответствовать вариантам неизвестной нам пока рукописи Радищева (скорей всего — ранней), отражая работу поэта над отдельными стихами оды. Поэтому варианты «Вольности» по спискам ГИМ-1, ГИМ-2, ГБЛ, ГПБ необходимо учитывать в текстологической работе, хотя в целом ни один из этих посмертно отредактированных списков не может быть признан более авторитетным, чем списки, восходящие к протографам прижизненного происхождения, в которых нет никаких следов чужого вмешательства. Таких полных списков оды в настоящий момент известно три — Г (в составе начальной редакции «Путешествия», завершённой в 1788 г.), Б и В (в составе сводной редакции «Путешествия»; оба списка сделаны с одного оригинала — общего протографа БВ, над которым Радищев работал в конце 1789 — начале 1790 г.). Каждый из них содержит определенное количество опусков и ошибок, в каждом при переписке пропущены те или иные строки, слова. В целом, однако, эти три списка позволяют восстановить более или менее точный (насколько это возможно при отсутствии автографов) текст «Вольности» в ее единственной достоверно радищевской редакции (ибо, хотя ода входит в разные редакции «Путешествия», сама она представляет собой одну редакцию — при наличии стилистических вариантов в отдельных стихах). Кроме того, в цензурной рукописи «Путешествия» сохранилось 16 из 28 включенных в цензурную редакцию книги строк оды (текст А), а в Изд. 1790 процитировано 178 полных и 1 неполный стих «Вольности». Все стилистические варианты Изд. 1790 включены в основной текст, за исключением появившихся в результате согласования стихов с прозаическим пересказом (10, 8-9 — «Одно... Другое...» в Изд. 1790 согласуются со словами «суеверие священное и политическое», тогда как в самой оде было «Одна... Другая...», что соотносится с существительными «Власть» и «вера»). Все варианты и разночтения по Г, А, Б, В, не вошедшие в основной текст, см. в разделе «Варианты» (за исключением не фиксируемых в изданиях «Библиотеки поэта» разночтений

орфографического характера, например «данный» — «данной», «живешь» — «живешь» и т. п.). В качестве основного источника текста для настоящего издания избран список В, как отражающий более позднюю, чем Г, стадию работы поэта и содержащий меньшее число индивидуальных ошибок переписчика по сравнению с Б. Помимо разночтений из Изд. 1790 в текст В внесены исправления по другим спискам. В немногих случаях ошибки объясняются невнимательностью переписчика В (например, 42, 2 — «Неизменный»); большинство их содержится в протографе БВ и было точно воспроизведено по оригиналу переписчиками обоих списков — Б и В (например, 9, 7 — «оковал»). Приводим перечень исправлений, внесенных в настоящем издании в текст В по другим спискам (в скобках указан источник правки):

<i>Строфа, стих</i>	<i>Список В</i>	<i>Исправлено</i>
9, 7	оковал	основал (Г)
10, 4	В царстве	В царе (ГИМ-2)
10, 8	Одно	Одна (Г)
10, 9	Другое	Другая (Г)
11, 6	несподручны	непоручны (А)
11, 9	обветшалый	обветшавый (А)
13, 8	протекая	прорекая (Г)
17, 6	оранию	оратаю (А)
22, 6	едино	едина (Г)
24, 1	Нисполал	Ниспал (Г)
24, 7	действии	действе (ГИМ-2)
24, 8	как	нас (ГИМ-2)
25, 3	возгремели	взгремели (Г)
26, 6	священства	священный (Г)
26, 8	Сменися	Смеяся (Г)
28, 10	утвердит	утвердить (Г)
29, 3	прометая	пролетая (Г)
30, 4	Воспрянув	Вспрянув (Г)
31, 2	востока	востока (Г)
32, 5	господска рука	господа рукой (Г)
33, 3	жизненностью	жизненностию (ГИМ-2)
33, 6	смягчают	стягчают (Б)
33, 8	Бесплодны	Безбедны (Г)
33, 10	кормит	корчит (Г)
36, 2	спев	сняв (Г)
36, 9	Опытностию	Опытностью (Г)
37, 6	крылах	крыльях (Г)
37, 9	(стиха нет)	И славой новой облечется (ГИМ-2)
39, 1	Крутятся	Крутяся (Г)
39, 5	Заря	Разя (Г)
39, 9	во взор	в взор (ГИМ-1)
40, 5	Ругаясь	Ругаяся (Г)
40, 6	И точно	И то, что (ГИМ-2)
42, 2	Неизменный	Неизменимый (Б)
46, 3	Стремимся	Стремится (Г)

47, 6	ответшалый	ответшавый (Г)
48, 3	восток	всток (ГИМ-2)
50, 2	мненья	мнений (Г)
50, 6	Когда	Тогда (Г)
50, 7	Содрогаясь	Сдрогаюсь (Г)
52, 5	Встрещат	Встрещат (Г)
52, 7	Вкатясь где	Вскатясь горе (ГИМ-2)
54, 9	Сгущенну	Сгущенную (Г)

Приводим перечень существенных исправлений, внесенных в текст «Вольности» по сравнению с предшествующими наиболее авторитетными изданиями (Барсков, ПСС) с указанием основного источника исправления (см. также «Варианты»).

<i>Строфа, стих</i>	<i>Барсков, ПСС</i>	<i>Исправления в наст. изд.</i>
2, 2	моих	твоих (В)
4, 5	мрамора	мрамора (Изд. 1790)
10, 8	Одно	Одна (Г)
10, 9	Другое	Другая (Г)
11, 6	несподручны	неспоручны (А)
11, 9	ответшалый	ответшавый (А)
13, 4	ад	яд (В, прозаический пересказ в Изд. 1790)
13, 6	коленипреклоненно	колена преклоненна (В)
24, 1	Ниспослал призрак	Ниспал призрак, и (Г)
24, 7	действию	действе (ГИМ-2)
26, 5	трезубый	трегубый (В)
26, 8	прешенья	прошенья (В)
33, 7	Всещедра бога, в	Всещедры боги к (В)
33, 10	кормит	корчит (Г)
34, 2	стерта зверства	стерша зверство (В)
37, 8-9	По всей вселенной пронесется; Миров до края вознесется	Миров до края вознесется И славой новой облетится (ГИМ-2)
38, 2	трясут	трясут (В)
39, 1	Крутится	Крутясь (Г)
39, 5	Зовя	Разя (Г)
42, 9	вселясь	валясь (В)
43, 1	совершенство	совершенства (В)
48, 3	юг, восток	юг и всток (ГИМ-2)
48, 8	Отечество мое драгое	Отечество мое, отечество драгое (В)
50, 2	мненья	мнений (Г)
50, 7	Содрогшись	Сдрогаюсь (Г)
50, 10	вновь	нов (В)
51, 3	темной	томной (В)

51,	10	чтил	чтит (В)
52,	7	Вкатыся где	Вскатыся горе (ГИМ-2)
53,	9	Приидет во пз- неможеенье	Развесея в одно мгню- венье (Изд. 1790)

Вопрос о датировке «Вольности» неразрывно связан с проблемой ее творческой истории. Дореволюционные исследователи не сомневались в том, что ода была написана под влиянием французской революции (см., например: «Русская поэзия», указ, изд., с. 336 второй пагинации). Соответственно строфы 45—46-я, обращенные к «словутой стране», истолковывались как приветствие французской революции 1789 г. Только В. П. Семенников в 1923 г. обратил внимание на то, что «Путешествие» было отдано в цензуру за полгода до начала революции, и установил, что в 45—46-й строфах Радищев перефразировал абзац из книги французского историка и философа-просветителя Г. Рейналя (1713—1796) «Американская революция», вышедшей в свет в 1781 г. Из этого факта Семенников сделал вывод, «что «Вольность» написана или в самый период борьбы за независимость Америки (но не ранее 1781 г., когда Радищеву могла стать известной книга Рейналя), или же в ближайшее к периоду ее окончания (в 1783 г.) время» (Семенников, с. 7). В пользу второй даты, по мнению Семенникова, свидетельствует и «несомненное литературное соответствие с «Одой на рабство» Капниста, написанной в 1783 г.» (там же). Семенников же обратил внимание на то, что в Изд. 1790 нумерация строф расходится с полным текстом оды, и объяснил это стремлением автора удалить темные места (там же, с. 425—427). В 1953 г. Г. П. Макогоненко предпринял попытку конкретизировать вопрос об истории создания оды (более подробно его точка зрения изложена в работе 1956 г.). По мнению Макогоненко, творческая история «Вольности» распадается на четыре этапа: 1) написание оды в 1781—1783 гг.; рукопись этого времени не сохранилась; 2) подготовка оды для цензурного списка «Путешествия», отраженная в списке Б; 3) работа над одой после получения рукописи из цензуры; она зафиксирована в тексте, изданном «Сириусом»; 4) тщательная правка в корректуре (результаты этой работы отражает Изд. 1790); особенность последней редакции — «исключение по идейным мотивам четырех строф» (Радищев и его время, М., 1956, с. 410). Иную датировку «Вольности» попытались обосновать в 1964—1968 гг. Г. П. Штурм и Д. С. Бабкин — в 1966 г. По мнению Штурма, Радищев сдал в цензуру рукопись «Путешествия» с полным текстом 50 строф, причем в ней не было строф 45—47 и 51, которые «не были еще ни созданы, ни задуманы автором». Начав работу над «Вольностью» в 1783 г., Радищев, по Штурму, дописал ее только в 1799 г. (см.: Потаенный Радищев, М., 1968, с. 323). Согласно Бабкину, Радищев работал над одой в середине 80-х годов, но общий объем ее в момент сдачи рукописи в цензуру не превышал 28 строф. На втором этапе, совпадающем с периодом издания книги, ода была доведена до 50 строф. По-видимому, в начале 1798 г. Радищев, по мнению Бабкина, к бывшим ранее 50-ти дописал строфы 9, 24, 45, 46, 47 (Бабкин, указ. соч., с. 100—103). Однако, как свидетельствуют данные текстологического анализа списков «Путешествия» и все без исключения рукописи оды, начиная от восходящего к самому раннему оригиналу

1788 г. (в копии Г) и кончая посмертными (списки ГИМ 1806 г. и другие), «Вольность» на всех известных нам этапах своего существования состояла из 54 строф, и утверждения о последующем «дописывании» научных оснований не имеют. А поэтому в силе остается обоснованная Семенниковым и принятая всеми последующими исследователями датировка оды 1783 г. При включении же «Вольности» в «Путешествие» писатель многократно менял ее объем и состав. Может быть, сначала он предполагал включить в книгу полный текст 42-х строф (косвенным свидетельством существования такого замысла является дошедшее до нас указание на редакцию в составе 42-х строф и данный Радищевым в рукописях перечень строф, выбранных именно из 42-строфной редакции). В первой дошедшей до нас начальной редакции книги (список Г) глава «Тверь» открывалась текстом, в общих чертах близким к Изд. 1790, но после фразы: «Многие, признаюсь, из них справедливы» — следовало иное продолжение: Путешественник читал подряд, без прозаических вставок, текст 27 строф оды (что вместе с прочитанной ранее 1-й строфой составляло редакцию в 28 строф). Чтобы не переписывать самому 270 стихов из рукописи «Вольности», Радищев в тексте автографа только перечислил номера строф, которые должен был выписать из полного списка «Вольности» переписчик, и приложил полный список в 54 строфы, в котором на полях уже были пронумерованы 42, составившие сокращенную 42-строфную редакцию. Вот перечень строф, которые должен был выписать переписчик: «Строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 41, 42», — и далее следовало продолжение прозаического текста главы «Тверь»: «Прочитав, я ему сказал: «Если вы, государь мой, ни за чем другим едете в Петербург, как дабы истребовать дозволение на напечатание ваших стихов, то возвратитесь в покое домой и потщитесь исправить их от двух погрешностей: от нелепости выражений и, сказать вам могут, от нелепости мыслей». Он, поглядев на меня с презрением...» (дальнейший текст см. в примеч. 2). Указания, данные Радищевым переписчику в черновом автографе начальной редакции (копией которого является список Г), были реализованы служащим таможи А. Царевским, переписавшим набело рукопись «Путешествия» для представления в цензуру и под наблюдением автора выписавшим из полного текста именно те строфы, которые были указаны в перечне. Сама же полная рукопись оды осталась вложенной в автограф, и писец протографа БВ (а затем и тот переписчик, который изготавлял список Г), не поняв смысла радищевского перечня, допустили одинаковые ошибки, переписав полный текст «Вольности» вместо указанных 28 строф, причем в обоих случаях ода оказалась не на своем месте, а непосредственно после 1-й строфы, так что анализ этой строфы в рукописях отделен от ее текста 530 стихами. Но благодаря именно этим ошибкам переписчиков мы и располагаем копиями оды, восходящими к подлинно радищевскому тексту, в который не вторгалась рука постороннего редактора. После сдачи рукописи А в цензуру Радищев продолжал работу над книгой вообще и главой «Тверь» в частности. В конце концов он не дал сплошного стихотворного текста оды и уменьшил общий объем главы, исключив из нее «Творение мира» и ряд заключительных строф оды. Вместе с тем писатель ввел ряд важных идей, выпавших в сокращенной редакции

оды, путем пересказа. В Изд. 1790 процитировано всего 178 стихов полностью, но более или менее бегло охарактеризованы 50 строф. Когда книга была готова, Радищев начал приводить цензурную рукопись в соответствие с этим печатным текстом: он заменил прежние порядковые номера (шедшие от 1 до 28) на новые, соответствующие печатной нумерации (см. таблицу), зачеркнул строфу 11 старой нумерации (16 новой), из которой в Изд. 1790 вошел лишь один стих, а на поле против строфы 12 (17), также вычеркнутой, но введенной в Изд. 1790 полностью, написал: «NB. Вымарана ошибкою». Однако такого рода правку удалось довести лишь до 16-й (22) строфы, ибо дальнейший текст «Тверн» в Изд. 1790 никак не соответствовал тому, что было в цензурной рукописи. Вместо 120 стихов оды, прозаической связки и «Творения мира» в Изд. 1790 осталось лишь 17 стихов и 38 строк прозаического изложения «Вольности». И, дабы замаскировать это резкое расхождение между рукописью, утвержденной цензурой, и печатным текстом, Радищев, как и в других подобных случаях, просто изъясил из рукописи А листы. Изъятие же этих листов привело к тому, что историки литературы лишились ключа к перечню, который стал известен сначала по списку Б, а затем В и Г, и вместе с тем не было никакой возможности выяснить, какие именно строфы составляли вторую половину цензурной редакции оды, что скрывалось за цифрами 25, 30—32, 35, 38—42. Однако теперь эта загадка поддается решению. Дело в том, что у сыновей Радищева была рукопись (вероятно, черновая), в которой, помимо общей нумерации, имелась еще и особая, выделявшая из полного текста в 54 строфы сокращенный вариант в 42 номера. Один из редакторов списков ГИМ и перенес на поля ГИМ-2 карандашом эти особые номера. При сопоставлении особой нумерации с перечнем, сохранившимся в списках Г, Б и В, и с уцелевшими листами цензурной рукописи А с полной очевидностью выясняется абсолютное совпадение между ними, а это, во-первых, значит, что Радищев при составлении перечня указывал номера по редакции в 42 строфы (которая была выделена, однако, не в специальном списке, а в полной редакции оды в 54 строфы); во-вторых, теперь можно точно указать состав обеих сокращенных редакций — и в 42, и в 28 строф, то есть можно с полной определенностью сказать, в каком виде «Вольность» была сдана в цензуру; в-третьих, ныне можно с абсолютной уверенностью назвать те строфы, которые не вошли в прозаический пересказ 50 строф в тексте Изд. 1790. Для наглядности и ясности сопоставления данные из разных рукописей и Изд. 1790 сведены в таблицу (см. с. 239). Неуклонное сокращение удельного веса текста «Вольности» в структуре книги отнюдь не объясняется цензурными причинами: самые «криминальные» строфы, развивавшие идею народной революции, Радищев сохранял во всех редакциях. Писатель руководствовался прежде всего композиционными соображениями; ведь после цензуры он включил в основной текст «Путешествия» ряд «чужих» произведений: «Повествование о происхождении цензуры», «Слово о Ломоносове», письмо о браке Дурындина и т. д. Кроме того, Радищев полного текста оды дать не мог и не хотел по разным причинам. Иногда текст оды слишком явно дублировал то, что уже было сказано в предыдущих главах. Так, в речах «порциателя цензуры» в «Торжке» развиты мотивы 9-й строфы, в размышления Путе-

Состав и нумерация строф в полной, сокращенной и цензурной редакциях оды и печатном тексте главы «Тверь»

Полн. (54)	Сокр. (42)	Ценз. (28)	Изд. 1790 (50)	Число стихов в Изд. 1790	Полн. (54)	Сокр. (42)	Ценз. (28)	Изд. 1790 (50)	Число стихов в Изд. 1790
1	1	1	1	10	28	—	—	—	—
2	2	—	2	1	29	25	(19)	25	0
3	3	2	3	10	30	—	—	26	0
4	4	3	4	10	31	—	—	27	0
5	5	—	5	3 ^{1/2}	32	—	—	28	0
6	6	4	6	10	33	—	—	29	0
7	7	5	7	10	34	—	—	30	0
8	8	—	8	3	35	—	—	31	0
9	—	—	—	—	36	—	—	32	0
10	9	—	9	6	37	—	—	33	0
11	10	6	10	4	38	26	—	34	3
12	11	7	11	10	39	27	—	35	0
13	12	—	12	1	40	28	—	36	0
14	13	8	13	10	41	29	—	37	2
15	14	9	14	10	42	30	(20)	38	0
16	15	10	15	10	43	31	(21)	39	0
17	16	11	16	1	44	32	(22)	40	0
18	17	12	17	10	45	33	—	41	0
19	18	13	18	10	46	34	—	42	0
20	19	14	19	10	47	35	(23)	43	0
21	20	15	20	10	48	36	—	44	0
22	21	—	21	2	49	37	—	45	0
23	22	16	22	10	50	38	(24)	46	0
24	—	—	—	—	51	39	(25)	47	0
25	23	17	23	7	52	40	(26)	48	1
26	—	—	—	—	53	41	(27)	49	2
27	24	(18)	24	0	54	42	(28)	50	2

шественника в «Подберезье» введено содержание 24-й и 26-й, в «Краткое повествование о происхождении цензуры» — снова 26-й и 28-й; в последнем абзаце «Слова о Ломоносове» развивается сравнение, построенное на мотивах 27-й строфы, и т. п. В некоторых случаях взгляды самого Радищева со времени создания «Вольности» изменились настолько, что он уже не мог повторить того, о чем писал раньше. Характерный пример такого рода — строфы 45-я и особенно 46-я, в которых выразилось восторженное отношение Радищева к Америке в начале 80-х годов, впоследствии сменившееся резко отрицательным (см. «Хотило» и «Вышний Волочок»). Наконец, по видимому, Радищеву иногда казалось, что мысль выражена не вполне удачно или слишком длинно. Так, двадцать стихов 42-й и 43-й строф писатель заменил одной фразой, сформулированной предельно кратко и афористически четко: «Таков есть закон природы:

из мучительства рождается вольность, из вольности рабство». В конечном счете писатель привел в тексте «Твери» полностью 13 строф, 15 пересказал с включением отдельных строк или отрывков, 22 изложил в самом общем виде. Утверждение, что Радищев отказался от четырех строф (9, 24, 26 и 28-й) по идейным мотивам, не равномерно, так как содержание этих строф полностью перешло в другие главы «Путешествия» (а 26-я использована даже в двух). И вообще надо подчеркнуть, что о редакциях в 42, 28 и 50 строф можно говорить лишь условно, поскольку все они связаны только с «Путешествием», а не с «Вольностью» как самостоятельным произведением. Ода «Вольность» как художественное целое состоит из 54 строф, что подтверждается всеми списками.

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — один из организаторов убийства Юлия Цезаря; в XVIII в. его имя было символом несгибаемого республиканца и цареубийцы. *Телль* Вилгельм (XIV в.) — герой швейцарского сказания, убийца наместника-тирана; это убийство послужило сигналом к свержению австрийского ига. *Я в свет исшел, и ты со мною*. Речь идет о человеке в «естественном состоянии». Радищев разделяет убеждение философов-просветителей, что людям до образования гражданских обществ присуща ничем не ограниченная свобода, их поступками руководит лишь их желание, воля. *Но что ж претит моей свободе* и т. д. В 3—6-й строфах речь идет о добровольном ограничении людьми своих желаний при объединении на началах «общественного договора», возникновении закона, равно справедливого по отношению к каждому члену гражданского общества. *Паросска мрамора белее*. Мрамор, добываемый на острове Парос в Эгейском море, славится белизной. *Зерцало* — трехгранная призма, установленная в судах по указу Петра I; на ней было начертано напоминание судьям хранить истину, судить строго по законам. *Меч, весы* — символы неотвратимости наказания и правосудия. *Гнущаясь жертвенныя тли* — то есть тленных, презренных подношений (презирая подкуп). *Чудовище ужасно* — религия. *Градские власти там все мирны*. После заключения мира с Турцией в 1774 г. и подавления крестьянской войны в 1775 г. в многочисленных указах, журнальных статьях, хвалебных одах прославлялась Екатерина II, установившая «мир и тишину» в России. В «Путешествии» Радищев вскрыл связь между идеей «мира и тишины» и самодержавием, «мучительством» (см. гл. «Яжелницы»). *Власть царска веру охраняет* и т. д. Утверждая, что религия и самодержавие угнетают общество совместно («союзно»), поддерживая друг друга, Радищев полемизирует с Руссо, который считал, что церковь и светское правительство борются между собой за власть. *Чело надменное вознесши* и т. д. Впоследствии Радищев развил это изображение монарха в «сне» в главе «Спасская Полесь» (ср. особенно ст. 8—9, соотносящиеся с саркастической картиной горести придворных при зевке самодержца и радости при чихании). *Он молвит, вольность прорекая*. Радищев постоянно подчеркивал, что революционное движение предваряется словом. *Право мицenne природы* — право мицenne, основанное на естественном (природном) законе самосохранения, следствием которого является право на самозащиту и на воздаяние за обиду. *Влечет его как гражданина* и т. д. Народ судит монарха как преступника, нарушившего «общественный договор»

(см. также: А. Старцев, Радищев в годы «Путешествия», М., 1960, с. 168). *Тебя облек я во порфиру* — то есть сделал тебя царем (порфира — мантия багряного цвета, один из атрибутов монархической власти). Изображая суд народа над монархом, Радищев опирался на конкретный исторический пример — суд английского парламента над королем Карлом I (1600—1649, правил с 1625 г.). Ряд пунктов обвинительной речи народа, обращенной в оде к монарху, перекликается с обвинительным актом, предъявленным Карлу 20 января 1649 г. *Медны... громады* — пушки. *Возмнил, что ты господь* — то есть господин. *В отличность знак изобретенный* — орден. *Великий муж, коварства полный* и т. д. Речь идет об Оливере Кромвеле (1599—1658), выдающемся деятеле английской революции XVII в. *Самсон* — библейский силач, который так потряс стены храма, что они рухнули и погребли его врагов. *Словив опор духовной власти* и т. д. Речь идет о роли в истории немецкого богослова и религиозного реформатора Мартина Лютера (1483—1546), который в 1517 г. выдвинул «тезисы», направленные против индульгенций, догматов католицизма, папских декретов и посланий. Выступление Лютера послужило сигналом к началу Реформации; это движение, будучи, по существу, антифеодальным вообще, приняло форму борьбы против католической церкви. *Венец трегубый* — то есть тройной — тиара, корона римского папы; она окружена тремя расположенными один над другим венцами. *Жезл священный* — посох священнослужителя высших рангов, символизирующий их право и обязанность вести свою духовную паству и отгонять от нее врагов. *Проклятий молний утишил*. Молний — то есть молнии; окончание «ий» вместо «ни» встречается и у других поэтов конца XVIII в., например у Державина: «молний», «в Россий», «впоследствий» и пр. Речь идет о том, что Лютер отказался явиться на церковный суд в Рим, а получив папскую грамоту об отлучении его от церкви, в 1520 г. публично сжег ее. *Мнимое прощенье* — индульгенции, грамоты о прощении грехов, которыми широко торговало католическое духовенство. *Подъял луч Лютер просвещенья*. Радищев считал Лютера поборником свободы совести, борцом против схоластики и оков католической религии; эта сторона деятельности Лютера, по мнению Радищева, способствовала подъему просвещения и расцвету науки. *Сый всегда* — вечно сущий, то есть бог. Радищев строит развернутое сравнение на библейском мифе о творении мира (см. примеч. 2), который истолковывается в духе деистической философии, ибо бог выступает только в функции пружины, давшей первотолчок вселенной. Аналогичное сравнение Радищев использовал в «Слове о Ломоносове», где он имел в виду не только Ломоносова, но и себя как первого «проризателя вольности» (см.: ПСС, с. 392). *И дал превыспренно стремленье* и т. д. Связывая успехи человеческого «рассудка», освобожденного от религиозной «лжи», с деятельностью Лютера, Радищев исходил из своего представления о роли личности в истории в связи с общим «свойством разума человеческого»: «Едва один возмог, осмелился, дерзнул изъяться из толпы, как вся окрестность его согреается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепиться к мощному магниту...» (ПСС, 2, с. 129). *Галилей* Галилео (1564—1642) применил для исследования ночного неба усовершенствованный телескоп и открыл кратеры и горы на Луне, спутники Юпитера, вращение Солнца и

пятна на нем, сложное строение Млечного Пути и т. д.; эти его открытия опрокинули догматы об «идеальных сферах» мироздания и совершенстве небесных тел, утвердили представление о гелиоцентрической системе мира, в которой Земля является лишь одной из планет. *Господне стадо* — стадо, принадлежащее господину, помещику. *Господню волю* — волю барина; об экономической невыгодности крепостного труда Радищев неоднократно писал в «Путешествии». *Не господя рукой надменна*. О принудительных браках крепостных по приказу помещиков говорится в главах «Медное» и «Черная грязь». *Десятина* — в католических странах специальный налог в пользу церкви, ложившийся тяжким бременем на плечи низших сословий. *Стерша зверство рать* — рать, уничтожившая деспотизм. *Не груда правильно стремится*. Речь идет о правилах феодально-военной муштры, превращавшей солдат в «куклы» (см. гл. «Хотиллов»). *Вашингтон Джордж* (1732—1799) — главнокомандующий американскими войсками во время войны за независимость колоний Северной Америки с Англией (1776—1783), первый президент Североамериканских Соединенных Штатов. *Двулична бога храм закрылся* — то есть прекратились войны. Древнеримский бог Янус изображался человеком с двумя лицами; двери его храма на римском Форуме были открыты во время войны и закрывались при заключении мира. *Пиндар* (518?—442 или 438 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик. *Невтонова глава*. Невтон — Исаак Ньютон (1642—1727). *Марий, Сулла*. Гай Марий (156—86 до н. э.) и Луций Корнелий Сулла (138—70 до н. э.) вели гражданскую войну за единоличную власть в Риме. *Весы золотые мзды позорной* и т. д. Став диктатором Рима в 82 г. до н. э., Сулла составил проскрипции — списки подлежащих уничтожению лиц, причем смерти предавались и те, кто принял у себя или спас осужденного. «Зато тому, кто умертвит осужденного, он назначил награду за убийство... если раб убьет господина, даже если сын отца...» (Плутарх, II, с. 145). *Август* — Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э. — 14 н. э.), хитростью, коварством и кровопролитием достиг верховной власти и стал императором Рима, приняв имя Август; по мнению историков XVIII в., добившись власти, Август стал добрым и щедрым. *Сей был и есть закон природы* и т. д. В 42—43-й строфах Радищев развивает теорию циклического развития человечества. Теория циклизма сложилась еще в античности, но история человечества рассматривалась как движение по замкнутому кругу. В новое время иной характер придал теории циклизма итальянский мыслитель Д. Вико (1668—1744), автор труда «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Согласно Вико, вслед за эпохами восхождения к господству разума следуют эпохи упадка, возвращения к варварству; затем следует новый цикл социально-исторического развития, но начинается он на более высоком уровне, чем предыдущий. Сформулированные Вико законы истории в той или иной форме нашли отражение в трудах французского философа-просветителя Ш.-Л. де Монтескье, шотландского философа и историка А. Фергюсона, немецкого мыслителя И.-Г. Гердера, а затем в теориях Кондорсе, Гегеля и др. Теория циклического развития человечества неоднократно привлекала внимание Радищева и впоследствии (гл. «Подберезье», «Тверь» в «Путешествии», «Песнь историческая» — см. 8, «Осьмнадцатое столетие» — см. 16, и др.) *Да не ди-*

вися превращенью и т. д. Радищев развивает одно из основных положений французского материализма XVIII в., наиболее ярко выраженное в «Системе природы» (1770) П.-А. Гольбаха, — о вечном круговороте материи благодаря движению. Связывая законы истории человечества с всеобщим законом природы, Радищев расходится с Руссо, который утверждал, что история человечества является сплошной цепью заблуждений и противоречит законам природы. *К тебе душа моя вспаленна* и т. д. Поэт обращается к независимой республике Североамериканских Соединенных Штатов, свергнувшей власть английского короля. Вскоре, однако, это восторженное отношение к Америке сменилось резко отрицательным, поскольку в американской буржуазной республике не было уничтожено рабство негров. Поэтому строфы 45—46-я были исключены из сокращенной и цензурной редакции оды и завуалированы в пересказе в Изд. 1790, в главе же «Хотиллов» Радищев прямо спорил с собственным определением Америки как «словутой страны» и включением ее в число «счастливых народов» (см. также гл. «Вышний Волочок»). *Чтоб брег твой пелл хотя мой скрыл* — переложение в стихи обращения Рейналя к Америке. *Величеством, что днесь я пел* — то есть величественность, свободой, революцией. *Отечество мое, отечество драгое*. Здесь ритмическое движение четырехстопного ямба сознательно нарушается стихом шестистопного ямба. *Но дале чем источник власти* и т. д. Предсказывая будущее России, Радищев полемизирует с Руссо, который полагал, что республиканское правление возможно лишь в территориально небольших странах, а для больших необходима монархия. Радищев же считал, что большие размеры самодержавного государства с увеличением расстояния от источника власти ослабляют связь между центром и окраинами. Гнет самодержавия приведет к революции и гражданской войне, в ходе которой государство разделится на ряд республик; добровольно объединившись в федеративный союз, они совместно «задают» монархию. *Стражу к словеси приставит* — учредит строгую цензуру; о цензуре Радищев писал в «Путешествии» (гл. «Торжок»). *На небо смертность воззовет*. Смертность — здесь: люди, человечество. *Мне слышится уж глас природы* и т. д. Радищев вновь прибегает к библейскому мифу о творении мира, сопоставляя с первым днем творения крушение монархии и победу революции.

5. «Живописец. Еженедельный журнал Н. И. Новикова», СПб., 1864, с. 347, без ст. 6, в примечаниях П. А. Ефремова; публикации предпослано сообщение: «В имеющемся у меня старинном рукописном сборнике (1792) есть следующая интересная заметка: „Ответ г-на Радищева, во время проезда его через Тобольск, любопытствующему узнать о нем“». Печ. по Изд. 1872, с. 401 (но без загл., данного Ефремовым: «Ответ Радищева при проезде через Тобольск»). В Тобольске, по пути следования в ссылку, Радищев прожил более семи месяцев — с 20 декабря 1790 до конца июля 1791 г. Датируется скорее всего началом года, ибо в письме А. Р. Воронцову от 8 марта Радищев сообщал: «... я стал большим домоседом и думаю, что поступаю правильно» (ПСС, 3, с. 355).

6. СОС, с. 171, под явно не соответствующим тексту загл. «Послание» и с разбивкой не на реплики, а на куски, разделенные чер-

точками после ст. 7, 11, 17 и т. д. Печ. по ПСС, с. 124. Судя по содержанию стихотворения, оно написано по дороге в ссылку, а ст. 8—11 («лишен друзей и чад» и т. д.) и 49—57 (пробуждение надежды и предчувствие приближающейся радости) позволяют предположить, что в нем отразились настроения Радищева в ожидании приезда родных или его чувства в первые дни после их прибытия. 2 марта 1791 г. в сопровождении одного из братьев поэта в Тобольск приехала Е. В. Рубановская (см. примеч. 13), которая привезла к ссылке писателю его младших детей — Екатерину и Павла. В предшествующие или последовавшие непосредственно за этим событием дни и написано стихотворение. Отражающаяся в нем смена чувств — переход от печали и скорби к радости — зафиксирована в письмах Радищева к А. Р. Воронцову (см.: ПСС, 3, с. 353 и др.). *Претящей властью отсюду окруженный, На что мне жить, когда мой век стал бесполезен?* Характерную для просветительской этики мысль о праве человека на самоубийство как форме протеста против деспотизма Радищев неоднократно высказывал в «Путешествии»; см. концовку гл. «София», цензурную редакцию «Черной грязи» и особенно гл. «Крестьяцы» (см. вступит. статью, с. 14). *Блаженством всё сие я почитать не мог* и т. д. Радищев, очевидно, имеет в виду слухи и сплетни, распускавшиеся о нем завистниками и «пострадавшими» при попытке провоза контрабанды (см., например: «Биография А. Н. Радищева», с. 59). *Закон незыблемый* и т. д. — закон вечного круговорота природы (см. примеч. 4). *Приятный тихий сон телесности обновил* и т. д. Заключительные стихи не только по мысли, но и лексически повторяются в начале письма А. Р. Воронцову от 15 марта 1791 г. (см.: ПСС, 3, с. 355).

7. СОС, с. 198. Перевод «Молитвы» — заключительной части «Поэмы о естественном законе» (1752) французского философа-просветителя, писателя, поэта Вольтера (1694—1778); источник указан Я. К. Гротом (Сочинения Державина, т. 3, СПб., 1866, с. 467). Антиклерикальная по направленности, деистическая по существу, воплотившая мечту Вольтера об универсальной философской религии, «Поэма о естественном законе» особенно привлекала внимание Радищева во время работы над трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1792). По-видимому, к этому периоду относится и перевод; в пользу этой датировки свидетельствует и традиционная поэтика — шестистопный ямб с парной рифмовкой. В 1793 г. четыре стиха из «Молитвы» Вольтера перевел и включил в предсмертное письмо ярославский дворянин И. М. Опочинин — вольнодумец и атеист, окончивший жизнь самоубийством. Неоднократно обращался к этому произведению Г. Р. Державин (см.: В. А. Западов, Державин и Руссо. — В сб. «Проблемы изучения русской литературы XVIII века», вып. 1, Л., 1974, с. 56). Радищевский перевод вдвое короче державинского и соответствует числу стихов оригинала.

8. СОС, с. 63. Печ. по ПСС, с. 74, где исправлены некоторые опечатки. В наст. изд. дополнительно исправляется ст. 1745: «Арриана» вместо «Адриана». Традиционная датировка поэмы концом 1801 — первой половиной 1802 г. основана только на интерпретации ст. 1325—1341 как намека на убийство Павла I, «кротость» начала

царствования Александра I и последующий отход его от либерализма. Однако последний год жизни Радищев настолько был занят в Комиссии по составлению законов и работой над литературными сочинениями (точно датируемыми этим временем), что он не мог успеть написать еще и громадную поэму почти в 1900 строк; к тому же у поэта к концу 1801 г. вряд ли могли появиться основания для обвинения Александра в «лютости и злобе». Поэтому в 1956 г. Г. П. Макогоненко датировал «Песнь историческую» 1792—1795 гг. (Радищев и его время, с. 547—551). В принципе исследователь прав: поэма писалась, скорее всего, в Илимске, но только позднее — в конце 1795—1796 гг. Дело в том, что «русский стих» «Песни исторической» полемичен по отношению к стиху поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794), с которой Радищев не мог быть знаком раньше второй половины 1795 г. (подробней см. во вступит. статье, с. 38). В работе над поэмой Радищев использовал огромное количество исторических источников. Некоторые из них упомянуты в тексте: политико-нравоучительный роман английского писателя Э. М. Рамзая «Путешествия Кира» (1727), трактат Монтескье «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734), «История Корнелия Тацита (I—II вв.)». Помимо этого, Радищев несомненно использовал Библию, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Размышления о греческой истории» Мабли (эта книга в 1773 г. вышла в русском переводе самого Радищева), «Древнюю историю» и «Римскую историю» Роллена, «Анналы» Тацита, первые двенадцать частей «Словаря исторического» (М., 1790—1793, напечатаны В. И. Остроковским как приложение к «Московским ведомостям») и т. д. Теория циклического развития гражданских обществ, составляющая философский стержень поэмы, ближе всего подходит к трактовке А. Фергюсона (см. примеч. 4): республика сменяется монархией, монархия — деспотией.

Не красна изба углами, Но красна лишь пирогами. Эпиграф может быть истолкован двояко: в истории важны не внешние проявления формы правления, а его сущность; в поэзии важна не форма сама по себе, а серьезное содержание (poleмический выпад против Карамзина, который назвал «безделкой» написанную «русским стихом» поэму «Илья Муромец»). *Дельфийская пифия* — предсказательница будущего, жрица оракула в храме Аполлона в Дельфах. *Муж ума и духа сильна* — Моисей, легендарный вождь и законодатель евреев, который вывел свой народ из плена, творя при этом разные чудеса; рассек жезлом *Черное* (Красное) море и провел евреев между двумя стенами вод, накормил голодавших в пустыне «манной небесной» и т. п. В результате божьего «откровения», сопровождаемого громом и молнией, Моисей, согласно Библии, получил скрижали с заповедями, которые легли в основание «истинной религии» евреев. *Магомет*, или Мухаммед (между 570 и 580—632) — основоположник мусульманской религии, ислама, автор священной книги мусульман — Корана (у Радищева — «Алкоран»), где, в частности, говорится, что каждый правоверный после смерти будет наслаждаться в раю в объятиях прекрасных дев — гуррий. *Ученник его* и зять — Али (602—661), арабский халиф, начавший распространять учение Магомета при помощи оружия. *Семирамида* — легендарная царица Ассирии, мудрая и могущественная, но порочная власти-

тельница. *Навуходоносор II* (604—562 до н. э.) — вавилонский царь; после вторичного взятия Иерусалима (древнее название его — Салим, или *Салем*) в 586 г. приказал разрушить город. Согласно Библии, бог наслал на него помутнение разума, и Навуходоносор вообразил себя волком. *Иегова* — одно из наименований бога у древних евреев. *Троя* — город и государство в Малой Азии. *Тир, Сидон* — города-государства и крупные торговые центры в Финикии (Ближний Восток). *Карфага* — Карфаген, город-государство в Северной Африке, основанный выходцами из Финикии; затем — столица крупнейшей державы Средиземноморья. *Хины* — китайцы. *Омир* — Гомер, легендарный автор «Илиады», эпической поэмы, в которой воспеты события Троянской войны, подвиги *Ахилла, Гектора* и Париса (*Париды*). *Ганнибал Барка* (247 или 246—183 до н. э.) — карфагенский государственный деятель и выдающийся полководец. *Се потомки мудрых брамов* и т. д. Речь идет о том, что в Индии, значительная часть которой к концу XVIII в. была захвачена англичанами, в семьях, принадлежащих к касте жрецов-брахманов («брамов»), из поколения в поколение устно передаются древнейшие религиозные гимны на древнеиндийском языке, *санскрите*, — веды (один из ведических циклов, «Яджурведа», Радищев называет «*Езурведам*»). *Конфуций* — Кун-цзы (ок. 551—479 до н. э.), китайский философ, основатель этической доктрины, в основе которой лежал культ предков. *Зороастр* — легендарный основатель древнеперсидской религии. *Кир Старший* — древнеперсидский царь (558—530 до н. э.), присоединивший к Персии колоссальные территории. По преданию, желая овладеть массагетскими племенами Средней Азии, сватался к царице массагетов *Томирис*; получив отказ, направился в завоевательный поход, во время которого был убит, причем голову его бросили в бурдюк с кровью. *Повесть правдивая*. Что противопоставляет Радищев роману *Рамзеля*: «Киропедию» Ксенофонта, «Историю» Геродота или «Географию» Страбона — неясно. *Руно золотое* — золотая шкура волшебного барана, хранившаяся у колхидского царя Ээта, которую добыли греческие герои во главе с *Ясоном* при помощи дочери Ээта *Медей*. *Алкид* — величайший из героев античной мифологии («баснословия») Геракл, совершивший множество подвигов: он убил египетского царя *Бузирида*, приносившего в жертву богам всех чужестранцев; победил фракийского царя *Диомида*, кормившего своих коней человеческим мясом, и кинул его самого на растерзание коням; связал страшного Эримантского вепря; перебил Стимфалийских птиц, медные перья которых поражали путников как стрелы; убил стоголовую змею — Лернейскую гидру; задушил неуязвимого для оружия Немейского льва; поймал неуловимую златорогую и меднокопытную Керинейскую лань; победил речного бога Ахелоя (*Архелоя*), который в борьбе с Гераклом принял образ быка, и выломил ему рог; помог олимпийским богам одолеть восставших против их власти гигантов; задушил великана Антея (*Анфия*); победил диких кентавров — полулюдей-полуконей; победил и отдал в жены своему другу Тесею (*Фисею*) Ипполиту, царицу воинственного племени амазонок, состоявшего из одних женщин, презиравших брак; освободил титана Прометея (*Промифея*), который в наказание за то, что похитил с Олимпа огонь и научил людей пользоваться им, был прикован к скале на Кавказе, и прилетавший

каждое утро орел клевал его печень (Геракл убил этого орла — у Радичева «врана»); дойдя до пределов земли, он раздвинул гору, отделявшую Средиземное море от мирового Океана, и по бокам соединившего их пролива воздвиг «Гераклозы столбы» — *Калле* и *Абилу* (Гибралтар и Сеуту); спустившись в подземное царство *Плутона*, он одолел и связал стража адских врат — трехглавого пса *Кервера* (Цербера); в наказание за убийство друга он был осужден на службу лидийской царице *Омфале* и, влюбившись в нее, надел женское платье и сменил палицу на прялку; сын царя богов и людей Зевса, Геракл, подобно отцу, имел много возлюбленных и жен, а однажды, в течение одной ночи, от него забеременели пятьдесят девушек, дочерей Фиспия; после смерти Геракла Зевс даровал ему бессмертие и взял на Олимп. *Кодр* — царь Аттики; когда в нее вторглись дорийцы, оракул предсказал, что Аттика не погибнет, если пожертвует самым дорогим, что у нее есть; решив, что самое драгоценное — это справедливый царь, Кодр пожертвовал собою, и после его смерти (предание относит ее к 1068 г. до н. э.) афиняне отменили царскую власть. *Дракон* (VII в. до н. э.) — древнейший законодатель Афин; жестокость его законов вошла в пословицу. *Солон* (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.) — афинский политический деятель; его законы в пользу демоса имели ограниченный характер. *Пизистрат* (ум. 527 до н. э.) — афинский тиран, захвативший власть в 560 г. до н. э. *Ликург* — легендарный законодатель Спарты, которому приписывались почти все законы этого города-государства. *Времена настали страшны*. Речь идет о греко-персидских войнах 500—449 гг. до н. э. *Мильтиад* — Мильтиад (ок. 550—489 до н. э.), победитель персов при Марафоне (490 г.), умер в тюрьме. *Леонид* (508 или 507—480 до н. э.) — спартанский царь; погиб в битве у Фермопил, защищая с тремястами спартанцев отход основных греческих сил. *Аристид* (ок. 540 — ок. 467 до н. э.), прозванный «Справедливым», — афинский государственный деятель и полководец; в 483—482 гг. был изгнан из Афин путем *остракизма* — голосования черепками, причем, по преданию, во время голосования по просьбе неграмотного крестьянина написал свое имя на черепке. *Фемистокл* (525—461? до н. э.) — афинский полководец и государственный деятель, соперник Аристиды. По его плану и под его руководством греческий флот одержал победу над персидским в битве при *Саламине*. Отстаивая свой план сражения, Фемистокл сказал заманувшемуся на него палкой флотоводцу Эврибиаду: «Бей, но выслушай!». Во время Олимпийских игр 476 г. все присутствовавшие приветствовали его. *Перикл* (ок. 490—429 до н. э.) — великий политический деятель, при котором Афины стали центром политической, экономической и культурной жизни Греции; осуществил ряд мероприятий, направленных к демократизации строя Афин. *Фидий* (ок. 490 — ок. 431 до н. э.) — гениальный скульптор. *Аспазия* — знаменитая красотой и умом гетера; ее дом посещали Сократ и другие выдающиеся люди; Перикл женился на Аспазии. *Сократ* (470 или 469—399 до н. э.) — философ-идеалист; особое внимание обращал на морально-этические и политические проблемы. В «Путешествии» Радичев назвал его «вочеловеченной истиной». *Анаксагор* (ок. 500—428 до н. э.) — выдающийся ученый и философ-материалист, борец против религиозных предрассудков. Обвиненный в безбожии, он был

приговорен к смерти, которая, благодаря заступничеству Перикла, была заменена изгнанием. *Дать вину несуетверну* — объяснить причину, не прибегая к религии. *Алкивиад* (ок. 450—404 до н. э.) — государственный деятель и полководец, ученик Сократа; отличался развращенностью и честолюбием, которое заставляло его переходить из Афин на сторону Спарты, Фракии, Фригии и т. д. *Павсаний* — полководец, обвиненный в 470 г. до н. э. в заговоре против Спарты (*Лакедмона*); он искал убежища в храме, но спартацы замуровали дверь храма (по преданию, первый камень принесла мать Павсания), и он умер от голода. *Агесилай* (ок. 444 — ок. 360 до н. э.) — спартанский царь и полководец, отличавшийся рассудительностью, умеренностью и простотой. *Лизандер* — Лисандр (ум. 395 до н. э.), полководец, пытавшийся захватить единовластие в Спарте; по преданию, ему принадлежат слова, что самый справедливый довод — это меч. *Агий* — Агид, или Агис IV (ок. 262—241 до н. э.), царь, желавший в эпоху имущественного расслоения вернуть древний строй и военную мощь Спарты; отдав во всеобщее пользование свое имущество, уничтожил долговые документы и назначил передел земли; был повешен заговорщиками-богачами. *Пиндар* — см. примеч. 4. *Пелопид* (ок. 410—364 до н. э.) — организатор демократического переворота в Фивах, освободившего страну от власти Спарты. *Эпаминонд* (ок. 420—362 до н. э.) — фиванский полководец, нанесший поражение спартацам в битве у *Левктр* в 371 г., а в 362 г. в битве у *Мантиней* спартацев спасло от полного разгрома только смертельное ранение Эпаминонда. *Филипп* (ок. 382 — 336 до н. э.) — царь Македонии, к 338 г. подчинивший всю Грецию. *Демосфен* (ок. 384—322 до н. э.) — афинский оратор, требовавший в речах, направленных против Филиппа, объединения греческих государств для борьбы с Македонией. *Александр* (356—323 до н. э.), сын Филиппа, распространил власть Македонии на Персию, Египет и др., вторгся в Среднюю Азию и дошел до Индии, однако вынужден был вернуться в Вавилон и там умер от малярии и, как говорили многие, от пьянства (еще за пять лет до смерти Александр убил в пьяном буйстве лучшего друга — Клитя). Созданная Александром держава распалась, во главе отдельных государств стали его бывшие сподвижники — Антипатр, Птолемей Лаг и др. *Пелла* — город в Македонии, родина Филиппа, резиденция македонских царей. *Союз ахейя* — Ахейский союз, политическое объединение городов Пелопоннеса. *Арат* из Сициона (271 или 270—213 до н. э.) — государственный деятель, под руководством которого Ахейский союз достиг независимости от Македонии; однако в борьбе с усиливающейся Спартой Арат снова был вынужден обратиться за помощью к Македонии. *Филопем* (253—183 до н. э.), прозванный «последним греком», — ахейский государственный деятель и полководец; боролся за независимость Греции от Рима и был казнен сторонниками римлян. *Ромул* — первый царь Рима, основавший его, по преданию, в 754—753 гг. до н. э. *Нума Помпилий* — второй царь Рима (715—673 или 672 до н. э.); согласно легенде, при помощи нимфы *Эгерии* он установил основы римской религии, учредил жреческие коллегии и т. д. *Тарквиний Гордый* — седьмой и последний царь Рима (534—510 или 509 до н. э.), жестокий деспот; был изгнан после того, как знатная римлянка *Лукреция*, обесчещенная сыном Тарквиния, кончила

жизнь самоубийством. *Брут* Луций Юний — глава заговора против Тарквиния; согласно легенде, он осудил на смерть своих сыновей, принимавших участие в заговоре против республики в пользу изгнанного Тарквиния. *Коклес* Публий Горацій в 507 г. до н. э. один защищал мост через Тибр от этрусков и спас Рим. *Деций* — Публий Деций Мус, консул 340 г. до н. э., пожертвовал собой в сражении, чтобы обеспечить победу римлянам; в 295 г. его подвиг повторил сын, Публий Деций Мус. *Курций* Марк — римский юноша, по преданию бросившийся в 362 г. до н. э. в пропасть, образовавшуюся в середине форума, чтобы спасти Рим, так как прорицатель предсказал, что город в величайшей опасности, если пропасть не будет заполнена лучшим благом Рима. Тогда Курций со словами «Нет лучшего блага в Риме, чем оружие и храбрость!» в полном вооружении сел на коня и бросился в пропасть, которая после этого сомкнулась. *Сцевола* Гай Муций — легендарный герой конца VI — начала V в. до н. э., попавший в плен и сжегший руку в огне, чтобы показать бесстрашие римлян. *Менений* Агриппа (ум. 493 до н. э.) — политический деятель; славился бескорыстием и принимал сторону народа; когда он умер, не оставив средств даже на похороны, народ похоронил его на собранные деньги. *Цинцинат* — Люций Квинций Цинциннат, избран консулом в 460 г. до н. э., отказался от избрания в следующем году; когда в 458 г. к нему явились посланцы сената, чтобы объявить, что он назначен диктатором, то нашли его в поле за плугом; разбив сабинян, вернулся к земледелию; в 439 г. снова был назначен диктатором. *Камиллий* — Марк Фурий Камилл (ок. 447—365 до н. э.), политический деятель и полководец, получивший почетный титул «Второй основатель Рима». Несправедливо обвиненный, Камилл добровольно отправился в изгнание, но, узнав об осаде Рима галлами, собрал войско в помощь осажденным (это происходило в 390 или 387 г.). Римляне уже стали отвешивать золото в счет контрибуции, и вождь галлов *Бренн* с возгласом «Горе побежденным!» бросил свой меч на весы, когда явился с войском Камилл. Он прервал переговоры, заявив, что у римлян искони заведено спасать отечество железом, а не золотом. Началась битва, галлы были разгромлены и изгнаны. *Манлий* — Тит Манлий Торкват, консул 165 г. до н. э., осудил сына, обвиненного во взяточничестве, на изгнание, и тот повесился. *Курий* — Маний Курий Дентат (ум. ок. 272 до н. э.), полководец; по преданию, ответил послам самнитов, принесшим ему подарки в то время, как он варил простую репу: «Я предпочитаю повелевать богатыми, чем быть богатым». *Фабриций* Луций Гай — государственный деятель и полководец, прославившийся честностью и неподкупностью. *Киней* — греческий оратор, посол эпирского царя *Пирра* (319—273 до н. э.), сказал Пирру, что римский сенат показался ему собранием царей. Когда вслед за тем прибыло римское посольство, в составе которого был Фабриций, Пирр, знавший о его бедности, предложил ему перейти на службу в Эпир, но Фабриций отклонил и это предложение, и золото Пирра. *Регул* Марк Атилий (ум. ок. 248 до н. э.) — римский полководец; взятый карфагенянами в плен, он был послан в Рим, чтобы склонить римлян к миру, но высказался против заключения мира, за что карфагеняне подвергли его лютым пыткам и смерти. *Но возник тебе на гибель* и т. д. Речь идет о Второй Пунической войне (218—201

до н. э.). Совершив с войском марш через Пиренеи, реку Рону, Альпы и реку По (у Радищева — *Эридан*), Ганнибал разбил римлян в битвах у реки *Тривии* и *Тразименского* озера. Для борьбы с карфагенянами диктатором Рима был избран *Фабий Максим* (ум. 203 до н. э.), который вызвал недовольство римлян тактикой затяжной войны. Консулами были назначены *Люций Эмиллий Павел* и *Гай Теренций Варрон*. Вопреки советам Павла, Варрон настоял на генеральном сражении при *Каннах* (216 г.), в котором римляне потерпели сокрушительное поражение: погибло 48 000 римлян (в том числе Павел), попало в плен 10 000. Тем временем молодой полководец *Публий Корнелий Сципион Старший* (ок. 235 — ок. 183 до н. э.) разгромил карфагенян в Испании, а затем перенес военные действия в Африку, на территорию Карфагена. Отозванный из Италии Ганнибал возглавил карфагенское ополчение и был разбит Сципионом в 202 г. Влияние Сципиона на армию и внешнюю политику Рима вызвало недовольство сената. Оскорбленный обвинениями, Сципион отошел от дел. *Славы, имени приемник Сципионов* — *Публий Корнелий Сципион Эмилиан Младший* (ок. 185 — 129 до н. э.), сын известного образованностью, бескорыстием и справедливостью полководца *Люция Эмилия* Павла (ум. 160 до н. э.), командовал римскими войсками во время Третьей Пунической войны (149—146 до н. э.). После трехлетней осады Карфаген был взят и по приказу римского сената разрушен. *Лелий Гай* — известный оратор и юрист, друг Сципиона. *Полибий* (ок. 200 — ок. 120 до н. э.) — греческий историк; отправленный заложником в Рим, он сблизился со Сципионом Младшим и жил у него в доме. *Любитель муз Эллады*. Сципион был поклонником эллинской образованности, новой для римлян. *Катон Марк Порций Старший* (234—149 до н. э.) неустанно требовал в сенате разрушения Карфагена. *Нуманция* — город в Испании, взятый и разрушенный Сципионом Младшим в 133 г. до н. э. *Стал жертвой властолюбья непомерна*. По слухам, Сципион был отравлен политическими соперниками. *Асия* — Азия. *Грахи* — братья *Грахи*, *Тиберий* (162—133 или 132 до н. э.) и *Гай* (153—121 до н. э.), провели ряд реформ в интересах крестьянства и в целях демократизации общества; оба погибли в борьбе со знатью. Матерью их была дочь Сципиона Старшего *Корнелия*. *Спаситель Рима*. Благодаря популярности *Мария* как полководца, его несколько раз подряд вопреки законам избирали консулом. В 102 г. до н. э. он разбил *тевтонов*, в 101 г. — *кимвров*, после чего простой народ стал называть его третьим основателем Рима. Когда *Марий* добился избрания командующим, *Сулла* не подчинился и двинул армию на Рим. *Марий* бежал, близ *Минтурна* попал в болото, его поймали и пленному солдату поручили убить его. Однако наемник не решился на это, *Мария* выпустили, и он добрался до Африки. Там посланец наместника передал ему приказ не высаживаться на берег, и на вопрос, что передать наместнику, *Марий* ответил: «Возвести ему, что ты видел, как изгнанник *Марий* сидит на развалинах Карфагена». Узнав, что *Сулла* отправился на войну, *Марий* захватил власть в Риме, но через несколько дней умер. *Мифридат* — *Митридат VI* (132—63 до н. э.), царь Понтийского государства, выбил римлян из Малой Азии и Греции; потерпев ряд поражений от *Суллы*, заключил в 84 г. мир с Римом. Развязав руки на востоке, *Сулла* разгромил

своих противников в Италии и Риме и стал диктатором (см. примеч. 4). Митридат же еще долго боролся с Римом, пока против него не поднял восстание его сын Фарнак II (*Фарнас*, ум. 47 до н. э.). Митридат закололся, так как от яда умереть не мог: боясь измены, он приучил свой организм к сильным дозам. *Робеспьер* Максимилиен-Мари-Исидор (1758—1794) — выдающийся деятель Великой французской революции; с июля 1793 г. — руководитель революционного правительства периода якобинской диктатуры. Для Радищева сравнение Суллы с Робеспьером возможно потому, что печатные источники, из которых он получал сведения о якобинской диктатуре, рисовали Робеспьера кровожадным чудовищем, узурпировавшим диктаторскую власть. Кроме того, отдельные эпизоды политической деятельности Робеспьера — расправа с «бешеными» (Ж. Ру и др.), эбертистами (Ж.-Р. Эбер, А. Клоотс и др.), левыми якобинцами (П.-Г. Шометт и др.) — вызывали отрицательное отношение даже в прогрессивных кругах Западной Европы и России. *Дерзнул сойти с престола*. В 79 г. до н. э. Сулла сложил с себя диктаторские полномочия. *Лукулл* Луций Лициний (ок. 117 — ок. 56 до н. э.) — полководец, одержавший в 74—66 гг. ряд побед над Митридатом, за что получил триумф в Капитолии; его богатство, роскошь и пиры вошли в пословицу. Характеристика человеческих качеств Лукулла дана Радищевым по Плутарху. *Катилина* Луций Сергий (ок. 108—62 до н. э.) пытался организовать заговор против республики, который был разоблачен Цицероном. *Помпей* Гней (106—48 до н. э.) — полководец, окончательно разбивший Митридата; заключив сначала союз с Цезарем, Помпей потом вступил с ним в борьбу, потерпел поражение в битве при Фарсале и был предательски убит. *Се возник тот муж предивный* и т. д. Речь идет о Гае Юлии Цезаре (100—44 до н. э.), одним из величайших полководцев античности, который добился единоличной власти, получив пожизненное диктаторство, и был убит заговорщиками-республиканцами. *Но в котором еще Сулла Марьев многих прорицает*. По словам Плутарха, Сулла намеревался убить юного Цезаря, а когда ему говорили, что Цезарь еще молод, отвечал: «Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке — много Мариев». *Цицерон* Марк Туллий (106—43 до н. э.) — оратор, философ и политический деятель; после убийства Цезаря, будучи главой республиканцев, занял нерешительную позицию; погиб во время расправ с республиканцами. *Катон* Марк Порций Младший (ок. 96—46 до н. э.) — непреклонный республиканец; кончил жизнь самоубийством. *Монтескье о вас да судит*. Ст. 1124—1137 представляют собой стихотворное переложение сопоставления Катона и Цицерона из XII главы трактата Монтескье. *Марк Антоний* (ок. 83—30 до н. э.) — полководец, сподвижник Цезаря; после его убийства занимал примирительную позицию, но затем дело дошло до разрыва с сенатом. Сенатскую оппозицию возглавлял Цицерон, которого поддерживал наследник Цезаря *Октавиан*; однако в 43 г. Антоний, Октавиан и полководец Лепид объединились, образовав так называемый второй триумвират, и жестоко расправились со сторонниками республики (причем Октавиан предал Цицерона). В сражении при Филиппах (42 г.) войско триумвиров разбило республиканцев, во главе которых стояли *Брут* (см. примеч. 4) и Гай Лонгин *Кассий*; Кассий и

Брут кончил жизнь самоубийством. Вскоре распался и триумвират: в 36 г. Октавиан лишил власти Лепида и начал борьбу с Антонием, который сблизился с египетской царицей Клеопатрой. В битве при мысе *Акций* в 31 г. египетский флот потерпел поражение, Антоний кончил жизнь самоубийством, Октавиан стал фактический диктатором, а в 27 г. до н. э. был провозглашен императором *Августом* (почетное звание, означающее «священный», «великий»; см. примеч. 4). *Только слава им осталась Римляне последни зваться*. Историк Кремуций Корд в своих «Анналах» воздал хвалу Бруту и назвал Кассия «последним римлянином», за что был привлечен в 25 г. н. э. к суду сената и кончил жизнь самоубийством. *Меценат* Гай Цильний (между 74 и 64—8 до н. э.) — вельможа, приближенный Августа; его имя стало нарицательным для обозначения покровителя искусств и наук. *Ливия* Друзилла (ум. 29 н. э.) — жена Октавиана с 38 г. до н. э. *Агриппа* Марк Випсаний (ок. 63—12 до н. э.) — дипломат и полководец, которому принадлежит большинство побед, приведших Октавиана к власти. *Льстецам твоим наемным*. Так Радищев именует поэтов, близких к Августу и Меценату, — Квинта *Горация* Флакка (65—8 до н. э.) и Публия Вергилия *Марона* (70—19 до н. э.). *Тиверий* (Тиберий) Клавдий Нерон (42 до н. э. — 37 н. э.) — сын Ливии Друзиллы, усыновленный Августом; с 14 г. — император. *Так вещает муж бессмертный* и т. д. Радищев ссылается на трактат Монтескье (гл. XIV). *Отдались во Капрею*. Последние 11 лет жизни Тиберий провел на острове Капреа (Капри). *Сеян* Луций Элий (ум. 31) — начальник преторианских когорт — римской гвардии, фаворит Тиберия; пролагая себе путь к власти, активно устранял соперников — родственников Тиберия; казнен за организацию заговора. «*Он спасся*» — ср. у Тацита в «Анналах», кн. VI, гл. 23. *Сам Тиверий смертью лютой Жизнь скончал свою поносу*. Рассказывали, что потерявшего сознание Тиберия сочли мертвым; когда же он очнулся, ему набросили на голову ворох одежды и задушили. *Кай Калигула* — Гай Цезарь Калигула (12—41), внучатый племянник и воспитанник Тиберия; по отношению к нему Калигула был настолько послушен, что впоследствии оратор Пассиен заметил: «Никогда не бывало ни лучшего раба, ни худшего господина». В первые дни правления новый император казался мягким и щедрым, но вскоре последовали многочисленные убийства и казни, а однажды Калигула воскликнул: «О, если бы у всего римского народа была лишь одна голова!» За первый же год правления Калигула растратил на увеселения всю казну, оставшуюся после Тиберия. Желая, чтобы ему воздавали почести как богу, Калигула выстроил храм, где в виде статуи Юпитера (Зевса) был изображен он сам; он же был жрецом этого храма, а другим считался его конь, которого позднее Калигула приказал ввести в сенат в качестве консула. Калигула был чрезвычайно развратен и жил в кровосмесительной связи со своими сестрами. Чтобы обосновать свое «божественное» происхождение, он возвел даже поклел на бабуку и прадеда: мать Калигулы Агриппина была дочерью Агриппы и Юлии, дочери Августа; но поскольку Агриппа был незнатного рода, Калигула утверждал, что Агриппина родилась от прелюбодеяния Юлии с Августом, который считался потомком мифического царя Энея, сына богини Венеры. *Херей* Кассий — трибун преторианцев, убийца Калигулы; он воз-

главил заговор во имя восстановления республики, но после убийства тирана солдаты не поддержали Херею. Он был убит, а преторианцы отыскали в каком-то закоулке дворца Клавдия и провозгласили императором. *Клавдий* (10 до н. э. — 54) — дядя Калигулы, человек безвольный и слабый; в первые годы правления находился под влиянием жены *Мессалины* и ее любовников, вольноотпущенников *Нарцисса* и *Палланта (Паладея)*, по чьим настояниям происходили многочисленные судебные процессы. В 48 г. Валерия Мессалина (род. ок. 23), желая захватить полную власть, в отсутствие Клавдия вышла замуж за сенатора *Гая Силия*. По настоянию, главным образом, *Нарцисса Спллий* и *Мессалины* были казнены, и женой Клавдия стала *Агриппина (15—59)*, сестра и любовница Калигулы, женщина еще более развратная и жестокая. *Агриппина* заставила Клавдия усыновить ее сына *Доминция* (который при этом получил имя *Нерон*), а затем отравила императора при помощи знаменитой смесительницы ядов *Локусты*. *Зри, жена иройска духа* и т. д. В 42 г. за участие в восстании против Клавдия был приговорен к казни *Цецил Пет*. Чтобы предотвратить бесчестье, жена *Пета Аррия* уговаривала его кончить жизнь самоубийством и, желая преодолеть его нерешительность, первая пронзила себе грудь и отдала кинжал мужу со словами: «Пет, не больно». *Но се тот уж воцарился* и т. д. Имеется в виду *Нерон* (37—68). Его воспитателями были философ и драматург *Луций Анней Сенека* (ок. 4 до н. э. — 65) и префект преторианцев *Секст Афраний Бурр* (ум. 63). Первые годы правления *Нерон* находился под влиянием *Сенеки* и *Бурра*, но затем перешел к репрессиям, жертвами которых стали его мать, *Бурр* и *Сенека*, жена *Октавия* и многие другие. С детства питавший страсть к зрелищам, *Нерон* выступал на состязаниях, управляя колесницей, и на театре в качестве актера («гистриона», «гистрия»). Характер представлений имели и чудовищные по распутству оргии *Нерона*; во время одной из них он сочетался браком со своим приближенным *Пифагором*. В 64 г. Рим почти полностью выгорел; наблюдая за пожаром, *Нерон* на крыше дворца пел песнь о гибели *Трои*; рассказывали, что он сам велел поджечь город. Восставшим против себя знать и войско, *Нерон*, узнав о восстании в провинциях, бежал из Рима и кончил жизнь самоубийством. *Последня отрасль Дому Юлия велика*. *Нерон* был последним представителем династии *Юлиев — Клавдиев*, происшедшей от *Августа*, пасынка *Юлия Цезаря*. *Гальба Сервий Сульпиций* (ок. 3 до н. э. — 69) провозглашен императором испанскими легионами; через полгода убит преторианцами. *Отон* *Марк Сальвий* (32—69) провозглашен императором после смерти *Гальбы*; кончил жизнь самоубийством, потерпев поражение от войск *Вителлия*. *Вителлий* *Авл* (15—69) провозглашен императором германскими легионами после смерти *Гальбы*; был убит, когда Рим осадили войска *Веспасиана*. *Веспасиан* *Тит Флавий* (9—79) провозглашен императором египетскими и сирийскими легионами после смерти *Отона*. Вступив на престол, прекратил войны на границах империи (кроме *Британни*) и обратил основное внимание на улучшение внутреннего положения; правление его отличалось сравнительной мягкостью. *Тит* *Флавий* *Веспасиан* (39—81) — старший сын *Веспасиана*, его соправитель; вступив на престол, помиловал заговорщиков, обвиненных по закону об оскорблении величества, стал карать доносчиков,

оказывал большую помощь пострадавшим от пожара в Риме, от извержения Везувия и т. п. По преданию, он говорил, что считает тот день потерянным, когда ему не удалось оказать кому-либо благодеяния. Поэтому современники именовали Тита-императора «Любовь и услаждение человеческого рода». Для русской и европейской литературы XVIII в. Тит — образец идеального монарха. *Плиний Старейший* — Гай Плиний Секунд Старший (23—79), выдающийся ученый и писатель. Во время внезапного извержения Везувия, когда погибли города *Геркуланум* и *Помпеи*, Плиний приказал капитану корабля, на котором он находился, подплыть ближе к вулкану и пал жертвой научной любознательности. *Домитьян* — Тит Флавий Домициан (51—96), младший брат Тита, отличался честолюбием и жестокостью; против него составился заговор, в который входила жена императора, и ее домоправитель убил Домициана. *Тацит тако возвещает* и т. д. Радищев имеет в виду слова Тацита о времени Домициана: «Нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» («Жизнеописание Юлия Агриколы», гл. 2). При Домициане были казнены ораторы Рустик и Сенецион, из Рима дважды (в 88/89 и 95 гг.) специальными указами изгнаны философы Эпиктет, Дион Христомом и др., а сочинения их сожжены, историк Гермоген распят и т. д. *Агрикола* Гней Юлий (40—93) — государственный деятель и полководец; его зять Тацит восславил его человеческие добродетели и государственную мудрость. *Нерва* Марк Кокцей (30 или 35—98) избран императором после гибели Домициана, с которым пресеклась династия Флавиев; во внутренней политике лавировал между сенатом и армией, провел ряд мероприятий в пользу беднейших граждан и земледельцев. *Траян* Марк Ульпий (53—117) — полководец; Нерва усыновил его и назначил своим соправителем и преемником. Став императором, Траян отменил ряд налогов, предпринял раздачу денег и хлеба, широкое строительство дорог, мостов (в том числе каменного моста у Железных Ворот на Дунае), гаваней, водопровода в Риме и т. д. При нем были завоеваны *Дакия* (на территории современной Румынии), Аравия, Армения и др. В правление Траяна произошел подъем литературы: в это время написаны наиболее крупные работы историка Публия Корнелия *Тацита* (между 55 и 57 — ок. 120), писателя и ученого Гая *Плиния* Цецилия Секунда Младшего (61 или 62 — ок. 114), поэта-сатирика Децима Юния *Ювенала* (ок. 60 — 131/132), греческого историка *Плутарха* (ок. 45 — ок. 127) и т. д. «*Век счастливый наш*» и т. д. — цитата из «Истории» Тацита (кн. I, гл. 1), где автор пишет о времени правления Нервы и Траяна как «о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает». *Адриан* Публий Элий (76—138) — двоюродный брат Траяна, провозглашенный императором после его смерти. Прибыв в Рим только в 118 г., Адриан в 121—126 и 129—134 гг. совершал длительные путешествия по провинциям Римской империи. Им была выстроена пышная вилла в Тибуре, мавзолей в Риме, основаны города Адрианополь и др. *Антиной* — прекрасный юноша, любимец Адриана. На месте его гибели (Антиной бросился в Нил) Адриан выстроил город Антинополис, посвятил ему храм в Манти-

нее, воздвиг множество алтарей и статуй юноши. *Фаворин* — философ и ритор, приехал в Рим ок. 130 г.; был близок Адриану. *Арриан* Флавий — греческий писатель, философ и историк II в., ученик и последователь *Эпиктета* (ок. 50 — ок. 138), философа-стоика. *Зенон* (ок. 336—264 до н. э.) — греческий философ, основатель стоической школы. *Антонин* Пий (86—161) — приемный сын Адриана, император Рима. Согласно традиции, его считали мудрым и добродетельным правителем. *Фаустина* — Фаустина (ум. 141), жена Антонина. *Марк Аврелий* (121—180) — племянник Антонина, усыновленный им, и соправитель с 147 г.; после смерти Антонина — император. Согласно традиции, Марк Аврелий — образец гуманного и великодушного правителя. Последователь стоической философии, он оставил капитальное сочинение «Наедине с собой» («К самому себе»), в котором рассматривается проблема морального самоусовершенствования. *Коммод* (161—192) — старший сын Марка Аврелия, с 176 г. — его соправитель, по смерти — император. Человек порочный и жестокий, Коммод передоверил управление государством приближенным, а сам выступал в цирке в качестве гладиатора. В его правление начался кризис Римской империи, длившийся почти столетие; после гибели Коммода, задушенного приближенными, в разных местах империи было одновременно провозглашено четыре императора, что привело к гражданской войне.

9. «Русский вестник», т. XVIII, 1858, декабрь, кн. 1, с. 416; Изд. 1872, с. 402, под загл. «Экспромт при известии о помиловании» (не принадлежащим автору). По воспоминаниям П. А. Радищева, экспромт сочинен, когда «Радищев получил из Иркутска уведомление, что он из ссылки возвращен» («Биография А. Н. Радищева», с. 85). Из сопоставления всех данных (см.: ПСС, 3, с. 488—492) видно, что произошло это в середине января 1797 г. Прожил Радищев в Илимске более пяти лет: с 4 января 1792 г. по 20 февраля 1797 г.

10. СОС, с. 176. Перевод стихотворения немецкого поэта Эвальда Христиана фон Клейста (1715—1759) «Хромой журавль» (1757). Большинство исследователей принимает точку зрения Г. А. Гуковского, который полагал, что стихотворение написано в период между 1797 и 1800 гг., в селе Немцове (ПСС, с. 457). Тот факт, что произведение оказалось переводным (см.: Ю. М. Лотман, Радищев — поэт-переводчик. — В кн.: «XVIII век», сб. 5, М.—Л., 1962, с. 436—437), не отменяет предложенной Гуковским датировки, поскольку Радищев, как и другие поэты XVIII в., избирал для перевода то, что соответствовало его настроению и биографическим обстоятельствам. Прозаический перевод той же басни, сделанный с французского Д. Арсеньевым, напечатан под загл. «Подстреленный журавль» в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1794, ч. I, № 1, с. 91). *На он-пол* — на противоположный берег.

11. СОС, с. 187. Печ. по ПСС, с. 129. Вольное переложение прозаической идиллии «Милон» швейцарского поэта, писавшего на немецком языке, Саломона Геснера (1730—1788). Размышленный

о свободе и неволе (ст. 9—20) в оригинале нет. Эту идиллию (как и другие) переводил прозой Я. Б. Княжнин; стихами, под загл. «Миловнова птичка» — Г. А. Хованский.

12. СОС, с. 193. Тематически и эмоционально ода близка к № 10 и 11, а потому может быть отнесена к 1797—1800 гг. (скорее — к концу этого периода). В стихотворении можно усмотреть мотивы оды Горация к Постуму (кн. II, ода XIV); впрочем, эти мотивы очень распространены в поэзии конца XVIII в. (М. Н. Муравьев, Г. Р. Державин и мн. др.).

13. СОС, с. 5, где «Плану» предшествует «Известие» от редакторов: «Одиннадцать песней «Бовы» были уже написаны, двенадцатая и последняя начата, но по смерти сочинителя нашлася только первая песнь, изготовленная к тиснению. Может быть, причтут нам в пристрастие, но, кажется, потеря забавной сей поэмы достойна сожаления. В первой песне найдутся негладкости, но сколько заменены они легкостию, приятностию, веселостию, чувствительностию, сколько картин приятных и как занимательно начало сей поэмы. Мы читали все одиннадцать песней и скажем, что все были не хуже первой, а некоторые далеко ее превосходили. Чтоб дать читателям понятие о всей поэме, прилагаем план оной, хотя в первой песне и сделаны против него некоторые перемены». Печ. по ПСС, с. 22. По свидетельству П. А. Радищева, работа над «Бовой» была начата в 1799 г., и поэму автор «сам истребил перед смертью» («Биография А. Н. Радищева», с. 97. — Ср.: ПСС, с. 449). Указанная сыном автора дата подтверждается текстом поэмы (см. ст. 34—40, 78—80, 147, 155—159). Каива внешнего сюжета заимствована из итальянского романа, еще в XVI—XVII вв. попавшего в Россию и фактически превратившегося в нечто вроде народной сказки, сначала распространявшейся в списках, а затем попавшей и в лубочные издания. В значительной мере изменились даже имена персонажей. Так, например, из итальянских имен Буово, Drusiana, Ricardo, Lucasafeggo, Puliscane образовались русские Бова, Дружневна, Личарда, Лукопер, Полкан и т. д., из переосмысления слова meltrix (meretrix — что значит «распутная женщина») возникло имя Мелетриса. С сюжетом популярной сказки Радищев обращается в высшей степени свободно, вводя в него ряд эпизодов и отступлений, никак не связанных с основным действием. Шуточно-эротический характер ряда эпизодов, по определению самого автора (см. ст. 81—91 «Вступления» и 126—137 1-й песни), навеян произведениями Вольтера «Орлеанская девственница» и «То, что нравится женщинам».

Тогдаская в цари попадали. Намек на дворцовые перевороты. Вступлении. *Камера-обскура* — оптический аппарат, в котором демонстрировались «волшебные картинки». *Венец лавровый* — символ славы, доблести. *Венец миртовый* — символ любви. *Удел детей Адамлих* — участь детей Адама, то есть людей. *Да еще же Я намерен рассказать вам* и т. д. — намек на сибирскую ссылку Радищева. *Тиверий был иль Клавдий* — см. примеч. 8. *Петр Сума*. «Первый его (Радищева. — В. З.) пестун и учитель русской грамоты был дядька его Петр Мамонтов, по прозванию Сума, к которому он обращается в вступлении своей поэмы «Бова», взятой из сказки,

часто рассказываемой ему этим Сумою» («Биография А. Н. Радищева», с. 50). *Творец «Тавриды»* — Семен Сергеевич Бобров (ок. 1763—1810), поэт и переводчик, давний знакомый Радищева, автор поэмы «Таврида» (Николаев, 1798), в которой сделана попытка реализовать мысль Радищева о возможности использования белого стиха в значительном по размеру произведении (именно это и имеет в виду Радищев, поскольку «Таврида» написана силлаботоническими стихами, а «Бова» — «без складов», то есть без стоп, «русским размером»). *Жанета, девка храбра* — Жанна д'Арк (ок. 1412—1431), национальная героиня Франции, центральный персонаж шуточной антиклерикальной поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» (1755). *Пантеон* — усыпальница великих людей Франции (образована в одной из парижских церквей в 1791 г.); сюда были перенесены останки Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и др. *Жанлиса* — графиня де Жанлис (1746—1830), французская писательница, автор многих сентиментально-чувствительных произведений. *Тигран II* (правил в 95—56 до н. э.) — союзник и тесть *Митридата VI* (см. примеч. 8); при нем Армения достигла наивысшего могущества, но в конце концов была побеждена римлянами. *Загляну я во Колхиду* и т. д. Имеется в виду миф о золотом руне (см. примеч. 8). *Таврида* — древнее наименование Крыма, происшедшее от полулегендарного народа тавров; здесь же обитали и киммерийцы, вытесненные ок. VIII в. до н. э. скифами. Примерно в VII в. до н. э. в Тавриде начали образовываться греческие колонии, покорежные в I в. до н. э. Митридатом. По не вполне достоверным сведениям позднее в Тавриде обитали готы, гунны, хазары, печенеги, половцы, генуэзцы, татары. *Последний из Гиреев* — Шагин-Гирей (ок. 1755—1787) — вступил на ханский престол в 1774 г., но фактически получил власть в 1776 г. В 1783 г. он был вынужден отказаться от престола, в 1787 г. уехал из России и вскоре был убит. *Таман* — Тамань, крайняя западная точка Кавказа. *Болгары* (Болгар) — столица Волжско-Камской Болгарии, государства, существовавшего в X—XIV вв. *Ермак Тимофеевич* (ум. 1585) — предводитель похода, положившего начало присоединению Сибири к Русскому государству; путь его отряда начался по реке Чусовой, а затем дошел до Туры, Тобола, Иртыша. *Был блажен и где оставил Души нежной половину*. Радищев вспоминает о своей подруге — свояченице (в письмах он называл ее «мой добрый друг, моя сестра») Елизавете Васильевне Рубановской (ум. 1797), которая привезла к ссыльному писателю двух младших детей и стала гражданской женой Радищева, родив ему в ссылке еще трех; как установлено документально, Радищев и Е. В. Рубановская обвенчаны не были, и именно поэтому отец писателя собирался хлопотать о снятии с «незаконнорожденных» детей фамилии Радищевых. *Ворисфен* (Борисфен) — древнее название Днепра. *Владимир Всеволодович Мономах* (1053—1125) — русский князь, полководец и писатель, герой многих народных сказаний. Написанное им «Поучение детям своим» дошло до нас в составе «Лаврентьевской летописи», работу над которой начал монах *Нестор*. *Назон* Публий Овидий (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт, сосланный в г. Томы на берегу Дуная, где он и умер. *Войны росские возмогут* и т. д. Речь идет о плане освобождения Греции от турецкого ига и подчинении вновь образованного греческого государства России. План

этот вынашивался еще с 70-х годов; в войне 1787—1791 гг. русская армия в Молдавии и Черноморский флот одержали ряд блестящих побед, но в результате интриг европейской дипломатии русско-турецкая граница была установлена по Днестру. *Бишинг* — Антон Фридрих Бюшинг (1724—1793), немецкий ученый, автор многочисленных географических сочинений, в которые были включены также исторические, экономические и т. п. сведения. Судя по контексту, имеется в виду книга «Османское государство в Европе и Республика Рагузская. Из Бишинговой географии переведены на российский язык Васильем Световым» (СПб., 1770).

Песнь первая. *Сих варягов и норманов*. По мнению Гукковского, «здесь Радищев попутно задевает спор «о происхождении Руси», начавшийся еще в XVIII в.» (см.: ПСС, с. 452), именуя Рюрика и пришедших с ним варягов (норманнов) не благородными рыцарями, а разбойниками и ворами. *Не арабы мароккански* и т. д. Марокканские, алжирские и тунисские пираты на протяжении ряда столетий были грозой Средиземного моря. *Но те люди благородны* и т. д. Морское каперство — захват и грабеж торговых судов нейтральных стран — в XVIII в. официально поощряли правительства ряда государств (особенно Англии). *Позвизд с Чернобогом* — см. примеч. 15. *Арей* (Арес, греч. миф.) — бог войны. *Витязь Роберт* — попавший в аналогичную ситуацию герой сказки Вольтера «То, что правится женщинам». *Витязь македонский* и т. д. По преданию, когда Александр Македонский взял город Гордий, ему показали там крайне запутанный узел; древняя легенда гласила, что тот, кто сумеет узел распутать, станет царем мира; Александр разрубил «гордиев узел». *Тут Бова, собрав все силы* и т. д. Радищев пародирует начало II песни «Энеиды» Вергилия. *Алкид, Фисий* — см. примеч. 8. *Рафаэль Санти* (1483—1520), великий итальянский художник, родом из г. Урбино, умер от любовных излишеств. *Адонид* (Адонис, греч. миф.) — возлюбленный Венеры, прекрасный юноша, погибший на охоте. *Зане там, как прежде в Францы* и т. д. — намек на русскую историю XVII—XVIII вв., когда трон занимали четыре императрицы, а две женщины были «правительницами» при малолетних царях. Во Франции же действовала «салическая» система престолонаследия, которая не допускала перехода трона к женщинам. В России женщины были фактически (но не формально) отстранены от права на престол указом Павла I в 1797 г. *Дон-Кихот* — Дон-Кихот. *Алтабас изошвенный* — искусно расшитая персидская парча. *На столпах кристальных твердых* и т. д. — то есть на колоннах, изготовленных из стекла синего цвета (*сафир* — сафир, синий драгоценный камень). Далее Радищев перечисляет основные материалы, необходимые для получения стекла: поташ, добытый из древесной золы, песок, мел или кварц. *У ней волосы тупеем* и т. д. Прическа богини Славы подобна прическе античной богини счастья Фортуны, которую Радищев называет сестрой Славы. Фортуна изображалась с взбитым пучком волос на передней части головы и лысым затылком (мужская прическа XVIII в. с хохлом на лбу именовалась тупеем). *Они моде сей учились...* *У мунгалов иль китайцев*. По указанию М. П. Алексеева, воссоздавая образы богини Славы и Фортуны, Радищев вспомнил виденные им в Сибири изображения буддийских божеств — бурханов; все изображе-

ния их «,имеют у себя волосы, всчесанные в один пучок на макушке (уснёр)“: Таким образом, несмотря на улыбку, Радищев говорит совершенно серьезно: он обобщает в образе своей богини Славы некоторые черты изображений божеств античных и буддийских. Монголы и китайцы вызывают в его памяти представления о Тибете и Бутане (княжество между Индией и Тибетом; в XVIII в. Тибет и Бутан находились в вассальной зависимости от Китая. — В. З.), а эти страны прямо приводят его к мысли к Далай-Ламе» (Алексеев, с. 199). *Тот царь священный* и т. д. Речь идет о Далай-Ламе — верховном духовном правителе и владыке Тибета. Согласно вероучению ламаизма (одно из течений буддизма), в нем воплощается божество, представляющее собой один из ликов Будды. Это божество не умирает со смертью очередного Далай-Ламы, но перевоплощается в следующего. Теорию «перерождения» Радищев излагает в полном соответствии с ламаистскими представлениями. *Чтоб счастливым правоверным* и т. д. Речь идет об экскрементах. «Святость Далай-Ламы в таком между всеми сими народами уважении, что... не стыдятся они раздавать вместо мошей и ладанок свою одежду и даже самый кал» (П. Паллас, Известия о королевстве Тибетском. — «Собрание сочинений, выбранных из месяцословов на разные годы», ч. 5, 1790, с. 139). *Млеко жизни*. В соответствии с физиологическими представлениями своей эпохи, Радищев говорит здесь о «млечном соке», или «хиле», — жидкости, которая выработывается в кишечнике и после смешения с продуктами пищеварения питает кровь. *Вещество сие изящно* и т. д. Кал, моча и другие органические вещества, наряду с металлами, играли важную роль в алхимии. Одной из важнейших задач алхимии были поиски «философского камня» — особого препарата, при помощи которого любой металл будто бы было можно превратить в золото. Далее Радищев говорит о швейцарском алхимике и враче Теофрасте *Парацельсе* (1493—1541), среднеазиатском ученом Абу ибн Сине (*Авиценне*, 980—1037), немецком химике и медике Иоганне Иоахиме *Бехере* (1635—1682), немецком ученом, философе и алхимике *Альберте фон Больштедте*, прозванном «Великим» (1193—1280), саксонском медике и алхимике *Саломоне Альберти* (1540—1600), а также, возможно, химике В. Е. *Альберти*, который в 1779 г. получил награду Петербургской Академии наук за исследование о способах получения нашатырного спирта. *Брант* — Брандт, немецкий алхимик, открывший в 1669 г. фосфор (что по-русски означает «светоносец», откуда далее у Радищева «светоносный луч») при опытах с мочой, которую Брандт считал жидкостью, способной превращать серебро в золото. *Кункель* Иоганн (1630—1702) — немецкий алхимик, по одним сведениям, повторивший открытие Брандта, а по другим — купивший секрет изготовления фосфора и улучшивший способ его получения. *Траву пьяну некоцьянску* — опьяняющую никотиновую траву. *Уханье амеросийно* — благовопный аромат, благоухание (разумеется, здесь в ироническом смысле). *Зничева коляска* и т. д. О Знице и Зимцерле — см. примеч. 15. *Запинательный напев*. Возможны два толкования: запинаящийся, прерывистый крик петуха; удерживающий злых духов, разгоняющий их крик (при значении глагола «запинать» как «запрещать», «удерживать»). *Иль мехов насосных сотня* и т. д. Страсть Мелетрисы уподобляется металлургии

ческому процессу в доменной печи. *«Как! — вскричала тут старуха и т. д. Речь идет о Фале (Фаллосе), обожествлении мужского полового органа. Различные виды фаллического культа существовали в разных странах древнего мира (далее говорится, что Бова был «слеп», «истории не знавши»). Пифия — см. примеч. 8.*

14. «Ипокрепа», 1801, ч. 10, с. 288; СОС, с. 185, с ошибкой: «клялась» (ст. 5) и, видимо, редакторскими исправлениями: «нежны» (ст. 3) и «взаимно» (ст. 11). Кроме того, очевидно по образцу сборника стихотворений А. Востокова «Опыты лирические» (ч. 1, СПб., 1805, ч. 2—1806), издатели СОС предпослали тексту Радищева метрическую формулу строфы, помещенную сразу после заглавия:

— ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡
 — ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡
 — ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡
                   — ◡ ◡ — ◡

Печ. и датируется по первой публикации. Ст. 1—2 и 5—6 отчасти являются реминисценциями из 15-го эпода Горация.

15. СОС, с. 133. Печ. по ПСС, с. 54, где исправлены опечатки: «север» вместо «и север» (ст. 16), «вздвигнуть» вместо «воздвигнуть» (ст. 87), «летала» вместо «летали» (ст. 403), «взложил» вместо «возложил» (ст. 607). Судя по введению, поэма должна была состоять либо из пяти песен, названных по именам певцов, либо, что более вероятно, — из десяти. Однако опубликована была только песнь Всегласа, остальные, по-видимому, написаны не были. Работа над поэмой относится к 1801—1802 гг., поскольку эпиграф к ней, определивший саму структуру произведения, взят из «Слова о полку Игореве», опубликованного в 1800 г. под загл. «Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие». На мотивах «Слова» построено начало введения, отсюда же взято имя Бояна. Интерес Радищева к русской истории определился еще в 70—80-е годы и нашел отражение в «Путешествии» (см. особенно главу «Новгород»). Источники, которыми пользовался поэт, весьма многочисленны; в первую очередь это труды В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносова, Ф. А. Эмина, Екатерины II и др., «Введение в датскую историю» и «Датская история» П.-А. Малле. Из произведений европейской литературы важную роль сыграла книга Д. Макферсона «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765; русский перевод с французского Е. И. Кострова — «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века», чч. 1—2, М., 1792), в которой будто бы собраны подлинные поэмы легендарного шотландского барда Оссиана (на самом деле произведение создано самим Макферсоном на основе мотивов

кельтского эпоса). Задумав написать героическую поэму «в духе Оссиана», Радищев использовал и многочисленные литературные труды XVIII в., в которых воссоздавалась древняя славянская мифология, в какой-то мере опиравшаяся на исторически засвидетельствованные факты религиозных воззрений древних славян, но в значительной мере придуманная писателями 60—90-х годов и подогнанная при этом к хорошо известной античной мифологии. Наибольшую роль в разработке псевдославянской мифологии сыграли М. И. Попов, М. Д. Чулков и В. А. Левшин. Воссоздавая в поэме «баснословие» (мифологию) древних славян, Радищев иногда следует их толкованиям, а иногда свободно обращается с трудами своих предшественников в этой области, которые часто расходились между собой в характеристике того или иного божества, а иногда и сам сочиняет характеристику и атрибуты бога, известного в исторических работах лишь по имени. Что касается фактической основы дошедшей до нас части поэмы, то она, по-видимому, является плодом творческой фантазии поэта, который только отчасти воспользовался кратким известием из «Древней российской истории» Ломоносова: «Ингварь, сын Остонов, король шведский, около пятого столетия по Христе разбоем ходил в Эстландию по тогдашнему обычаю. Эстонцы на берегу морском его победили; Ингварь на бою убит и похоронен на том месте» (Ломоносов, ПСС, т. 6, М.—Л., 1952, с. 197). Из этого сообщения Радищев взял сам факт разбойничьего нападения и имя персонажа, превратив, однако, Ингвара в вождя «полков кельтских» (очевидно, норманских) и перенес место действия в древний Новгород. Имена остальных действующих лиц по большей части образованы искусственно, в чем Радищев следовал за своими предшественниками — прозанками (например, Силослав, Прелепа у Чулкова; Светлосан, Милослава у Попова; Милолика, Всемила, Звенислав, Страшмир у Левшина) и драматургами (Пламена, Горислава у Хераскова, Рослав, Пламира у Княжнина, и мн. др.).

Песни древние. *Владимир* Святославич (ум. 1015) — киевский князь приблизительно с 980 г., укрепивший могущество единой Киевской Руси и вмешавшийся в дела Византии, в состав владений которой входил *Геллеспонт* (Дарданеллы). *Омир* (Гомер) и *Оссиан* — по представлениям XVIII в., величайшие певцы древних греков и кельтов. *Перун* — «начальнейший славенский бог. Почитали его производителем всех воздушных явлений и действ, как-то: грома, молнии, облаков, дождя и прочего» (М. Попов). *Святовид* — «бог солнца и войны» (М. Попов, М. Чулков); «русский Феб» (В. Левшин). *Велес* — «славенский бог, начальствующий над скотами, по Перуне первый» (Попов); «бог скотов» (Чулков). *Стрий*, или Стрибог — бог ветров. *Позвизд* — «славенский Эол, которого древние признавали богом бурных ветров» (Попов); у Радищева — бог морей, обладающий атрибутами Нептуна (см. ст. 94—108). *Ний* — подземный бог, «кого степень занимал у греков и римлян Плутон, адский царь» (Попов). *Чернобог*. «Славяне признавали его богом злым, приносили ему кровавую жертву и делали ужасные заклинания, чтобы отворотить его гнев» (Чулков; то же толкование у Попова). *Лада* — богиня любви, славянская Венера. *Лель* — «сын Лади, нежный божок воспаления любовного» (Попов), то есть славянский Амур. *Полель* — «славенский Именей, сын Лади» (Попов), то есть

бог брака. *Дажьбог*, или *Даждь* — «бог богатства и податель всяких благ» (Чулков; то же — у Попова); у Радищева — бог благ, создатель деревьев и злаков. *Знич* — «священный неугасимый огонь» (Попов); у Радищева — бог огня и солнца. См. также «Бову», где Знич имеет атрибуты Феба, а Зимцерла — «богини зари, или славенской Авроры» (Левшин), тогда как Попов склонялся к пониманию ее как богини весны и цветов, аналогичной Флоре. *Ворисфен* — Днепр. *Возлетают лебеди, высоко вьются* и т. д. Данное описание состязания соколов, погнавшихся за десятью лебедями, возникло в результате неверного перевода соответствующего места «Слова» в издании 1800 г.: «Памятно нам по древним преданиям, что, поведа о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенным: чей сокол скорее долетал, тому прежде и песнь начиналася...» (с. 3). Прочитированный Радищевым в эпиграфе текст ныне переводится так: «Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь...» (перевод Д. С. Лихачева в изд.: «Слово...», Л., 1971, с. 9). *Тмутаракань* — древний русский город, центр Тмутараканского княжества, существовавшего в X—XII вв. на Таманском полуострове и Северном Кавказе. *Пирр* (319—273 до н. э.) — царь Эпира, воевавший с Македонией и Римом; в его войске было немало иллирийцев (и сам Пирр детство провел в Иллирии), которых наука XVIII в. (например, Ломоносов) считала славянами. В действительности территория древней Иллирии была заселена славянами в VI в. н. э. *Коего предки, оставив Кипр, преселились сперва в Гесперию* и т. д. Радищев излагает легенду о происхождении поморских славян — племен, населявших южное побережье Балтийского моря между Одером и Вислой, — и полабских славян, живших западнее поморян, между Одером и Эльбой (Лабой).

В с е г л а с. *Не слово ли твое всеильно* и т. д. Ср. № 2. Радищев излагает в образах славянской мифологии легенду о творении мира. *Купало* — «киевский бог плодов, второй по Перуну» (Попов). *Всесочетающей любви бог* — Лель, сын Лады. *Творенье брненное, о царь земли!* и т. д. Ср. у Державина: «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю, Я царь — я раб — я червь — я бог!» («Бог», 1784). *Колена кельтски* — кельтские племена; собственно кельты обитали в I-м тысячелетии до н. э. на территории современной Франции, Бельгии, Британии, Швейцарии и др. В XVIII в. под кельтами разумели племена, населявшие древнюю Англию, Шотландию и Ирландию. У Радищева же речь идет, очевидно, о норманнах — выходцах из Скандинавии, захвативших часть Франции и образовавших самостоятельное герцогство в начале X в., а в XI в. покоривших Британию. *От мыса, в дальном море вон торчаща* — вероятно, мыс Аг на полуострове Котантен в Нормандии. *Северный Улин* — Северный Ольстер (Ирландия). *Тул* — Туле, древнее название Исландии. *Морвен* — древнее наименование северо-западной части Шотландии. *Варяжское море* — старинное название Балтийского моря. *Котлин* — остров в устье Невы, на котором ныне расположен Кронштадт. *Оставивших свои Плавающие веси* и т. д. Радищев исходит из ошибочной теории, разделявшейся Ломоносовым, что славянские племена в античности населяли побережье Адриатического моря,

Эпир, Иллирию, Паннонию (на территории современной Венгрии, Югославии, Австрии). На самом деле славяне заселили эти места в V—VII вв. н. э. *По его атлантовым плечам* — то есть богатырским плечам (Атлант, греч. миф. — титан, на плечах которого держится небесный свод). *Холмоград*. Около Бронниц, «в тридцати верстах от Новгорода великого был славен Холмоград... в сей град короли северные нарочно приезжали для моления» (Екатерина II, «Записки касательно российской истории», ч. 1, с. 14). *Погиб Новый град*. Сведения о том, что Новгород был «разорен прежде Рурика», то есть до 862 г., Радищев мог найти у Ломоносова: «Старинные развалины свидетельствуют; Нестор о Новгороде упоминает прежде всех городов российских и что дважды строен» («в начале и в 862 году», — указ. изд., с. 177). *Рухлядь мягкая* — меха.

16. СОС, с. 179. Печ. по ПСС, с. 127, с конъектурами Г. А. Гуковского в ст. 16, 39, 52, 64; кроме того, Гуковский указал на дефектность ст. 15, 19, 62, 70, 76 (должно быть «взвигнут» вместо «воздвигнут»), 79 (не хватает одного слога в начале второго полустишия; скорей всего здесь пропущено «ты») и незавершенность всего стихотворения, в котором отсутствует по крайней мере один — 80-й стих. В чем причина неисправности текста: в авторской недоработке или ошибках при публикации — неизвестно. Написано не раньше того, как Радищев узнал об освобождении из немцовской ссылки, то есть после 31 марта 1801 г. *И сокрушил наконец корабль, надежды несущий* и т. д. Речь идет о надеждах, которые возбуждало развитие прогрессивной просветительской мысли и общественного мирового процесса XVIII в., в особенности американская и французская революции, и разочарованиях, связанных с ходом революций. Конституция США, выработанная в 1787 г., закрепила рабство негров, что вызвало резко отрицательное отношение Радищева к Америке. Во Франции после контрреволюционного термидорианского переворота 1794 г. к власти пришла, по выражению Радищева, «пятиглавая и ненавистная всем гидра» Директории (1795), которая в 1799 г. сменилась диктатурой Наполеона Бонапарта. *Крови — в твоей колыбели* и т. д. Начало XVIII в. ознаменовалось двумя войнами, охватившими почти всю Европу, — Северной войной (1700—1721) и войной за испанское наследство (1701—1714). Кроме того, Россия на протяжении столетия четырежды воевала с Турцией, дважды — с Швецией, дважды — с Персией и т. д. В Европе же в 1740—1748 гг. шла война за австрийское наследство, в 1756—1763 гг. почти все страны оказались вовлеченными в Семилетнюю войну, и т. д.; с 1792 г. почти непрерывно вела войны республиканская Франция. *Там многотысячолетны растаяли льды заблужденья* и т. д. Речь идет о просветительской, материалистической философии XVIII в. и о ее борьбе с религией и церковью. *Царства погибли тобой* и т. д. В результате многочисленных войн и дипломатических переговоров политическая карта мира в XVIII в. постоянно перекраивалась. Так, в Европе, например, в 1701 г. возникло королевство Пруссия; в 1720 г. образовалось Сардинское королевство; в результате трех разделов перестала существовать Польша; в Америке появилось независимое государство США; была ликвидирована монархия во Франции, а следствием походов французских республикан-

ских армий явилось образование ряда республик на территории Голландии, Италии, Швейцарии и т. д. *Из океана возникли* и т. д. Речь идет о географических исследованиях XVIII в., когда были открыты значительное число Курильских и Алеутских островов, Аляска, ряд островов и архипелагов в Океании, восточный берег Австралии и др. *Новы металлы*. Имеются в виду успехи химии: если к началу столетия было известно 13 элементов (в том числе 10 металлов), то к концу — уже 32 (в том числе открыты мышьяк, марганец, хром, никель и др.). *Ты исчисляешь светила* и т. д. В XVIII в. был издан ряд звездных каталогов, которые и поныне не утратили значения, например Н. Лакайля (1750), Д. Бадделя (1755), Т. Майера (1755). *Нитью вождения вспять* и т. д. Английский астроном Э. Галлей вычислил орбиты движения более чем 20 комет; обратив внимание на периодичность появления одной из них, Галлей доказал, что она должна вновь вернуться к Солнцу и пройти через перигелий в 1758—1759 гг. Предположение блестяще подтвердилось: комета Галлея прошла через перигелий 13 марта 1759 г. *Луч рассеен тобой света*. Имеются в виду труды по оптике И. Ньютона, который открыл, что белый луч света состоит из лучей различной преломляемости, обнаружил периодические свойства света и первым фактически измерил длину световой волны. *Ты новые солнца воззвало*. Помимо непосредственных открытий на карте звездного неба (так, в 1781 г. была обнаружена планета Уран), Радищев, очевидно, имеет здесь в виду борьбу вокруг теории гелиоцентрической системы мира, утверждение представления о множественности миров, создание космогонической теории Канта — Лапласа, открытие движения Солнца вместе с планетами в межзвездном пространстве В. Гершелем и его предположения о строении Млечного Пути. *Новы луны изо тьмы* и т. д. В 1787 г. В. Гершель открыл два спутника Урана, а затем — два спутника Сатурна. *Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых*. По-видимому, речь идет о селекции сельскохозяйственных растений, о выведении новых пород скота и т. п. *Даже летучи пары* и т. д. Имеются в виду работы над созданием различных паровых двигателей, изобретение Д. Уаттом в 1784 г. универсального парового двигателя. *Молнию небесну сманило* и т. д. В середине столетия Б. Франклин изобрел громоотвод. *И на воздушных крылах* и т. д. Первый воздушный шар братьев Монгольфье был запущен 5 июня 1783 г.; 21 ноября состоялся первый полет с людьми. *Утро столетия нова кровиво еще нам явилось*. Помимо указания на военные действия в Европе, здесь, возможно, содержится намек на убийство Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. *Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона*. Речь идет об указах и мероприятиях первых месяцев царствования Александра I (1777—1825): в результате заключения конвенции с Англией (июнь) и подписания мирного договора с Францией (октябрь) Россия вышла из войны; в марте было объявлено об амнистии лиц по ведомству Тайной экспедиции, а сама она уничтожена в апреле, в июне дан указ о работе Комиссии по составлению законов и т. д. *Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами*. Намек на манифест от 12 марта, в котором новый император возвещал о намерении править по законам и по сердцу своей великой бабки — Екатерины II.

ПРИЛОЖЕНИЯ

17. СОС, ч. 4, с. 3. В воспоминаниях Н. А. Радищева говорится, что его отец в ссылке «начал «Историю покорения Сибири» и историческую повесть «Ермак», но ни того, ни другого сочинения не кончил, а последнего остались только небольшие отрывки» («Биография А. Н. Радищева», с. 44). Поэтому трудно сказать, является ли данный отрывок частью прозаического плана поэмы или вступлением к ней (ср. № 13 и № 15). В литературном плане отрывок может быть соотнесен с «Потерянным раем» Д. Мильтона, причем местами радищевский текст близок к английскому произведению (подробнее см.: ПСС, 2, с. 388—389). *Древний образ Ангела света*. Согласно апокрифической легенде, ангел тьмы — сатана — некогда был ангелом света, но восстал против бога и низвергнут с небес; эта легенда лежит в основе поэмы Мильтона.

18. СОС, ч. 4, с. 27. Печ. по ПСС, 2, с. 199. Датируется по упоминанию «Стихотворений» П. М. Карabanова (СПб., 1801). Замысел статьи находится в связи с мыслями, высказанными в «Путешествии» относительно «Тилемахиды» Тредиаковского и необходимости обновления русского стихосложения. *Памятник дактилохорического витязю* и т. д. Пародия на титульный лист поэмы «Тилемахида». *Поборником его знаменитого творения*. По Тредиаковскому, «поборник» значит «защитник и споспешник»; термин «эпическая пинма» он разъяснял как «сказательное творение». *Предисловие* и т. д. Используя термины Тредиаковского, Радищев пародирует его манеру снабжать свои сочинения и переводы обширными введениями; так, роману «Езда в остров Любви» предпослано «предисловие» «К читателю», «Разговору об орфографии» — «Предупреждение от автора», «Тилемахиде» — «Предъизъяснение об ироической пинме». *Библиотеки, вивлиофики, книгохранилища, книгоамбара*. Здесь и далее («диссертация, разыскание» и т. д.) Радищев проицирует как над синонимическими упражнениями Тредиаковского, так и над стремлением лингвистов конца XVIII в. подыскивать к иностранным словам русские «кальки» и толкования. *Коцебу А.-Ф.-Ф.* (1761—1819) — немецкий писатель и драматург; в повести «Жизнь моего отца» (русский перевод — М., 1798), по словам Коцебу в «Предисловии», он использовал принцип буриме: каждая глава связана с одним из слов, заданных будто бы писателю его приятелем заранее; этот принцип применяет и Радищев. *Сиденгамов жидкий лаудан* — снотворное средство. Читать «Тилемахиду» в качестве снотворного советовал журнал «Всякая всячина» (1769). *Копорье* — уездный город, затем село Петербургской губернии (ныне — Ленинградской области). *Кремуций Корд* (ум. 34) — римский историк, которому при императоре Тиберии было предъявлено обвинение в том, что он в своих «Анналах» воздал хвалу Бруту, а Кассия назвал «последним римлянином» (см. примеч. 8). Когда сенат вынес постановление об уничтожении его труда, Кремуций будто бы произнес фразу: «Запрети и меня». В «Путешествии» Радищев связал этот эпизод с именами историка Тита Лабиена (ум. ок. 12) и оратора Кассия Севера (ум. 32). Очевидно, в «Памятнике» Радищев ошибся, воспроизводя эпизод по памяти. *Преподавать учение в раз-*

говорах во время прогулки. Подобный способ обучения применялся Сократом, Аристотелем и его последователями — философами-педагогами. Руссо Ж.-Ж. (1712—1778) — французский просветитель и писатель. В романе «Эмиль, или О воспитании» (1762) обосновал мысль о необходимости воспитания на лоне природы. Базедов И.-Б. (1723—1790) — немецкий педагог; ввел наглядное обучение. Вольге Х.-Г. (1741—1825) — сотрудник Базедова, некоторое время работавший в Петербурге. Финисно ясно перышко и т. д. Имеются в виду народная сказка о Финисте — ясном перышке, сказки о воре Фомке и о воре Тимоне из «Русских сказок» В. А. Левшина и о Бове-королевиче. В Москве вертелы носят деревянные. Речь идет о народном кукольном театре. Нафалия — ошибка или опечатка; имеется в виду трагедия «Гофолия» (1691) Ж. Расина (1639—1699), изданная в русском переводе под загл. «Афалия» (М., 1784). Героиня трагедии видит сон, предвещающий ее падение и воцарение юного Иоаса. У Шекспира злобный Ричард и т. д. См. хронике Шекспира «Ричард III» (акт 5, сцена 3). О сновидениях «Россияды» в другое время. Вещие и «чудесные» сны играют большую роль в эпической поэме М. М. Хераскова «Россияда»; отношение к ним Радищева могло быть только отрицательным, ибо он считал «чудесное» для поэмы «неприличным». От Гл... ва или Со... ва. Речь идет о лавках известных петербургских книгопродавцев И. П. Глазунова и В. С. Соликова. Риза — здесь иронически обозначает «облаченные» книги, то есть переплет. Творения Ч... и т. д. Радищев говорит о сочинениях М. Д. Чулкова, «Лиро-дидактическом послании» Н. П. Николева в 3-м томе его «Творений» (М., 1796), «Новом земледелии» А. В. Розноговского (чч. 1—7, М., 1794—1800), «Словаре поваренном» В. А. Левшина (чч. 1—6, М., 1795—1797), «Стихотворениях» П. М. Карabanова (СПб., 1801), куда по цензурным причинам не был включен перевод трагедии Вольтера «Альзира» (1736), впервые изданный в 1785 г. Под «Иерихоном» подразумевается сборник К. А. Кондратовича «Старик молодой» (СПб., 1769), в начале которого имеются строки: «О Иерихон проклятый, Как меня ты заманил?» Монгольфьеры — братья Монгольфье, см. примеч. 16. Бланшард — Бланшар, воздухоплаватель, совершивший первый перелет через Ламанш и первый прыжок с парашютом. Небесная планисфера — лубочная картина, на которой созвездия изображены в виде соответствующих их наименованиям рисунков: львы, рысь, козерог, малая и большая медведицы, змея, гидра и пр. Мы приплыли на остров Кипр и т. д. Цымбалда здесь и далее не цитирует, а пересказывает «Тилемахиду». Горе мне грешнику сузцу — популярная «духовная песнь». Как некогда жлепорок Валаам и т. д. Согласно Библии, волхв Валаам был приглашен моавитянами, чтобы проклясть завоевателей-израильтян, но по воле Бога изрек не проклятия, а благословения. Гласом великим — громким голосом. Цымбалда наш был древен и т. д. Портрет и характеристика Цымбалды пародийно воспроизводит стихи «Тилемахиды», относящиеся к Фермосириду, жрецу Аполлона. Он открылся ему и т. д. Этот абзац — пародия на признание Тилемаха Ментору в любви к царевне Антиопе и ответ Ментора. Новерр Ж.-Ж. (1727—1810) — французский балетмейстер, реформатор и теоретик балета. Анджелини — Анджолини Г. (1731—1803), итальянский балетмейстер и

реформатор хореографического искусства. Будучи соперниками, Анджелини и Новерр особое внимание уделяли в балете трагической пантомиме. *Столпообразный Лаокоон* — знаменитая скульптурная группа работы Агесандра, Полидора и Атенодора. *Момическая кисть* — сатирическая (по имени Мома, греческого бога сатиры и насмешки). *Гогарт* — У. Хогарт (1697—1764), английский художник-сатирик. *Енкелад* (Энцелад, греч. миф.) — один из гигантов, составших против олимпийских богов; после поражения гигантов был погребен под горой Этной на Сицилии; движения его тела вызывают извержение вулкана. *Преношения в русском языке можно делать такие, как в латинском*. Характерная особенность латинского литературного языка — инверсии («преношения») — состоит в разделении синтаксически связанных между собой слов. Третьяковский использовал инверсии чрезвычайно усиленно. *Читай по стопам слов, как то велит читать Клопшток*. Речь идет о трактате «О немецком гекзаметре» поэта и теоретика стиха Ф.-Г. Клопштока (1724—1803), приложенном к изданию 1769 г. его эпической поэмы «Месснада». Выступая против «школьного» скандирования стиха по стопам, немецкий поэт писал: «Из приложения к речи искусственных или школьных стоп возникают стопы слов, которые являются действительными частями стиха; только на них обращает внимание слушатель, которому до искусственных стоп нет никакого дела». *Триврахия* — трибрахий; в русском стихосложении — трехсложная стопа, в которой все слоги безударны (в трехсложных размерах функционирует подобно пиррихию в двусложных). *Пандорина коробка*. Согласно греческой мифологии, мужу первой женщины Пандоры боги подарили сосуд, наполненный болезнями, несчастьями и пороками; Пандора из любопытства открыла сосуд, бедствия вылетели из него и с тех пор терзают человечество. «*О ты, что в горести напрасно*» — первый стих «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова. *Ода к Фелице* — стихотворение Державина (1782, опубликовано в 1783 г.).

СЛОВАРЬ

Агнец — ягненок.

Алчба — ненасытное желание; голод.

Бирюльки — игра в палочки или соломинки.

Ботеть — полнеть, увеличиваться в объеме.

Веледушный — великодушный.

Верзить — ввергать.

Вертеп — пещера.

Веси — селения, жилища.

Внезапу — внезапно, вдруг.

Внушать — внимать.

Возниченный — возникший.

Вой, войны — вонн, вонны.

Выя — шея.

Горé — вверх.

Денница — утренняя заря.

Десная, десница — правая рука.

Десную — справа.

Днесь — ныне, теперь, сегодня.

Довлеет — надлежит.

Зане — ибо, потому что, так как, поскольку.

Зиждитель — создатель, творец, бог.

Ирой — герой.

Колена — племена.

Крин — лилия, в литературе символ чистоты и невинности.

Крушцы — металлические руды, металлы.

Лепота — красота, великолепие.

Лики — хоры.

Личина — маска.

Любомудр — философ.

Мастистый — душистый, пахучий, благовонный.

Мета — цель, предел.

Мзда — воздаяние, награда.

Мрежи — сети.

Нижé — даже ни, ни даже, даже.

Олива — маслина, символ мира.

Омег — горечь.

Оратай — пахарь.

Ошую — слева.

Паки — снова, еще, опять.

Паче — больше, сильнее.

Перси — грудь.

Петел — петух.

Персты — пальцы.

Поносный — позорный.

Понт — море.

Порфирный — из порфира, камня типа гранита; возможно, пурпурного цвета.

Претерть — разрушить, перепилить на части.

Прещение — запрет, запрещение.

Привитать — обитать.

Причет (причт) — церковнослужители одного прихода, церкви.

Пряслица — прялка.

Рамены, рамена — плечи.

Рдян — легко воспламеняющийся.

Рубище — ветхая одежда.

Рясны — подвески, ожерелье.

Седяй — сидящий.

Сень — тень.

Совместник — соперник.

Софизм — лжеумудрствование.

Споручный — удобный, способный, сподручный.

Стогны — площади.

Судяй — судящий.

Тварь — творение, человек.

Теремясь — вздымаясь.

Течь — идти, двигаться.

Тимпан — литавры, бубны, барабан.

Томный — тяжкий, удручающий; печальный, утомленный; утомительный.

Убрус — золотой обруч, корона.

Фаланга — боевой строй древнегреческих (македонских) войск.

Харолуга — сталь, меч.

Хламида — мантия, плащ.

Хлябь — бездна.

Цевница — свирель, труба.

Шары — краски, цвета.

Шелом — шлем.

Щеглы (шаглы) — мачты.

Юница — телка.

Яко — как.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. А. Н. Радищев. С портрета неизвестного художника XVIII в. Саратовский художественный музей им. А. Н. Радищева.

2 *С. 51*. «Творение мира» в списке «Путешествия из Петербурга в Москву». Государственный исторический музей (Москва).

3. *С. 60*. Ода «Вольность» в списке «Путешествия из Петербурга в Москву». Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

4. *С. 64*. Ода «Вольность» в авторизованном списке «Путешествия». Центральный государственный архив древних актов (Москва).

5. *С. 65*. Ода «Вольность» в «Путешествии из Петербурга в Москву» (СПб., 1790).

6. *С. 131*. «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева. Часть первая» (М., 1807). Титульный лист.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия А. Н. Радищева. Вступительная статья В. А. Западова . . .	5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Песня	49
2. Творение мира. <i>Песнословие</i>	52
3. Эпитафия	55
4. Вольность. <i>Ода</i>	56
5. «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? . . .»	76
6. «Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится. . .»	76
7. Молитва	78
8. Песнь историческая	78
9. «Час преображенный. . .»	124
10. Журавли. <i>Басня</i>	125
11. Идиллия	126
12. Ода к другу моему	128
13. Бова. <i>Повесть богатырская стихами</i>	130
14. Сафические строфы	162
15. Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам	162
16. Осьмнадцатое столетие	180

ПРИЛОЖЕНИЯ

17. Ангел тьмы. <i>Отрывок из поэмы «Ермак»</i>	185
18. Памятник дактилохоренческому витязю, или драматикоповес- ствовательные беседы юноши с пестуном его, описанные со- ставом нестихословных речи отрывками из ироническия пи- нимы славного в ученом свете мужа NN поборником его знаменитого творения	186
Варианты	211
Примечания	221
Словарь	268
К иллюстрациям	270

Радищев Александр Николаевич
СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1975,
272 стр. План выпуска 1975 г., № 356

Редактор *Л. А. Николаева*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 26/VI 1975 г. Подписано в печать 12/XI 1975 г. М 21661. Бумага 84×108¹/₃₂, типогр. № 1. Печ. л. 8¹/₂ + 1 вкл. (14,4). Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 25 000 экз. Заказ № 733
Цена 1 руб.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.